

Меньшевики после Октябрьской революции

Сборник статей
и воспоминаний

Б. Николаевского,
С. Волина,
Г. Аронсона

Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский

Меньшевики после Октябрьской революции

Сборник статей
и воспоминаний

Б. Николаевского,
С. Волина,
Г. Аронсона

Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский

MENSHEVIKS AFTER THE OCTOBER REVOLUTION

Articles and memoirs by
B. Nikolaevsky, S. Volin, G. Aronson

**Печатается с разрешения Колумбийского университета
и Архива института Гувера**

Edited & compiled by Yuri Felshtinsky

Computerized typesetting
by Gessen Book Electronics
262 Woodcliff Road
Newton, MA 02161

Copyright 1990 by Chalidze Publications
Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731, USA
Manufactured in USA

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

В 1988 году в изд. Чалидзе вышел сборник статей и воспоминаний Б. Сапира, Ю. Денике, Б. Николаевского, Л. Ланде, Д. Далина, Е. Ананьина и Р. Абрамовича под общим названием „Меньшевики”. Настоящее издание является второй книгой очерков, посвященных истории русского социал-демократического движения, написанных меньшевиками, очевидцами событий тех дней — Б. Николаевским, С. Волиным и Г. Аронсоном. Статьи Волина и Аронсона, как и очерки сборника „Меньшевики” были написаны по заказу так называемого „Межуниверситетского проекта” по изучению истории меньшевизма, организованного в 1959 году по инициативе группы либеральных американских историков, возглавляемой Леопольдом Хаймсоном. Финансируемый несколькими крупными благотворительными организациями, в том числе фондами Рокфеллера и Форда, проект ставил своей целью опрос живших за пределами СССР, преимущественно в США, участников меньшевистского движения в России. Целому ряду меньшевиков было предложено написать воспоминания или статьи о социал-демократическом движении до и после большевистского переворота. Не всегда объективно и критически написанные, эти материалы, однако, являются незаменимым источником для всех тех, кто занимается изучением истории русской революции, эпохи гражданской войны и революционного, прежде всего социал-демократического, движения в России.

Очерки Б. И. Николаевского, историка и собирателя архивов, не были написаны для Межуниверситетского проекта и хранятся в фонде Николаевского в Архиве института Гувера (Стенфордский университет, Калифорния, США), ящик 621, папка 16 и ящик 522, папка 1.

Материалы сборника „Меньшевики после Октябрьской революции” публикуются впервые с любезного разрешения Колумбийского университета и Архива института Гувера.

Юрий Фельштинский
Январь, 1990

Б. Николаевский

РСДРП (меньшевики) ЗА ВРЕМЯ С ДЕКАБРЯ 1917 ПО ИЮЛЬ 1918

1. Меньшевики и Брестский мир

Чрезвычайный съезд РСДРП (меньшевиков), заседавший 13-20 декабря 1917 г., дал победу фракции „интернационалистов” (Л. Мартов, Р. Абрамович и др.). Правые фракции партии, — „оборонцы” группы Потресова, правое крыло „революционных оборонцев” во главе с Либером, Батурским и др. — отказалось войти в избранный съездом Центральный комитет, огласив особую декларацию о том, что они отказываются нести политическую ответственность за взятую большинством съезда новую партийную линию. Центральный комитет был составлен на основе соглашения группы Мартова с левым крылом „революционных оборонцев”, руководимым Ф. Даном. Абсолютное большинство в этом ЦК имела группа Л. Мартова (10 человек из общего числа 19). Редакция центрального органа партии была образована из двух „интернационалистов” (Л. Мартова и А.С. Мартынова) и Ф. Дана.

Новый ЦК, в полном согласии с решениями съезда, с самого начала относился резко отрицательно к мирным переговорам, начатым в это время советским правительством с австро-германской коалицией. Исходной посылкой, определившей его позицию, была уверенность, что советское правительство, созданное большевиками, как правительство гражданской войны внутри демократии не сможет ни развязать борьбу международного пролетариата за общую ликвида-

цию войны на демократической программе, ни добиться сносных условий для сепаратного мира одной России. Гражданская война, которую систематически разжигают большевики внутри России, неизбежно ведет к разжиганию appetites немецкого империализма, сопротивляться которому большевики не имеют никаких сил. Поэтому первым необходимым условием борьбы за действительно демократический и действительно международный мир является создание в России такого правительства, которое объединяло бы вокруг себя все силы революционной демократии, — от умеренных социалистов до большевиков. Таким правительством может быть только правительство, созданное Учредительным собранием, выборы в которое, к этому времени подходившие к концу, дали подавляющее большинство различным социалистическим партиям. Поэтому проблема борьбы за мир непосредственно упирается в проблему защиты Учредительного собрания. Эта последняя проблема чрезвычайно сложна, — и не только потому, что шансов на успех у защитников Учредительного собрания, опирающихся на распяленную крестьянскую массу, не особенно много. Опасность грозит и с другой стороны: поскольку за большевиками — противниками Учредительного собрания — идут широкие слои рабочего класса, постольку даже победа защитников Учредительного собрания связана с огромными опасностями для судеб русской революции, ибо она закрепит раскол в рядах тех сил, союз которых один только может содействовать успешному развитию русской революции. Задачей социал-демократии в борьбе за Учредительное собрание, по мнению Центрального комитета, должно было явиться стремление оторвать рабочие массы от утопических большевистских планов немедленной социальной революции и выяснение этим массам необходимости объединения вокруг Учредительного собрания. Только на этом пути борьба за Учредительное собрание может стать борьбой за объединение сил демократии и только таким путем проведенная ликвидация большевистской диктатуры не будет одновременно началом ликвидации революции вообще.

Исходя из этих соображений о связи внешнеполитических задач с задачами внутренними, Центральный комитет во главу угла всей своей критики поведения большевиков в пе-

риод мирных переговоров с немцами ставил лозунг „прекращения гражданской войны и создания общепризнанной демократической власти” (Новый луч, 20 декабря 1917 г.).

Политика Троцкого, который в то время проповедывал идею „ни мира, ни войны” (отказ от подписания мира на выдвинутых немцами условиях и одновременная полная демобилизация армии и заявление о том, что Россия выходит из состояния войны с австро-германской коалицией), не встречала среди меньшевиков никакого сочувствия. „Новый луч” объявлял ее не революционной, а авантюристской политикой и не верил, что она будет иметь какой-либо успех (Новый луч, 30 января 1918 г.). Веры в то, что большевики пойдут на „священную войну русской революции против германского империализма”, о чем в то время говорили многие левые коммунисты, у меньшевиков не было. И поэтому решение большевистского Центрального комитета о капитуляции перед немцами не явилось неожиданностью. Тем не менее, когда начавшееся немецкое наступление на Псков заставило большевиков издать декрет, провозгласивший „социалистическое отечество в опасности”, и поставить вопрос об организации обороны Петрограда, Центральный комитет в принципе был за „вступление в ряды всенародной революционной армии, организуемой для действительной обороны от германского нашествия” (Новая жизнь, 5 марта н. ст. 1918 г.). Изданное в эти дни партийное воззвание намечало следующую линию политики, обещая на этом условии полную поддержку:

„Мира не подписывать. Делегацию из Бреста отозвать. Твердо решить вести революционно-оборонительную войну, организуя всенародное ополчение. Создать правительство революционной обороны, способное сплотить все силы демократии, поставить на службу обороны все политические, экономические и военные средства страны”. (Новая жизнь, 2 марта 1918 г.)

Очень скоро действительность показала, что ни создавать „революционное единение”, ни вести настоящую борьбу с наступающими немецкими армиями большевистское правительство не собирается. Реальным результатом объявления „социалистического отечества в опасности” явилось запрещение всех оппозиционных газет в Петрограде, — и под при-

крытием этого запрещения мир с Германией был подписан на еще более тяжелых условиях. Тогда Центральный комитет принял нижеследующую резолюцию, дающую общую оценку поведения советского правительства и намечающую основные линии партийного поведения для будущего:

„Крушение попыток советской власти заключить демократический мир с Центральными державами и последовавшее за тем новое наступление австро-германских войск поставили Россию в трагическое положение, какого еще не знала ее история. К ужасам гражданской войны, голода и анархии прибавляется опасность расчленения государства и воцарения военной диктатуры германской милитаристской касты в более или менее скрытой форме. Только напряжение революционной энергии всех демократических сил страны, заинтересованных в спасении революции, только объединение всех трудящихся масс и всех демократов с пролетариатом может найти какой-нибудь выход из трагического положения. Между тем, говорящая от имени русской революции власть, на которую ложится главная ответственность за постигшую страну катастрофу, в своем слепом стремлении удержать в своих руках господство над страной решила за спиной народа, за спиной даже той советской организации, которая ее создала и перед которой она формально ответственна, капитулировать перед германским империализмом и вступить в переговоры о мире, расчленяющем Россию и порабащую ряд ее народов, то есть принять за русскую демократию наихудший для страны и революции исход из создавшегося положения.

Констатируя, что

1. это решение, как заявляют сами вожди большевизма, продиктовано им прежде всего стремлением сохранить власть в руках Совета народных комиссаров, в чем они ложно усматривают залог торжества всемирной социалистической революции;

2. что, неся неслыханные унижения и жертвы, оно должно будет дискредитировать революцию и социализм в глазах широких народных масс и тем создать благоприятные условия для торжества контрреволюции;

3. что, санкционируя от имени русской революции, торжество германского империализма во всемирной войне, оно наносит тяжелый удар международному движению пролета-

риата, и прежде всего борьбе пролетариата германского и австрийского против своих классовых угнетателей, и надолго подорвет идею международной солидарности пролетариата;

4. что, готовясь подписать мир, расчлняющий Россию и несущий ей экономическое и политическое порабощение, правительство Ленина признает возможной и необходимой оборону только в том случае, если германский империализм сверх того посягнет на власть этого правительства над остальной частью России;

5. что, говоря об обороне на этот единственный случай, большевистская власть не поднимается в своем представлении о ней выше партизанской, обреченной на несомненную неудачу защиты отдельных городов, причем организацию такой обороны связывает с новым разгулом самого варварского террора и кровожадной демагогии, способных лишь убить последнюю жажду самозащиты в широких массах населения;

6. что, пользуясь чрезвычайными обстоятельствами, советская власть поспешила облечь себя диктатурой, добившись от Центрального исполнительного комитета полного самоупразднения;

7. что только весь народ в целом может взять на себя ответственность за выход из трагического положения, в котором очутилась страна, и что переложение этой ответственности на плечи одного пролетариата является со стороны нынешней власти предательством по отношению к его классовым интересам.

ЦК РСДРП постановляет:

1. протестовать против подписания мирного договора на условиях, подобных тем, которые были предложены Германией в Бресте, а тем более на условиях, еще более позорных и грабительских;

2. отстаивать в рабочем классе и демократических массах необходимость всенародного сопротивления неприятельскому нашествию, руководимому из глубокого тыла, откуда, не останавливаясь перед самыми тяжелыми жертвами со стороны населения, все боеспособные элементы народа должны быть организованы в армию, готовую вести войну против германской контрреволюции;

3. как основное условие возможности организации такого сопротивления добиваться создания признанной всеми демократией и на всю демократию опирающейся власти, способной прекратить повсеместную гражданскую войну и вдохнуть революционную веру в народные массы;

4. требовать возобновления работ Учредительного собрания для организации такой власти, выдвигая платформу объединения революционно-демократических сил, прекращения гражданской войны, борьбы за приемлемый для демократии мир, защиты основных завоеваний революции;

5. призвать все партийные организации вести в указанном направлении агитацию в народных массах, противодействуя всеми силами росту контрреволюционного настроения и всяким попыткам врагов демократии использовать создавшийся кризис для ликвидации завоеваний революции;

6. обратиться к австрийскому и германскому пролетариату с воззванием о противодействии преступным планам империалистской реакции, собирающейся распять русскую революцию.”¹

В духе этой резолюции представители партии выступали на Четвертом съезде Советов, на котором стоял вопрос об утверждении Брест-Литовского договора. Их протесты оказались безрезультатными: договор был утвержден, хотя съезду не был даже сообщен весь этот договор в его полном виде. На основании этого договора вся Украина, вся Белоруссия, весь Крым, весь северо-западный район были заняты оккупационными германо-австрийскими армиями, не говоря уже о Прибалтике, Польше, Финляндии.

Границы этих оккупационных районов имели тенденцию к расширению: немецко-австрийские армии пользовались всякими предложениями, чтобы занимать новые и новые участки русской территории. В Москве появился немецкий посол, который чем дальше, тем сильнее давил на политику советской власти. Брестский мир, говорил Центральный комитет [РСДРП] в резолюции, принятой 12 апреля 1918 года, „не прекратил военных действий на территории России, поскольку германский империализм продолжает расширять сферу своей оккупации; он заставляет народы России участвовать во всемирной войне в роли поставщика сырья для германского империализма, он с логической необходимостью уже привел

к новым осложнениям на Дальнем Востоке, на Кавказе и на крайнем Севере, к угрозе новых разделов России и создает для империалистов всего мира соблазн закончить войну всеобщим соглашением за счет нашей страны.''²

Было ясно, что закрепление победы Германии, завершение войны победою на Западе, означало бы ликвидацию всех завоеваний революции и превращение России в колонию австро-германского блока. Поэтому, будучи против такого исхода войны и в особенности против Брестского мирного договора, партия считала своей главной задачей, стоящей в самом центре ее политических задач, отчаянную, „до последнего издыхания” борьбу „против такого исхода войны, означающего смерть России и превращения ее в колонии”'.³

Но так как такая борьба могла быть организована в общегосударственном масштабе, то вопрос о ней прежде всего упирался опять-таки в вопрос об организации такой государственной власти, которая была „способна противодействовать стремлениям иностранных империалистов к порабощению и закабалению народов России”'. Внешнеполитические задачи неразрывно сплетались с задачами внутривнутриполитическими, а агитация против Бреста за разрыв заключенного там мирного договора стала одним из центральных моментов тех политических кампаний, которые стояли в центре всей партийной работы весной и летом 1918 года — а именно кампании за перевыборы Советов и за создание особых беспартийных „рабочих конференций”'.

Особняком стоял вопрос о поведении партийных организаций в районах, оккупированных немецко-австрийскими армиями. Здесь тоже задачи внешнеполитические стояли в тесной связи с задачами внутривнутриполитическими. Резко отрицательное отношение к Бресту и созданному им положению в оккупационных районах было общим для всех без исключения партийных групп на всем протяжении существования Брестского договора. Но тактика партийной борьбы против режимов, созданных в районах оккупации, определялась характером этих режимов.

Директивные указания партийных центров, определявшие основные линии поведения организаций на Украине, содержались в резолюции о „Брестском мире и распаде России”', принятой на общепартийной конференции в мае

1918 г. в Москве; соответствующие пункты этой резолюции гласили:

„Стремясь к восстановлению, на основе самоопределения, государственного единства республиканской России, ныне насильно расчлененной, и к восстановлению ее независимости, и рассматривая эту задачу, как задачу, совпадающую и тесно связанную с классовыми интересами пролетариата, социал-демократия в поработенных Германией и другими государствами частях страны борется против оккупационного режима и режима колониального грабежа, участвуя в местных представительных органах, отстаивая демократические общественные и государственные учреждения и всеобщее, равное избирательное право, борется против попыток насаждения привозных и туземных династий, защищает права национальностей и национальных меньшинств, энергично выступает против всякой попытки разжигания шовинизма и национальной распри между народами России.

Ставя своей целью восстановление Российской республики, как единого государства, и видя в республиканской федерации лишь переходную фазу от полного распада к добровольному государственному объединению, социал-демократии будет, поскольку нынешние искусственно созданные Брестским миром границы сохранятся, отстаивать установление между отдельными частями России тесного таможенного союза, торговых, железнодорожных, почтовых и т. п. соглашений, подготовляющих восстановление государственного единства в будущем; будет отстаивать в пределах каждой части расчлененной России распространение на граждан из всех остальных частей тех политических и гражданских прав, которыми пользуются местные жители; в частности, будет добиваться распространения на граждан остальных частей местного рабочего и аграрного законодательства.”

Партия считалась с тем, что Германия может победить и что, следовательно, условия, созданные Брестским миром, закрепятся на более или менее продолжительный период времени. Эту оценку, в общем и целом, принимали и украинские организации, которые, исходя из нее, решали конкретные проблемы, вставшие перед социал-демократией.

Партизанскую борьбу против немцев, которую тогда проповедывали некоторые группы левых коммунистов и левых

социалистов-революционеров, партия решительно отвергала — прежде всего потому, что считала, что подобная борьба не имеет никаких шансов на успех. Отряды, создававшиеся для этой борьбы, были малочисленны, недисциплинированны и, за редкими исключениями, не были способны выдержать даже небольшое столкновение с регулярными австро-германскими частями. По всему своему устремлению, эти отряды были не столько отрядами для борьбы против внешнего врага, сколько орудиями разжигания гражданской войны внутри страны. О борьбе с внешним врагом они думали меньше, чем об обложении мирного населения контрибуциями и поборами, чем о разных реквизициях и конфискациях. Деятельность известного Муравьева на Украине была достаточно ярким тому примером. Для того, чтобы создать армию, способную бороться с внешним врагом, самим большевикам пришлось позднее беспощадно расправляться с такими партизанскими отрядами, часто не останавливаясь перед расстрелами их организаторов и участников.

Равным образом партия относилась отрицательно и к вспышкопускательской тактике вызывания восстания, считая, что такого рода тактика, равным образом не имея шансов на реальный успех в борьбе с оккупантами, только влечет за собою неисчислимые жертвы, ставя мирное население под удары оккупационных армий. События в Николаеве давали хорошее подтверждение этого утверждения: в этом городе восстание рабочих, вспыхнувшее 22 марта 1918 г. в результате стихийного раздражения против оккупантов, подогретого анархо-большевистской агитацией, привело к расстрелам тысяч рабочих и к сожжению артиллерийским огнем рабочих предместий.

Переложение бремени борьбы против Бреста — борьбы, которой не вела Россия в целом, — на плечи населения оккупированных районов, партия считала столь же неправильным и невозможным, как невозможно и неправильно было бы предъявление подобного требования мирному населению других земель, оккупированных во время войны армиями вражеской коалиции. В отношении, например, Бельгии никто и не думал предъявлять требование к населению о том, чтобы оно повело активную борьбу против оккупантов. Население же Украины, Белоруссии и других оккупированных районов

России от положения Бельгии ничем не отличалось. Поэтому линия поведения партийных организаций оккупированных районов в отношении к оккупационным властям должна была сводиться к *политическому* непризнанию Бреста и к политической же пропаганде и борьбе против него. Этого рода борьбу партия вела повсеместно, с особой силой концентрируя внимание на том пункте Брестского договора, который имел непосредственное отношение к Украине, на пункте, который провозглашал независимость последней. Необходимость восстановления единства Украины с Россией на началах федерации была центральным пунктом партийной агитации. Резолюция по текущему моменту, принятая на Всеукраинской конференции профессиональных союзов, состоявшейся в мае 1918 г. в Киеве, этому вопросу посвящает центральный абзац:

„Конференция заявляет, что профессиональному движению на Украине угрожает в настоящее время величайшая опасность со стороны восторжествовавшей при помощи чужеземных штыков буржуазно-помещичьей реакции...

Брестский мир, положивший начало союзу внутренней и международной реакции для борьбы с социальными и демократическими завоеваниями революции, привел к насильственному расчленению России, к разрушению народно-хозяйственного единства и к разрыву профессионального объединения рабочего класса. Конференция заявляет, что в интересах экономического возрождения Украины и России и предотвращения опасности превращения их в колонии центрально-европейского империализма, в интересах восстановления единства профессионального движения и экономической борьбы пролетариата, необходимо стремиться к воссоединению Украины с Россией на началах федеративной демократической республики, что может явиться результатом объединения борьбы пролетариата Украины и России за торжество начал народовластия.”⁴

Но не ставя своей задачей непосредственную активную борьбу против оккупационных армий в районах, занятых австро-германской коалицией, партия, конечно, не отказывалась от политической борьбы с теми органами местной власти, которая в этих районах существовала. Речь идет прежде всего об Украине.

Вступление немецко-австрийских войск на Украину произошло по призыву правительства Голубовича, в котором большинство составляли представители партии украинских социалистов-революционеров. РСДРП в этом правительстве не участвовала и была к нему в оппозиции. Ее представители в Центральной Раде (представительный орган Украинской Народной Республики) несколько раз выступал с критикой политики этого правительства и в особенности его отношений к немцам.

В апреле 1918 г., незадолго до переворота, когда немцами было свергнуто правительство Голубовича и учреждена власть гетмана Скоропадского, в Киеве состоялась общекукраинская партийная конференция. На этой конференции в большинстве оказались сторонники правого крыла „революционных оборонцев”. Они же составили большинство и во Всеукраинском главном комитете РСДРП, который был избран на этой конференции (М. С. Балабанов, П. А. Гарви-Бронштейн, И. С. Биск и др.). Этот Всеукраинский главный комитет на своем пленуме, состоявшемся в конце мая 1918 г., принял резолюцию, определяющую позицию партии на Украине при гетмане; вот наиболее важные части этой резолюции:

„Государственный переворот на Украине, произведенный германо-австрийским командованием и реакционным союзом землевладельцев при содействии финансовой и промышленной буржуазии, на почве господствующей дезорганизации рабочего класса, является результатом военного разгрома России и крушения революции, подорванной условиями мировой войны, большевистской диктатурой, длительным состоянием гражданской войны и разрушением демократического фронта на Украине усилиями национал-максимализма. Переворот этот имеет [целью] политическую и социальную реставрацию и полное подчинение Украины, а затем и России центрально-европейскому империализму, не останавливаясь перед скрытым и явным методом оккупации.

Ход революции, в особенности после Октябрьского переворота, питал силы крупно- и мелкобуржуазной реакции, в то же время систематически разрушал силы пролетариата и способность его удержать стремительное разложение революции. Сепаратный мир большевистской власти и Центральной

Рады, непосредственно приведший к окончательному разгрому России и Украины, развязал силы реакции, внутри назревавшей, и толкнул земельную и промышленную буржуазию в объятия германского империализма, положив начало союзу внутренней и международной реакции для борьбы с демократическими и социальными завоеваниями революции. Участие либерально-кадетских кругов во власти, осуществленное на Украине и намечающееся в России, и родственных им национально-украинских общественных элементов, как и борьба за власть крепостнически-дворянских элементов, не является, таким образом, случайным эпизодом, продиктованным исключительно интересами германского империализма, но служит показателем заново складывающихся на Украине и в России общественных отношений, — укреплением сил буржуазии за счет и на почве дезорганизации рабочего класса и демократии вообще. Намечая свою тактику, рабочий класс не может игнорировать этой складывающейся, хотя и не устойчивой, обстановки, но должен принимать ее во внимание, используя противоречия интересов промышленной буржуазии и землевладельческой реакции, с одной стороны, и буржуазии и центрально-европейского империализма, с другой.

Принимая во внимание эту внутреннюю и международную обстановку, рабочий класс всю энергию и организованность должен направить к укреплению классового сплочения, к накоплению сил и поддержанию своей бодрости. Вместе с тем рабочий класс должен проявить осторожность раньше, чем предпринять такие массовые выступления, которые при неудаче могут лишь привести к поражению и тяжелому разочарованию в рядах рабочего класса, отвергая путь рискованных и авантюристских опытов.

Борьба против реставрации старого порядка в его абсолютных проявлениях и за восстановление и утверждение последовательного народовластия в центре и на местах и созыв с этой целью Украинского Учредительного собрания должны быть в настоящее время объединяющим руководящим началом в политической борьбе рабочего класса.”

Очередными лозунгами для агитации и пропаганды резолюция выдвигает следующие требования:

„Всеобщее избирательное право.

Учредительное собрание.
Демократическая республика.
Федерация Украины и России.

Проведение земельной реформы в интересах крестьянства и роста производительных сил страны.''⁵

Общая установка, принятая в это время партией на Украине, была установкой на свержение гетманской власти,⁶ — но это свержение мыслилось возможным только в результате относительно длительной подготовительной работы, всякие авантюристские выступления могли только мешать.

Для проведения этой политической линии партийные организации стремились использовать легальные возможности, открывавшиеся для представителей партии в органах местного самоуправления, с одной стороны, и в печати, с другой. Трибуна органов местного самоуправления широко была использована партией в течение первых месяцев немецко-австрийской оккупации. Существовавшее тогда правительство Голубовича немедленно по своем приходе восстановило все органы местного самоуправления, избранные в 1917 г. при Временном правительстве и распущенные большевиками в начале 1918 г. Эти органы, большинство в которых всюду принадлежало социал-демократам и социалистам-революционерам, просуществовали до конца лета 1918 г., когда были распущены гетманским правительством. Все эти месяцы существования этих органов были заполнены их борьбой против действий оккупационных властей, с одной стороны, и органов украинских правительств, с другой, — причем социал-демократы неизменно выступали застрельщиками во всех подобного рода выступлениях. В результате этих выступлений на инициаторов их сыпались репрессии. Так в Екатеринославе за резолюцию о политическом положении были арестованы все члены городской управы. В Юзовке за аналогичную резолюцию была арестована вся городская дума на пленарном заседании. В Нижне-Днепровске были арестованы все гласные социал-демократы. В Гомеле за отказ городской думы принять резолюцию о „добровольном” присоединении к Украине арестован и выслан из края председатель городской думы Богданов. За протесты против действий оккупационных властей в Полтаве был арестован член городской управы социал-демократ Ляхович, в Житомире за то же — председатель

городской думы социал-демократ Вороницын и т. д. Целому ряду партийных деятелей пришлось познакомиться с немецкими концентрационными лагерями (Ляхович, Вороницын и др.), из которых их освободила только немецкая революция.

Еще более многочисленны были репрессии против партийной прессы. Нет ни одного города Украины, где в 1918 г. попытки издания партийных органов не приводили бы к конфискации, закрытию этих органов, арестам лиц, имевших отношение к их изданию... В таких городах, как Харьков, Екатеринослав и др. история борьбы за партийную прессу составляет длинный список всевозможного рода мытарств (в районе, занятом австрийскими войсками, положение прессы было относительно лучшим). Вот для примера один эпизод из истории борьбы за социал-демократическую печать в Екатеринославе:

„После закрытия здесь официально партийных газет, в начале июня была сделана попытка издавать газету с [оциал]-д[емократического] направления в порядке частной инициативы, но окончилась в высшей степени плачевно. Газета называлась „Новый луч” — была закрыта, имущество предписано было конфисковать, редактор, присяжный поверенный Полонский, арестован и, несмотря на отказ прокурора предъявить какое-нибудь обвинение, до сих пор находится в тюрьме.

Вообще история „Нового Луча” весьма характерна для положения печати на Украине — для иллюстрации ее полной бесправности и зависимости от самодурства местного надзирающего начальства.

Газета была разрешена на условии предварительной цензуры. Однако, после просмотра первого номера, украинская комендатура отказалась от предварительной цензуры, заявив, что „будет привлекать и карать за помещение негодных статей”.

На четвертом номере газеты угрозу привели в исполнение — газету закрыли и покарали: имущество конфисковали, редактора арестовали. Попытка выяснить, за что именно закрыли газету, не привела ни к чему. Ответ покаравшего начальства гласил: „За вредное направление”.

В итоге комендант отбросил фиговый листок... Он откровенно заявил, что не допустит никакой газеты, „хотя бы отдаленно напоминающую социалистическую”. „Все равно,

сегодня разрешу, а завтра закрою,— не стоит и начинать'', с такой циничностью формулировал комендант свое отношение к социалистической печати.''7

Особое внимание партия уделяла работе в профессиональных союзах. По ее инициативе была созвана в Киеве Всеукраинская конференция профессиональных союзов (21-26 мая 1918 г.), которая сыграла весьма крупную роль в истории профессионального движения на Украине. На нее съехалось 539 делегатов, представлявших около 500.000 организованных членов профессиональных союзов. Партийных социал-демократов среди членов этой конференции было около половины, а именно 187 социал-демократов и 80 бундовцев, тогда входивших в общие партийные организации. Основными докладчиками по всем вопросам были социал-демократы, резолюции которых конференция принимала подавляющим большинством, так как за них кроме социал-демократов голосовали многие беспартийные и социалисты других партий. Основная политическая дискуссия развернулась по вопросу о текущем моменте. Этот вопрос был поставлен последним в порядке дня: опасались, что выступления против Брестского мира и против гетманского правительства, которые неизбежно должны были войти в резолюцию, послужат поводом к репрессиям против конференции и потому хотели предварительно проделать всю организационную работу. Докладчиком выступал меньшевик П. А. Гарви-Бронштейн; содокладчиками были коммунист (Пастухов) и украинский социалист. Обсуждение проходило в весьма напряженной обстановке: ходили слухи, что готовится разгон конференции немецкими солдатами. Подавляющее большинство голосов собрала резолюция меньшевиков, составленная П. А. Гарви-Бронштейном совместно с М. С. Балабановым. Резолюция коммунистов получила только 70 голосов.⁸

Конференция создала общеукраинский центр профессиональных союзов — так называемый Уцентрпроф, большинство в котором составили меньшевики. Под его руководством профессиональные союзы Украины в течение последующих месяцев проделали большую организационную работу, сделав целую сеть краевых производственных объединений (металлистов, печатников, портовых рабочих, кожевников и т. д.). Широко развернулась профессиональная пресса: летом и

осенью 1918 г. на Украине выходил всего 21 профессиональный журнал, подавляющее большинство которых редактировалось социал-демократами. Исходя из своей общей оценки политической и экономической обстановки, руководимые меньшевиками профсоюзы избегали обострения частных экономических конфликтов, в обилии возникавших в те тревожные месяцы. Защиту профессиональных интересов рабочих они стремились осуществить по возможности на путях переговоров с промышленниками и представителями органов власти, — включая сюда и представителей оккупационных властей. Только в тех случаях, когда все легальные возможности были исчерпаны, профессиональные союзы шли на применение забастовок, обязательно требуя, чтобы эти забастовки проходили под руководством профсоюзов и борясь против стихийных „диких” забастовок, отрицательная, дезорганизующая рабочее движение роль которых в той обстановке им казалась особенно значительной.

В течение всего лета под влиянием политической обстановки на Украине, а также общего международного положения, внутри партийных организаций происходил процесс неуклонного полевения, и на 2-й Всеукраинской партийной конференции, собравшейся нелегально в конце сентября или начале октября 1918 г., большинство перешло в руки „интернационалистов”, центром которых с 1917 г. был Харьков. Соответствующим образом был составлен и новый Всеукраинский главный комитет, который с самого начала стоял на позиции вооруженной борьбы против правительства гетмана.

2. Меньшевики и союзническая интервенция

В вопросе об интервенции союзников центральные учреждения партии с самого возникновения этого вопроса заняли резко отрицательную позицию. Вскоре после утверждения Брестского договора Четвертым съездом Советов в Москве состоялось совещание „представителей демократических и социалистических организаций” и др., которые вынесли резолюцию о том, что появление союзных войск на русской

территории „должно вызвать сочувствие всех тех групп, которые не признают Брестского мира”. Это дало партии основание для решительного отмежевания от подобных взглядов. „Новый луч” 3 апреля писал в передовой статье:

„Наша партия заняла непримиримую позицию по отношению к Брестскому миру. Подготовку и организацию войны за независимость русской революции мы, вообще, считаем одной из необходимых предпосылок спасения и возрождения российской революции. И тем не менее — или, вернее, именно поэтому — мы считаем настроения, нашедшие себе выражения в резолюции, принятой указанным собранием, опасными, вредными, идущими вразрез с основной целью демократии российской — борьбой за установление и ограждение нашей национально-государственной независимости.”

Подробно разобрав обстановку, которая создалась бы в случае осуществления планов о выступлении союзных войск на российской территории, статья приходит к выводу:

„При нынешнем состоянии (полном отсутствии) нашей армии, борьба на территории России японцев или американцев с немцами лишь превратила бы в трагическую действительность мечты союзных и вражеских империалистов о разделе России. Россия не только политически и экономически, но и стратегически была бы разделена на сферы влияния. Россия была бы фактически оккупирована „друзьями” и врагами в той ее части, которая была бы занята войсками воюющих коалиций.

Мы потеряли возможность самостоятельно распоряжаться своей судьбой, узаконив Брестским миром наличие немецких войск на одной части русской территории. Мы окончательно потеряем республику, ее независимость, национально-государственную самостоятельность, призвав американо-японских варягов устраивать наши дела.”

Во всей полноте этот вопрос был поставлен и подробно обсужден на Всероссийском партийном совещании, состоявшемся 20-28 мая в Москве; соответствующие пункты резолюции о „Брестском мире и распаде России” гласят:

„5. Отвергая какое бы то ни было обращение к иностранным державам за содействием в деле преодоления внутреннего политического кризиса, переживаемого Россией, и борясь против всех попыток в этом направлении, РСДРП признает,

что заключение тех или иных соглашений с враждебными Германиии государствами лишь в том случае не будет грозить России превращением в безвольное орудие той или иной группы держав, если ею будет достигнуто внутреннее возрождение силами самой демократии и восстановлена демократическая государственность.

6. РСДРП решительно протестует против всякого вторжения, под какими бы то ни было предлогами, иностранных войск в пределы Российской республики, и против превращения ее территории в арену кровавой схватки двух враждующих между собой коалиций.”⁹

Когда вмешательство союзников стало фактом, Центральный комитет 2 августа 1918 г. принял следующую резолюцию, которая стала основной резолюцией, определяющей отношение партии к союзнической интервенции:

„Принимая во внимание, что правительства стран соглашения организуют военный десант на севере России и в Сибири, что таким образом возникает опасность возобновления на территории России военных действий между двумя империалистическими коалициями, причем отдельные части русского народа будут принуждены сражаться друг против друга;

что, преследуя цели борьбы с успехами германского империализма в России, это вмешательство союзных войск дает Германии предлог затянуть еще туже петлю, накиннутую Брестским договором при содействии большевистского правительства на народы России и занять своими военными силами центр Великороссии;

что, в силу этого вмешательство союзников может лишь усилить царящий в России экономический развал, голод, анархию и кровавые междоусобия и в то же время грозит содействовать новому затягиванию всемирной войны,

ЦК РСДРП протестует против оккупации союзными войсками севера и востока России и констатирует, что ведущаяся в Западной Европе агитация за вооруженное вмешательство не имеет ничего общего с социалистическим русским пролетариатом... Несмотря на ужасы царящего ныне в России большевистского режима, основанного на подавлении всех свобод и на безответственной тирании, несмотря на те массовые аресты, всяческие репрессии и казни, которым он подвергается ежедневно со стороны кучки большевистских узур-

паторов, социалистический рабочий класс России отвергает всякое вмешательство капиталистических правительств для избавления его от кровавой большевистской диктатуры и рассчитывает лишь на свои силы, силы демократических масс, и на содействие международного пролетариата для устранения этого режима.

Отвергая, таким образом, вмешательство союзников на территории России, ЦК вновь протестует против кампании угодничества перед империалистической Германией, с которой Совет народных комиссаров фактически действует в полном союзе, давая тем самым желанные поводы для сторонников вмешательства в союзных странах.

ЦК поручает своему представителю, тов. П. Б. Аксельроду, довести этот протест до сведения рабочего класса союзных стран.”

Вопрос об отношении к союзнической интервенции тесно переплетался с вопросом о восстаниях против большевиков, полоса которых прошла по России в июле-августе 1918 г. Свой общий взгляд на эти восстания ЦК изложил в следующей резолюции, принятой им 27 июля 1918 г.:

„Утопия непосредственного социалистического преобразования в такой отсталой стране, как Россия, заканчивается явным крахом.

Мнимая диктатура пролетариата окончательно разоблачила себя, как диктатура большевистской партии, собравшей вокруг себя всевозможные авантюристические и темные элементы и поддерживаемой лишь голой силой наемных штыков, с одной стороны, и лестью германских империалистов, с другой.

Мнимый социализм свелся к окончательному разрушению русской промышленности, к закабалению страны иностранному капиталу и к уничтожению всех организаций классовой борьбы пролетариата и к уничтожению всех демократических свобод и органов демократической государственности и тем самым к подготовке буржуазной контрреволюции в самом худшем и свирепом ее виде.

Всей своей политикой, особенно превращением террора в единственный метод управления, большевистская власть вызвала глубокое возмущение не только со стороны помещичьих, буржуазных и др. кругов, которые по существу своему враж-

дебны революции, но и со стороны широких слоев демократического городского и сельского населения, вплоть до пролетариата, которые в силу классовых интересов своих должны и могут быть опорой последовательной демократической революции. А попытка большевиков, не могущих разрешить продовольственный вопрос, подкупить пролетариат крестовыми походами за хлебом в деревню, толкает крестьянство в объятия контрреволюции и грозит надолго посеять в нем ненависть к городу вообще и к пролетариату в особенности.

В результате, на почве общего возмущения в последнее время происходят почти непрерывающиеся попытки восстаний, частью подготовленных заговорщическим путем, частью вспыхивающих стихийно или же представляющих сознательно организованное выступление трудящихся масс (политические рабочие и железнодорожные забастовки, попытки захвата власти в Москве, Ярославле и в других городах, разгром местных Советов, крестьянские волнения, активное содействие населения чехословацкому продвижению).

Ход и обстановка этих событий подтвердили, что соотношение общественных сил в данный момент таково, что военно-технические и материальные средства для свержения большевистской власти сосредотачиваются в руках либо элементов недемократических, а то и открыто контрреволюционных, либо в руках международных империалистов, от которых судьбы страны попадают во все большую и большую зависимость, между тем, как трудящиеся массы, ослабленные экономической разрухой, распыленные и дезорганизованные режимом террора, оказываются малоспособными активно выступить, как самостоятельная и руководящая сила, для ликвидации большевистской власти в общегосударственном иасштабе и для завоевания нужного им демократического режима.

При таком положении дел попытки передовых слоев пролетариата взять на себя в данный момент инициативу насильственного свержения большевистской власти не могла бы привести к замене большевистского режима демократической республикой, обеспечивающей основные завоевания революции, свободу классовой борьбы пролетариата и установления единства и независимости России. Поэтому, пока объективные условия не изменятся, социал-демократия не считает

возможным ставить непосредственной задачей рабочего класса в данный момент организацию восстаний для свержения большевистской власти.

Продолжая непримиримую борьбу с бесчестящей русскую революцию большевистской тиранией, социал-демократия преследует задачу:

1. сделать невозможным, чтобы рабочий класс снова проливал свою кровь для сохранения мнимой рабоче-крестьянской диктатуры и мнимосоциалистического строя, бесповоротно осужденного на гибель, убивающих душу и дело пролетариата, и

2. в неустанной борьбе с большевистской властью за пролетарские права и демократические свободы организовать рабочий класс в силу, способную при изменившихся условиях, в союзе с другими слоями демократии, ликвидировать большевистский режим и при всех условиях — отстоять для себя и для демократии завоевания революции и революционно выступить против какой бы то ни было реакционной силы, которая хотела бы накинуть петлю на шею демократии.”

Такова была позиция партийного центра по этим двум основным вопросам партийной тактики. Для разъяснения этих резолюций были составлены особые циркулярные письма к организациям. Автором письма об интервенции и о международном положении вообще был Л. Мартов; автором письма о восстаниях и общем положении внутри страны был Ф. Дан. Оба эти письма нигде напечатаны не были и найти их в настоящее время не представляется возможным.¹⁰

Согласование линии местных партийных организаций с резолюциями Центрального комитета представляло значительные трудности и по целому ряду причин. Прежде всего условия, в которых приходилось действовать различным местным организациям, резко друг от друга отличались. Если не было согласованности в деятельности меньшевиков, то не было ее и у большевиков. В одних городах большевики, руководимые относительно умеренными лидерами, стремились к соглашению с меньшевиками и даже привлекали их местами в состав „ревкомов”, открыто выступая под лозунгом соглашения всех социалистических партий (так было, например, в Николаеве); в других же городах большевики разгоняли местные Советы, когда в них меньшевики становились руководя-

щей партией. Были случаи, когда в глухих областях под именем большевиков выступали такие элементы, от которых позднее большевикам официально приходилось отмежевываться; достаточно напомнить об отрядах некоего Нежевясова, который действовал на Северном Кавказе, пытаясь насильственно вводить „социалистическую” обработку земли (своего рода колхозы) еще весной 1918 г., вызывая тем самым крестьянские восстания, которые им беспощадно подавлялись. Этот Нежевясов со своими ближайшими соратниками еще в мае 1918 г. был расстрелян во Владикавказе высшими представителями местной советской власти, но перед тем, в течение 3-4 месяцев, его распоряжения были законом, неподчинение которым рассматривалось как восстание против советской власти. Неудивительно, что столь различная политика местных органов советской власти вызывала совсем различные настроения и в меньшевистских организациях. А при разобщенности, которая в то время существовала в России, политика местных органов советской власти для местных партийных работников естественно играла определяющую роль в общем отношении к советской власти вообще.

С другой стороны, дело осведомления местных организаций о позиции партийных центров представляло большие трудности. Еще с ноября 1917 г. в разных районах страны начали возникать фронты гражданской войны, прерывающие все сообщения этих районов с центральной Россией. Почтовые сообщения вообще работали неисправно, газеты из Москвы и Петрограда в провинцию вообще приходили не чаще 2-3 раз в неделю, притом приходили с большими пропусками. О решениях Центрального комитета в провинции часто узнавали от случайных проезжих. Когда в начале июля 1918 г. партийная пресса была окончательно уничтожена, Центральный комитет вынужден был свои резолюции в провинцию сообщать или через попутчиков, или через специальных курьеров, переправа которых в отдельные местности была связана с большим риском.¹¹ В этих условиях неудивительно, что решения ЦК местным организациям становились известны порою через несколько месяцев.

К этому надо прибавить и еще один фактор: наличие в партии значительного меньшинства, которое совсем иначе смотрело на оба эти основные вопроса партийной тактики, —

на вопрос об интервенции и о вооруженном восстании. Это меньшинство имело два руководящих центра. Одним была петербургская группа крайних „оборонцев”, руководящим идеологом которой был А. Н. Потресов. Эта группа существовала в качестве самостоятельной организационно оформленной фракции еще в годы войны. Соглашение об объединении, заключенное в первые дни революции, было формально разорвано осенью 1917 г., во время подготовки выборов в Учредительное собрание, когда „интернационалисты”, имевшие большинство в петроградской организации партии, отказались включить в списки партийных кандидатов по Петрограду даже таких представителей „революционных оборонцев”, как Н. С. Чхеидзе, и выставили чисто „интернационалистский” список во главе с Л. Мартовым. Результатом этого разрыва было выступление „оборонцев” на петроградских выборах со своим особым списком и создание ими своей особой оформленной организации. Центральный комитет, избранный на Чрезвычайном партийном съезде в декабре 1917 г., сделал попытку ликвидации этого раскола. В феврале 1918 г. была созвана особая „объединительная” конференция петроградской организации, но она не повела к соглашению, так как основное положение принятой „интернационалистским” большинством этой конференции платформы („идти в Советы для положительной работы”) было совершенно неприемлемо для „оборонцев”. Последние покинули конференцию, оставшаяся часть которой приняла резолюцию о том, что отныне все те лица, которые не войдут в какую либо из официальных партийных организаций, будут, согласно партийному уставу, считаться выступившими из партии.¹²

С этого момента ведет свое начало формально самостоятельное существование организации петроградских „оборонцев”. В течение ближайших месяцев они проводят фактическое объединение с остатками группы „Единство” (Г. В. Плеханов и его сторонники). Ни на одной из последующих общепартийных конференций представители этой группы не принимают участия. Политически эта группа является открытой сторонницей соглашения с франко-английской группировкой держав для восстановления на территории России антигерманского фронта, а также сторонницей насильственного свержения советской власти. Представители этой

группы являются участниками возникшего весной 1918 г. „Союза возрождения России”, который играл активную роль в восстаниях на Волге, в Архангельске и т. д.

Второй руководящий центр оппозиции начал складываться в Москве с весны 1918 года из бывших видных представителей правого крыла фракции „революционных оборонцев”. В отличие от петербургской группы, московская оппозиция не порывала связи с партией и вела активную работу в официальных партийных организациях Москвы и других городов, пользуясь в ряде мест значительным влиянием, а местами располагая и большинством. Более осторожная, чем петербуржцы, в вопросах интервенции и вооруженных восстаний, московская оппозиция тем не менее в основу своей критики политической линии ЦК ставила стремление активизировать партийную практику в вопросах борьбы с большевиками (отсюда и название этой группы: „активисты”). Оформление этой группы произошло в конце лета 1918 г. — после Ярославского восстания, когда эта группа выступила открыто под именем „Группы борьбы за независимость и демократический строй России” с особой декларацией. Основные положения этой декларации сводились к следующему:

„Внешняя политика советской власти, приведшая к государственному распаду России, и внутренняя ее политика, разрушившая все основы экономической жизни и уничтожившая завоеванные революцией демократические свободы, с необходимостью выдвигают на очередь дня общенациональную задачу, — восстановление национально-государственного единства России, ее экономическое возрождение и возврат к демократическому строю, установленному февральско-мартовской революцией.

Интересы экономического развития настоятельно требуют замены реакционной и противонародной диктатуры отбросов разлагающейся страны, возглавляемых партией коммунистов, буржуазно-демократическим строем, подъемом производительных сил и обеспечения независимости и единства России. При данных исторических условиях эти задачи могут быть осуществлены лишь при условии активного участия в их разрешении всех экономически прогрессивных классов. Эти задачи, становящиеся в центре общенародных стремлений, не только не противоречат классовым интересам

пролетариата, но должны лечь в основу всей его борьбы в данный исторический момент.

Падение так называемой советской власти исторически предрешено. Но для пролетариата далеко не безразличны внешние и внутренние условия, при которых это падение совершится. Пролетариат заинтересован в том, чтобы ликвидация большевистской диктатуры и восстановление буржуазно-демократического строя происходили в возможно более демократических формах. После полученных демократией в ходе революции тяжелых ударов, после длительного периода большевистской контрреволюции — это может быть достигнуто только при самом активном и сознательном участии всей демократии, и прежде всего пролетариата в общенародной борьбе с существующим режимом.

Эта борьба уже принимает на наших глазах все более массовый и стихийный характер, как в городе, так и в деревне. Социал-демократия не может оставаться равнодушным зрителем этой борьбы. Ее очередной задачей является вовлечение пролетариата в активную политическую борьбу, руководство этой борьбой и выяснение его классовых задач в общенациональном движении.

В такой момент нельзя молчать.

Никакие соображения о партийной дисциплине и об авторитете центральных учреждений партии не могут удержать нас от того, чтобы открыто высказать то, что есть, и попытаться собственными силами выполнить ту задачу, которая лежит на социал-демократии и от которой отказываются ее руководящие официальные круги.

Мы считаем необходимым, не медля ни минуты, начать политическую и организационную работу в указанном выше направлении. С этой целью мы, группа старых и ответственных работников РСДРП, образуем внутри партии самостоятельную „группу борьбы за независимость и демократический строй России”.

Наша группа ставит себе целью общероссийские задачи и потому рассматривает себя, как всероссийский центр, стремящийся организовать вокруг себя всех социал-демократов — сторонников активной политики в указанном выше направлении и объединить и руководить их деятельностью на местах.”¹³

Первую из этих групп, петроградскую, Центральный комитет с весны 1918 г. считал стоящей вне партии. Когда она летом 1918 г. выступила с особым воззванием-декларацией за подписью „группа демократов-социалистов”, призывая своих единомышленников создавать самостоятельную партию, в противовес официальной РСДРП, Центральный комитет в особой резолюции, опубликованной им в начале августа 1918 г., официально констатировал, что эта группа ни в какой организационной связи с партией не находится. Это заявление им позднее, по разным причинам, было несколько раз повторено.¹⁴

Более сложно обстояло дело с московским центром оппозиции, который сам формально с партией не рвал и в своих общих выступлениях был вообще более сдержан. На декларацию „Группы борьбы за независимость и демократический строй России” Центральный комитет ответил обстоятельной резолюцией, принятой им на заседании 28 августа 1918 г., в которой устанавливал несовместимость заявлений группы с партийными решениями и недопустимость организационных шагов, этой группой предпринимаемых:

„При коренном расхождении задач, которые ставит себе этот центр, с партийной линией и при их совпадении с политической линией некоторых других политических партий, — гласило политически центральное место этой резолюции, — деятельность „Группы борьбы за независимость и демократический строй России” грозит вовлечь партию против ее воли в политические действия, идущие вразрез с ее намерениями, и возложить на нее перед лицом российского и международного пролетариата политическую ответственность за акты и выступления, с которыми она не может иметь ничего общего.”¹⁵

Окончательное решение вопроса об этой московской группе ЦК откладывал до ближайшей партийной конференции. Общее положение, создавшееся внутри партии в результате этого выступления московских оппозиционеров, Л. Мартов в одном письме за границу к А. Н. Штейну (старый русский эмигрант-меньшевик, игравший видную роль в партии немецких независимых социалистов), характеризовал следующими словами:

„Это выступление создало в партии фактически раскол, не превращающийся в юридический только потому, что террор придавил нас всех, делая невозможной нашу взаимную полемику или даже созыв конференции или съезда для суда над взбунтовавшимися элементами”.¹⁶

Все перечисленные выше факторы, взятые вместе, обусловили известный разброд в поведении местных партийных организаций, — особенно в районах, захваченных антибольшевистскими восстаниями и ставших театром действия союзной интервенции. При ознакомлении с поведением этих организаций надо различать два момента: с одной стороны, поведение партийных организаций в момент насильственной ликвидации советской власти, и, с другой, — их деятельность в периоды, когда власть на соответствующих участках российской территории находилась в руках антибольшевистских группировок.

Поскольку речь идет о моментах свержения советской власти, постольку приходится констатировать, что ни в одном случае нельзя говорить об участии в такого рода свержении официальных партийных организаций как таковых, и только в одном случае имело место активное участие в свержении ответственных работников таких партийных организаций (Ярославль). Целый ряд противоположных утверждений, исходящих от органов советской власти, по ближайшей проверке всегда оказывался более или менее злостным измышлением. Против ряда из них Центральный комитет в свое время гласно протестовал.¹⁷ Здесь я остановлюсь только на некоторых наиболее известных эпизодах.

Мурманск в 1917-18 гг. был совсем небольшим городком, без промышленности, без пролетариата. Партийной организации меньшевиков в нем, насколько удастся установить, никогда не существовало. Ни на одном из партийных съездов или конференций ее представителей не присутствовало. Местным Советом с начала 1918 года руководили большевики и беспартийные, заявляющие о своем сочувствии большевикам. Именно эти руководители мурманского Совета заключили 2 марта 1918 года соглашение с представителями союзников (англичанами, французами и американцами) о помощи Совету в борьбе против наступавших из Финляндии немецко-

финляндских отрядов. Это соглашение, как теперь совершенно точно известно, заключено было во исполнение прямой директивы центральных советских властей, которые 1 марта 1918 г. предложили мурманскому Совету „принять содействие союзных миссий”.¹⁸ Это соглашение помогло Совету отразить наступление финно-германских отрядов на Мурманск и на Кемь в марте-апреле 1918 г., и в течение последующих месяцев оно непрерывно развертывалось и дополнялось при полном согласии центральных советских властей и под сочувственные комментарии руководящей большевистской прессы.¹⁹ Действия мурманского Совета, повлекшие за собой в начале июля 1918 г. разрыв с центральной советской властью и объявление последнему представителя мурманского Совета Юрина-Алексеева „изменником, стоящим вне закона”, были только естественным продолжением политики, начатой 2 марта с одобрения и по директивам центральной советской власти. Меньшевики к этим событиям никакого отношения не имели, — это теперь видно и из исторической литературы, опубликованной самими большевиками. Главными действующими лицами в них были упомянутый Юрин-Алексеев, тогда называвший себя беспартийным, сочувствующий коммунистам, и О. Токой, член ЦК финской коммунистической партии.

Также мало отношения имели меньшевики и к свержению советской власти в *Кеми*. В „Известиях архангельского Совета” за 1918 г. напечатан целый ряд подробных докладов и сообщений о различных моментах кемских событий,²⁰ — и ни в одном из этих сообщений, часто составленных активными участниками кемских событий, нет ни только ни одного конкретного указания на роль меньшевиков в этих событиях, — но и нет вообще упоминаний про существование меньшевиков в Кеми. Про „предательство” меньшевиков говорится только в резолюции архангельского Совета от 4 июля. Эта резолюция в общих словах говорит, что меньшевики, своей антисоветской агитацией возбуждая недовольство населения, подготовили почву для союной интервенции, — но и она не приводит ни одного конкретного факта, равно как не было приведено таких конкретных фактов и на этом заседании Совета, которое все было заполнено сообщениями о событиях на Мурмане и в Кеми.

В *Архангельске* существовала довольно сильная партийная организация, издававшая свою ежедневную газету („Северный луч”). До конца июня 1918 г. она действовала вполне легально, ее представители выступали в Совете и на съездах Советов, активно работали в профессиональных союзах и т. д. В конце июня в Архангельск прибыл специальный уполномоченный Москвы, Кедров, которому центральная власть поручила „подтянуть” Архангельск и провести его эвакуацию ввиду уже тогда всеми ожидаемого занятия Архангельска союзниками. Одним из первых решений Кедрова было распоряжение об аресте и высылке в Москву всего состава архангельского комитета меньшевиков, а также всех социалистов — гласных местной городской думы. Всего было „изъято” 31 человек, в том числе все руководители меньшевистской организации во главе с Житковым, Р. Н. Дмитриевым и др. В событиях, сопровождавших ликвидацию советской власти в Архангельске, меньшевики никакого участия не принимали — их организация вообще начала восстанавливаться недели через полторы-две после переворота.

Равным образом никакого отношения партийные организации не имели к восстанию в Муроме и в Саратове. Относительно Мурома такое обвинение, насколько мне известно, вообще никогда и никем серьезно не выдвигалось. Активную роль в этом восстании играл доктор Григорьев, ближайший сотрудник Б. В. Савинкова по его тайной организации. Но этот Григорьев никогда [никакого] отношения к меньшевистской партии не имел: он был членом группы „Единство”.²¹

Что касается до майского 1918 г. восстания в Саратове, то в свое время официальные органы саратовской советской власти такое обвинение против меньшевиков действительно выдвинули. В ответ на это обвинение саратовский комитет РСДРП подал 20 мая 1918 г. народному судье города Саратова нижеследующее заявление:

„В выпущенном Исполнительным комитетом саратовского Совета воззвании „Ко всем”, в № 95 „Известий” сказано, что „меньшевики... в союзе с черносотенным офицерством воспользовались затруднительным положением и, сбив с толку 600 красноармейцев и 2 батареи, подняли восстание против советской власти”.

Ввиду того, что саратовская организация РСДРП никакого отношения ни к организации [анти]Советского бунта, ни к самому бунту не имела, означенное утверждение Исполнительного комитета является гнусной клеветой, имеющей целью дискредитировать рабочую партию. Поэтому просим Вас, г. Судья, привлечь к ответственности Исполнительный комитет саратовского Совета по обвинению в составлении и распространении путем воззваний в печати клеветы на нашу партию''.²²

Не останавливаясь на всех перипетиях дальнейшей борьбы вокруг этого обвинения, отмечу только, что позднее и сами большевики признали ошибочность выдвинутого ими обвинения и не защищали его в печати. В этом отношении весьма характерны воспоминания И. Сорина — видного большевика, который в 1918 г. имел близкое отношение к саратовской ЧК. В своих воспоминаниях о саратовском восстании этот И. Сорин, довольно подробно рассказывая его историю, ни одним словом не говорит о причастности к нему меньшевиков.²³

Никакого отношения к свержению большевиков партийные организации не имели и на *Волге*, и в *Сибири*. Автор этих строк в 1918-19 гг. объехал по поручению Центрального комитета все крупнейшие пункты этих районов (Самара, Оренбург, Уфа, Омск, Ново-Николаевск, Барнаул, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита, Харбин, Владивосток), специально собирая материалы о роли партии в этот период, и установил, что не может быть и речи ни о каком участии в свержении советской власти ни партийных организаций, как таковых, ни отдельных мало-мальски заметных его деятелей.

Единственным исключением из этого общего правила, как уже отмечено выше, является *Ярославль*, где, во всяком случае, несколько ответственных представителей местного партийного комитета (а именно: председатель его рабочий И. Т. Савинов, член комитета рабочий-железнодорожник Абрамов и бывший губернский комиссар Временного правительства Дюшен) приняли активное участие в подготовке и проведении восстания 6-21 июля 1918 г. Для того, чтобы понять, почему именно Ярославль мог явиться таким исключением из общей партийной практики, нужно знать историю событий в Ярославле в 1918 г. вообще.

Ярославль был одним из тех рабочих центров, в которых влияние меньшевиков было особенно значительным как среди городских рабочих, так и в деревне. И в городской думе, и в губернском земстве меньшевики были самой сильной партией. Переход власти в руки большевиков произошел главным образом с помощью солдат. Когда волна демобилизации начала спадать, началась борьба между меньшевиками и большевиками за Советы. С февраля 1918 г. меньшевики начали кампанию с требованием перевыбора Совета, как не отвечающего настроениям рабочих. После принятия соответствующей резолюции на общем митинге железнодорожников, большевики перешли в контрнаступление: арестовали руководителей меньшевистского комитета и предали их суду революционного трибунала по обвинению в контрреволюционной агитации против советской власти. Эти действия власти еще сильнее всколыхнули рабочие массы. Суд превратился в демонстрацию. Подсудимые на выдвинутое против них обвинение ответили контробвинением, доказывая, что большевики ведут антинародную и антирабочую политику. В качестве свидетелей на суде выступал целый ряд рабочих-делегатов от отдельных предприятий, произнося речи в защиту меньшевиков против большевиков. На улице шли демонстрации. Под этим давлением суд оправдал и освободил всех подсудимых. Кампания за перевыборы пошла с новой силой и дала большинство меньшевикам и социалистам-революционерам. Из 98 избранных депутатов было 47 меньшевиков, 13 эсеров и 38 большевиков и левых эсеров вместе. 9 апреля состоялось собрание новоизбранного Совета, на котором большевики выдвинули требование: дать в Совете право решающего голоса всем 23 членам старого губернского Исполнительного комитета Советов, который целиком состоял из большевиков и левых эсеров. Большинство Совета отказалось пойти навстречу этому требованию. Тогда председатель старого Исполнительного комитета большевик Доброхотов объявил новоизбранный Совет незаконным и закрыл собрание. Члены Совета отказались подчиниться этому распоряжению. Тогда явился председатель Ревкома большевик Воронин с красногвардейцами, которые, после длительной свалки, арестовали лидеров меньшевиков и силою разогнали остальных депутатов Совета. Арестованные лидеры были преданы суду.

Этот второй процесс ярославских меньшевиков превратился в еще более внушительную демонстрацию, чем первый. На предприятиях составляли заявления о солидарности с подсудимыми и с заявлениями о том, что суд над ними весь пролетариат Ярославля рассматривает как суд над всеми ярославскими рабочими. Эти заявления, покрытые многочисленными подписями, были доставлены в зал суда специальными рабочими делегациями. Такая же делегация явилась и от всех профессиональных союзов. Готовилась всеобщая забастовка. Суд вновь превратился в демонстрацию, и закончился оправданием подсудимых. Только один из них, меньшевик Шлейфер, был приговорен к... высылке из Ярославской губернии на один год: ему поставили в вину попытку пропаганды среди красноармейцев. Совет так и остался разогнанным. Новые выборы не были проведены. Власть осталась в руках старого Исполнительного комитета и Ревкома, несмотря на то, что им было выражено недоверие. Волнения шли, не прерываясь. Очень тяжелое было и экономическое положение. Достаточно сказать, что в июне была забастовка рабочих на нефтяных предприятиях, требовавших увеличения хлебного пайка: этот паек опустился до 1/4 фунта в день.

Все это, вместе взятое, создало резко антибольшевистское настроение среди рабочих и демократических слоев населения Ярославля вообще, каковым настроением решила воспользоваться руководимая Б. В. Савиновым тайная военная организация „Союза защиты родины и Свободы” (ее не следует смешивать с „Союзом возрождения”), которая подготовила и в ночь на 6 июля провела вооруженное выступление, имевшее своим результатом захват повстанцами города. Общие антибольшевистские настроения, господствовавшие среди рабочих, повели к тому, что восстание, особенно в начале, было поддержано известной частью рабочих. Именно эта общая атмосфера сделал возможным и факт участия в восстании указанных выше ответственных представителей местной партийной организации. Партийный комитет в целом об участии некоторых из его членов в работе по подготовке восстания был осведомлен только в самый последний момент, накануне восстания, когда ему было сделано соответствующее сообщение И. Т. Савиновым (само участие Савинова в подготовке восстания, судя по всем данным, относится

тоже только к самым последним моментам). Комитет отказался одобрить действия своего председателя. Согласно свидетельству члена комитета Богданова-Хорошева, комитет, обсудив сообщение Савинова, вынес резолюцию, в которой заявлял, что он „отказывается от какого бы то ни было активного участия в этом выступлении, сохраняя за собой нейтралитет”.²⁴ Позднее, когда восстание началось, комитет, как коллектив, выносить решения не имел возможности, но отдельными членами его были сделаны шаги для отзыва Дюшена с поста губернского комиссара, на каковом посту он был восстановлен восставшими: Дюшен отказался подчиниться этому предложению.

Что касается Центрального комитета, то последний, немедленно же по получении первых известий о восстании, еще не имея сведений о роли партийной организации, но превосходно осведомленный относительно общей атмосферы, создавшейся в Ярославле за все предшествующие месяцы большевистского террора, 8 июля принял резолюцию с напоминанием о недопустимости участия в восстаниях и отправил в Ярославль своего специального уполномоченного для осведомления местной организации об этом решении. Этому уполномоченному проникнуть в Ярославль не удалось: к этому времени город уже был обложен кольцом красноармейских отрядов. Неделю позже, после получения более полных и точных сведений, 16 июля, Центральный комитет принял следующую резолюцию:

„Центральный комитет РСДРП констатирует, что происходящие в Ярославле вооруженные столкновения с большевистской властью не являются восстанием широких рабочих и демократических масс, а военным выступлением, руководимым политически двусмысленными группами, опирающимися в стране на антидемократические слои и лишь использующими законное недовольство и возмущение масс режимом насилия, безработицы и свирепой диктатуры.

Ввиду этого, каков бы ни был исход этого столкновения, оно не дает никаких гарантий пролетариату и демократии в том, что режим позорной большевистской диктатуры не сменится режимом контрреволюции, более или менее прикрытой на первых порах.

Поэтому, подтверждая свои резолюции от 1²⁵ и 8 июля, Центральный комитет еще раз указывает партийным товарищам, что они никоим образом не должны примыкать к такого рода восстаниям или быть орудием в руках руководящих ими групп. Задача партии в такого рода событиях заключается в организации рабочих в самостоятельную третью силу, добиваясь в первую очередь:

1. восстановления демократических органов местного самоуправления и передачи им власти на местах;
2. вооружения рабочих;
3. прекращения кровопролития и расправ.

Настоящую резолюцию постановлено разослать по организациям для руководства при аналогичных обстоятельствах.’’

Несколько позднее, уже по окончании восстания, была принята специальная резолюция о поведении лично Савинова и Дюшена. Оба они из партии были исключены. Опубликована эта резолюция не была, так как она явилась бы основанием для расстрела указанных лиц в случае их ареста, а ЦК, относясь отрицательно к участию в восстаниях, отнюдь не менял своего отношения к методам большевистского террора. Вопрос о поведении третьего активного члена ярославской организации, принявшего активное участие в восстании, рабочего Абрамова, рассмотрен не был, так как Абрамов погиб во время вооруженной борьбы.²⁶

Другую сторону вопроса составляет поведение партийных организаций в областях, где антибольшевистское движение победило и где в течение более или менее продолжительного времени действовали органы власти, созданные противниками большевиков. Из таких областей я остановлюсь на двух: Архангельске и Самаре-Сибири.

В Архангельске партийная организация участия в организации власти не приняла, в состав правительства ее представители не входили, — этот вопрос, по-видимому, даже и не ставился. Но в течение первого месяца существования антибольшевистского правительства, пока у власти были социалысты-революционеры, представители местной социал-демократической организации (она была восстановлена недели через две после переворота) выступали с призывами о поддержке этой власти. Основной мотив, звучавший в этих при-

зывают: рабочие должны поддержать существующую демократическую власть, ибо иначе к власти придут реакционные группы. Всю свою деятельность меньшевики с самого начала сосредоточили в профессиональных рабочих организациях, центральное бюро которых, равно как и орган этого бюро — „Северный рабочий”, с самого начала находились под руководством меньшевиков. После переворота 6 сентября 1918 г., когда власть перешла от социалистов-революционеров в руки более правых групп, меньшевики перешли на положение оппозиции, причем эта оппозиция с ходом событий становилась все более и более резкой.

В Самаре имел место единственный в истории гражданской войны случай участия ответственного партийного деятеля в составе антибольшевистского правительства. Речь идет о И. М. Майском, члене Центрального комитета партии (избран в него на декабрьском съезде 1917 г. по списку левой группы бывшей фракции „революционных оборонцев”), который с августа по октябрь 1918 г. состоял министром („управляющим ведомством”) труда при Самарском комитете членов Учредительного собрания (в настоящее время Майский коммунист и полпред в Лондоне). История этого участия в основных чертах такова.

После взятия Самары чехословаками и создания власти Комитета членов Учредительного собрания (8 июня 1918 г.) местная партийная организация заняла позицию, в основном отвечающую позиции Центрального комитета партии. Большевикский официальный историк этой эпохи, Вера Владимировна, эту позицию характеризует следующими словами:

„Первоначально, когда Комитет членов Учредительного собрания только что образовался, меньшевики в Самаре заявили о своем лояльном отношении, но от прямой поддержки, в особенности от участия во власти, отказались.”²⁷

Изменение партийной позиции произошло в середине августа, непосредственно после приезда в Самару И. М. Майского. Он был единственным членом ЦК, который не скрывал своего сочувствия к тактике восстаний. Еще до начала чехословацкого восстания он, по-видимому, осведомленный о планах социалистов-революционеров вызвать восстания в районе Волги-Урала, внес в Центральный комитет предложение о посылке в Самару особой делегации ЦК, которая, в

случае восстания там, могла бы действовать в качестве полномочного партийного центра. Это предложение было отклонено и, в связи с общими высказываниями Майского, определило настороженно недоверчивое отношение к нему со стороны остальных членов ЦК. Поэтому, когда в конце июля 1918 г. Майский заявил, что ему нужно по общественным делам (он в то время работал в кооперативных организациях) ехать в Пермь, то есть в район, лежащий близко от областей, захваченных восстаниями, то в ЦК, вопреки всей установившейся практике, было сомнение, следует ли ему выдавать удостоверение в том, что он состоит членом ЦК. Такое удостоверение было ему выдано только после того, как он дал формальное обязательство нигде политически как член ЦК не выступать.²⁸ Тот факт, что он ехал не в Пермь, а в Самару — центр охваченной восстаниями области — и при том ехал по предварительному сговору с социалистами-революционерами, которые политически руководили движением, известен стал только много позднее. Выполнять данное им обязательство не выступать в качестве члена Центрального комитета, Майский, как показало все дальнейшее, не собирался.

Из Москвы Майский выехал 31 июля, то есть уже после приведенной выше резолюции от 27 июля о восстаниях и после исключения из партии участников Ярославского восстания. На заседаниях ЦК, где эти резолюции были приняты, он присутствовал и о позиции ЦК был превосходно осведомлен. Тем не менее, уже 7 августа, немедленно после занятия Казани отрядами самарского правительства, Майский выступил на совещании казанских меньшевиков и, прикрываясь своим званием члена ЦК, провел решение о полной поддержке новой власти. 10 августа он был уже в Самаре; в тот же день вечером он получил от представителей Комитета членов Учредительного собрания предложение занять пост министра труда, а 16 августа получил на этот шаг согласие со стороны партийного областного комитета. Резолюция, принятая этим последним, гласит:

„1. Принимая во внимание, что в настоящий момент перед революционной демократией стоят задачи спасения страны и воссоздания единой демократической России, настоятельно требующие максимального сплочения сил под знаменем Всероссийского Учредительного собрания;

2. Что эта цель легче и полнее может быть достигнута на почве положительной работы по восстановлению нормальной экономической и государственной жизни страны;

3. Что одним из важнейших моментов подобного восстановления является урегулирование взаимоотношений между трудом и капиталом с таким расчетом, чтобы при гарантии свободного развития производительных сил, интересы трудящихся были всемерно охранены методами широких социальных реформ, осуществимых в рамках капиталистического строя;

4. Что политика Комитета членов Учредительного собрания до сих пор в общем соответствовала указанным выше задачам спасения революции и воссоздания единой демократической России, и, судя по заявлениям его ответственных представителей, обещает остаться таковой и в дальнейшем;

5. Что при таких условиях долг и обязанность социал-демократии оказать всемерную поддержку Комитету членов Учредительного собрания в стоящей перед ним грандиозной творчески государственной работе, областной комитет РСДРП территории Всероссийского Учредительного собрания постановляет:

Санкционировать занятие тов. Майским предложенного ему Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания поста управляющего ведомством труда.”

В своих воспоминаниях, написанных уже после перехода к коммунистам И. М. Майский обстоятельно доказывает право самарского областного комитета принять такое решение. Он пишет:

„В конце июня или в начале июля 1918 г. Центральным комитетом РСДРП было принято постановление, согласно которому в районах, оторванных от Москвы гражданской войной, верховное руководство партийной работой переходит к областным или краевым комитетам, избираемым на съезде представителей партийных организаций данной области или данного края. В эти комитеты должны входить также те члены Центрального комитета, которые оказались бы на соответствующей территории. Таким образом в районе власти Комитета членов Учредительного собрания высшей партийной инстанцией, по духу и букве решения ЦК, являлся созданный в начале августа областной комитет.²⁹

Именно этим аргументом И. М. Майский в августе 1918 г. подействовал на членов самарского областного комитета, сильно колебавшихся перед принятием указанного решения. Между тем, Майский тогда же знал, что дело обстоит далеко не так, как он изображает в своих воспоминаниях. Указанное решение Центрального комитета действительно было принято — оно было только вполне естественным в условиях распада страны на ряд территорий, отрезанных друг от друга фронтами гражданской войны. Точного текста его в настоящее время найти не удалось. Но принято оно было несколько раньше, чем это говорит Майский: именно на основании этого решения функционировал Всеукраинский главный комитет, созданный еще в апреле 1918 г. В конце же июня или в начале июля было принято дополнение к этому решению. Это дополнение, в связи с докладом о событиях в Закавказье (отделение Грузии и связанные с этим отделением обстоятельства), разъяснило, что пределы полномочий областных организаций, — как это, впрочем, было ясно и само собою, — ограничиваются рамками уже принятых обязательных общепартийных решений. Это решение Майскому было хорошо знакомо — в принятии его он активно участвовал.

В начале августа Центральный комитет постановил отправить на Волгу и в Сибирь специальных уполномоченных для ознакомления тамошних организаций с позицией Центрального комитета и для согласования с нею линии партийного поведения на местах. В директивных указаниях, данных этим уполномоченным, специально подчеркивалась недопустимость участия членов партии в местных правительствах и необходимость выступлений повсюду в качестве „третьей силы” под лозунгом ликвидации гражданской войны и соглашения всех демократических элементов населения. Такими уполномоченными были избраны И. И. Ахматов и Б. И. Николаевский. Первый из них за линию фронта переправиться смог только в начале января 1919 г.; второму же удалось пробраться в Самару уже к середине сентября. Связанный своим решением о Майском, областной комитет отказался подчиниться директивам Центрального комитета и принял участие в так называемом Уфимском государственном совещании, но вскоре затем начался пересмотр этой тактики. Закреплен этот пересмотр был в середине октября, когда

областной комитет отказал И. М. Майскому в разрешении принять пост министра труда или его заместителя в правительстве, которое тогда создавалось так называемой Директорией (Авксентьев, Зензинов и др.) в Омске. Состоявшаяся в конце января 1919 г. общесибирская партийная конференция стояла уже на позиции непримиримой борьбы с правительством адмирала Колчака, а во время иркутского восстания в декабре 19-го — январе 20-го года член Центрального Комитета Ахматов входил в состав революционной „тройки“, этим восстанием руководившей.

Центральный комитет о всех событиях, происходивших за фронтом, узнавал только из большевистской печати; собственная информация приходила с большим запозданием. Только из газет ему стало известно о вступлении Майского в состав Самарского правительства. Немедленно же им было принято решение об удалении Майского из состава Центрального комитета и назначении над ним партийного суда. Так как партийная пресса в этот момент вся была закрыта, то о своем решении он мог сообщить только следующей заметкой, напечатанной в газете московского союза рабочих печатного дела „Утро Москвы“:

„Нас просят сообщить, что бывший член ЦК социал-демократической рабочей партии, И. М. Майский, по сообщению официальных газет занявший ответственный пост в Самарском правительстве, отныне не состоит членом ЦК РСДРП и принял ответственный пост без ведома и согласия ЦК партии.“³⁰

Узнав вскоре из того же источника об участии самарского областного комитета в Уфимском государственном совещании, Центральный комитет разослал по партийным организациям особое письмо, в котором более обстоятельно сформулировал свое отношение к тактике самарских социал-демократов. Это письмо у нас имеется только в выдержках, напечатанных в свое время в газете „Утро Москвы“. Вот сообщение этой газеты:

„Центральный комитет РСДРП обратился по поводу Уфимского совещания с письмом к партийной организации. В письме, между прочим, говорится, что из-за политических условий «ЦК оказывается бессильным добиться того, чтобы политика партии на Востоке была выпрямлена в связи с обще-

партийными решениями».” „Мы думаем, — говорится далее, — что самое участие представителей нашей партии в собрании, созванном для организации правительства, черпающего фактически свою силу в иностранных штыках, могло быть признано целесообразным при ограничении этого участия чисто информационными целями... ЦК должен решительно протестовать против пользования именем нашей партии, как целого, для санкционирования совершенного в Уфе акта.”

В заключение отмечается, что партия и сейчас поддерживает Учредительное собрание как детище революции, но „правительство, которое под флагом Учредительного собрания выражает собой факт завоевания власти общественными группами, не стоящими на почве демократической революции или сошедших с нее, — ширма, за которой партия, получившая победу на выборах, отказывается от власти ради компромисса с внешними Учредительному собранию контрреволюционными силами капитализма и милитаризма, не может рассчитывать на поддержку социалистического пролетариата.”³¹

Общепартийное совещание, состоявшееся в декабре 1918 г., приняло решение об исключении Майского из партии, о назначении партийного расследования над деятельностью самарского областного комитета вообще. В июне 1919 г. по докладу Б. И. Николаевского решение об исключении Майского было подтверждено, а также принято решение об исключении еще двух активных деятелей того периода (имена их до сих пор не опубликованы, так как они находятся в СССР в тюрьмах и ссылке).³²

Что касается *Шумиловского*, то никакая партийная организация к его действиям никакого отношения не имела. Учитель гимназии в г. Барнауле, он в 1917 г. играл активную роль в работе партийной организации на Юго-Западном фронте; после демобилизации состоял членом партийной организации в Барнауле, но пост управляющего министерством труда в сибирском правительстве принял без ведома и согласия тамошней организации. Эта последняя немедленно же потребовала от него объяснений, на что он ответил письмом в редакцию местной партийной газеты „Алтайский луч” с сообщением о выходе из состава организации и партии (это письмо найти сейчас не удалось, — оно напечатано в указанной газе-

те в 20-х числах августа 1918 г. и было в свое время представлено в ЦК). Никакого отношения в последующем ни к одной из партийных организаций он не имел, ни с одной из них никаких сношений не поддерживал и ни сибирские партийные организации, ни он сам себя за социал-демократа не считал.

[Вторая половина 1935 г.]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. „Новый луч”- центральный орган меньшевистской партии, – был закрыт 22 февраля 1918 года, – немедленно же после издания декрета, провозгласившего „социалистическое отечество в опасности”. Возобновить его издание партия смогла только через месяц, 19 марта, когда мир уже был подписан. Поэтому приведенная выше резолюция в нем не могла быть напечатана. Появилась ли она где-либо в другом органе, установить не удалось, – ссылок на нее в исторической литературе не имеется. Мы публикуем ее здесь по копии, в свое время пересланной за границу для заграничного представительства партии.

2. Вперед (Москва), 14 апреля 1918 г. С 1 апреля 1918 г. Центральный комитет переехал в Москву и центральным органом стала газета „Вперед”.

3. Новый луч, 26 марта 1918 г.

4. Цит. по работе Б. Колесникова „Профессиональное движение и контрреволюция. Очерк из истории профессионального движения на Украине”. Харьков, 1923, стр. 361. Резолюция эта была составлена П. А. Гарви-Бронштейном, тогда членом Всеукраинского комитета РСДРП, и принята почти единогласно конференцией после прочитанного Гарви доклада по текущему моменту. Лозунг воссоединения Украины с Россией проводится и в других резолюциях этой конференции, например, в резолюции о тактике профсоюзов (“Новое дело народа” [Москва], № 1, 18 июня 1918 г.).

5. Новая жизнь, 9 июня 1918 г.

6. Именно так характеризует позицию партии Н. Н. Попов – в 1918-19 гг. член Всеукраинского главного комитета РСДРП, а позднее – видный коммунист (см. его воспоминания „Очерки революционных событий в Харькове от июня 1917 до декабря 1918 г.”, напечатанные в т. 1 харьковской „Летописи революции” за 1923 г., стр. 30).

7. Из писем с Украины, напечатанных в № 2 „Народного дела” (Москва, центральный орган партии эсеров), 27 июня 1918 г.

8. Текст этой резолюции, равно как и ряд других материалов об этой конференции, приведен в книге Б. Колесникова. Кроме этой работы сведения о конференции мы черпали из обстоятельного письма о ней, напечатанного в № 1 газеты „Новое дело народа”, 18 июня 1918 г., а также из неизданных записок П. А. Гарви-Бронштейна.

9. Рабочий Интернационал (Москва), № 5, 6 июня 1918 г.

10. К резолюции об интервенции и восстаниях ЦК 2 августа принял нижеследующее дополнение:

„Ввиду того, что в отдельных организациях возникали предложения о том, чтобы в случае возникновения, в связи с продвижением союзных и чехословацких войск, местного восстания для свержения советской власти, отдельные члены местной организации получали свободу действий, ЦК указывает местным организациям, что такое решение является абсолютно недопустимым, что по смыслу партийных решений не только организации, как таковые, не могут принимать участия в подготовке и проведении подобных авантюр, но что и за действия отдельных членов партии являются ответственными те организации, которые предоставили бы им свободу действий.”

11. Автору этих строк в 1918-20 гг. пришлось исколесить Россию вдоль и поперек (между Петроградом-Тифлисом и Владивостоком) и многократно переправляться через разные фронты гражданской войны. Чтобы не быть голословным относительно риска, приведу примеры, которые мне пришлось наблюдать так сказать в непосредственной близости. В июле 1918 г. я был послан ЦК в Архангельск, где арестами была разбита партийная организация. Проехать оказалось невозможно, и я принужден был вернуться в Москву. Вскоре после этого в Архангельск поехал архангельский уроженец, гласный тамошней городской думы, социал-демократ Папилов. В пути он был арестован большевиками и расстрелян. В середине августа того же года я выехал по партийному поручению в Самару и Сибирь. Фронт переходить приходилось нелегально. Мне этот переход удалось совершить без особых приключений. Но видный эсер В. О. Флеккель, который ехал тем же путем и одновременно со мной, был арестован большевиками и расстрелян в Казани. Число таких примеров можно было бы значительно увеличить.

12. Отчет об этой конференции см. в „Новой жизни” (Петроград), 20 апреля 1918 г.

13. Эта декларация была выпущена в свое время отдельным печатным листком. Выдержки из нее напечатаны в „Известиях ЦИК” от 12 сентября 1918 г. Почти все участники этой группы, равно как и автор декларации, в настоящее время находятся в России в тюрьмах и ссылке, поэтому имена их не могут быть названы. [Речь идет о группе Колокольникова-Кипена. — Прим. ред.-сост.]

14. Так, в особой декларации, опубликованной Центральным комитетом 21 августа 1920 г. в связи с процессом так называемого „Тактического центра”, ЦК писал:

„С весны 1918 г. от петербургской организации РСДРП откололась группа правых членов организации и начала действовать как самостоятельная организация, открыто выступавшая против всей линии поведения РСДРП. Эта право-меньшевистская петроградская группа, порвавшая с партией все организационные связи, уже давно не только не претендовала на то, чтобы считаться партийной организацией и не добивалась представительства ни на одном партийном совещании после майской конференции

1918 г., но сделала даже дальнейший шаг по разрыву даже видимой связи с РСДРП, выпустив осенью 1918 г. манифест, в котором, назвав себя новым именем „демократов-социалистов“, призвала своих единомышленников организовываться для образования новой партии в противовес РСДРП”.

Центральный комитет, со своей стороны, при полном одобрении большинства партии, в свое время объявил вне РСДРП как петербургскую, так и все вообще „активистские” группы, стоящие на одной с ней позиции, и считал все организационные счета с нею раз и навсегда поконченными.

15. Часть этой резолюции была опубликована в № 16 газеты „Утро Москвы” (понеделничная газета, издававшаяся тогда „Союзом рабочих печатного дела”) от 30 сентября 1918 г.

16. Отметим здесь же, что „Группа борьбы за независимость и демократический строй России” просуществовала очень недолго. В начале из нее вышло несколько человек на почве споров по вопросу о допустимости участия в „Союзе возрождения”; затем, после революции в Германии, группа вообще распалась и целый ряд ее активных участников радикально изменил свою политическую позицию, так что партийной конференции, которая собралась в конце декабря 1918 г., не пришлось обсуждать вопрос об этой группе, так как он к этому времени представлял уже только исторический интерес.

17. Один из таких гласных протестов ЦК был опубликован 7 июня 1918 г. в газете „Новая жизнь”.

18. См. „Известия ВЦИК” от 21 февраля 1935 г., статья Н. Кузьмина „21 февраля 1921 г.». В полном согласии с политическим курсом времени автор этой статьи всю ответственность за указанную директиву Москвы возлагает лично на Троцкого и объявляет ее стоящей в резком противоречии с общепартийной линией коммунистов (он называет ее даже „предательской директивой Троцкого”). С точки зрения задач настоящего обзора, данный спор никакого интереса не представляет.

19. См., например, номера „Петроградской правды” от 14 и 18 апреля 1918 г. (по своей близости к Финляндии, Петроград больше интересовался Мурманском, чем Москва, и больше места уделял в своей газете отчетам о событии в Мурмане.

20. См. номера этих „Известий” от 30 апреля, 28 июня, 4 июля, 11 июля, 16 июля и 24 июля.

21. Он погиб в сентябре 1919 г. во Владивостоке во время восстания ген. Гайды, одним из наиболее активных организаторов которого был Григорьев.

22. Напечатано в московской газете социал-демократической партии „Рабочий Интернационал”, 2 июня 1918 г.

23. См. И. Сорин. Саратовское восстание 1918 г. — Летопись революции, № 5, Харьков, 1923, сс. 219-224.

24. См. показания Богданова-Хорошева, данные на суде в 1923 г. Они напечатаны в кн. 10 ж-ла „Пролетарская революция”, 1923, с. 219.

Именно в таком свете позицию ярославского комитета изображала и информация, полученная в свое время ЦК социал-демократической партии.

25. Резолюцию от 1 июля найти не удалось и о чем она говорила в точности не установлено. По-видимому, это была резолюция, дававшая оценку восстанию на Волге.

26. В настоящем обзоре я не касаюсь восстания на Ижевском и Воткинском заводах, в которых местная партийная организация также принимала активное участие: об этом восстании я не располагаю никакими материалами, кроме тех, которые уже известны из литературы. В Центральном комитете вопрос об этих восстаниях, насколько удастся установить, не обсуждался.

27. Вера Владимировна. Год службы „социалистов” капиталистам. ГИЗ, Москва, 1927, с. 322, прим. 3.

28. Этот эпизод, равно как и некоторые другие внутриорганизационные эпизоды, связанные с „делом Майского”, рассказан Л. Мартовым в статье „Воспоминания ренегата”, напечатанной в номере 23-24 „Социалистического Вестника” от 9 декабря 1922 г.

29. И. Майский. Демократическая контрреволюция. ГИЗ, Москва, 1923, с. 36.

30. Утро Москвы, № 13, 9 сентября 1918 г.

31. Там же, № 19, 21 сентября 1918 г.

32. Речь идет о Кибрике и Соломоне Ленском, членах делегации волжского областного комитета на Уфимском государственном совещании.

— *Прим. ред.-сост.*

Б. Николаевский

**МЕНЬШЕВИЗМ В ПЕРИОД
ВОЕННОГО КОММУНИЗМА
(1918-1921 гг.)**

Октябрь-декабрь 1918 г. составляет переломный момент в истории развития политической и тактической линии РСДРП(м). Этот перелом был определен изменениями в общей политической обстановке, — как внутривосточной, так и международной.

В течение предшествующего периода революции те группы, которые в этот момент занимали руководящие посты в ЦК партии (персонально это были Мартов, Абрамович и Дан), в основном вопросе об оценке характера российской революции стояли на позиции, которую можно назвать ортодоксально социал-демократической. Целиком в духе всех основных высказываний российской социал-демократии в дореволюционный период, они считали, что в России, при ее хозяйственной отсталости, объективные посылки созрели для революции только буржуазно-демократической (этот термин употреблен был еще в резолюции майского совещания РСДРП 1918 г. — „Борьба с экономической разрухой и задачи рабочего класса”.¹ Ее объективной задачей должно явиться „прежде всего” освобождение производительных сил, развившихся в рамках единой российской империи, от гнета сословно-крепостнических пережитков” (тезисы Мартова на упомянутом совещании). Эта оценка задач революции, конечно, не исключала, по их концепции, необходимости ни далеко идущего рабочего законодательства, ни государственного контроля в области хозяйственной жизни, ни, конечно, коренной ломки земельных отношений. Но это предопределило

вывод о нецелесообразности посягательств на *основы* частнохозяйственных отношений как в городе, так и в особенности в деревне.

Этот взгляд на общие задачи революции предопределил резко отрицательное отношение руководителей ЦК к той „сплошной национализации” торговых и промышленных предприятий, на путь которой как раз в это время все более и более последовательно становилось советское правительство. Дело шло об отрицательном отношении не только к формам, в которых эта „сплошная национализация” проводилась в жизнь, — но и к самому *существованию* этих мероприятий, к целям, которые советское правительство со все большею и большею определенностью перед собой ставило.

В этом отрицательном отношении по существу сходились представители различных течений РСДРП. Различие между официальными руководителями ЦК, с одной стороны, и представителями различных течений правой оппозиции, с другой, относилось не к существованию их оценок, а только к степени *остроты формулировок*: программа, во имя которой партия вела борьбу против экономической политики советской власти, была обща всем течениям.² Весной и летом 1918 г. руководители ЦК стояли на той точке зрения, что большевистские эксперименты в области национализации промышленности и кредита не только не являются шагом вперед, но и делают для страны неизбежным отступление даже по сравнению с тою программой, которая намечалась партией в 1917 г., — а именно отступление „в смысле предоставления большей свободы частному капиталу и частной торговле”.³

Это отрицательное отношение к основам экономической политики советского правительства было до крайности обострено тою оценкой, которую руководители ЦК давали внешней политике советской власти и ее перспективам для будущего.

Полагая, что после Брестского мира Германия стала главной враждебной силой для демократии не только российской, но и всего мира в целом, ЦК считал своей основной, доминирующей над всеми остальными, задачей борьбу против Брестского мира и закрепленного этим договором государственного распада России. Именно эта проблема — государственный распад России — составила тему доклада Мартова на

майском партийном совещании, который занял центральное место на этом совещании. Основной тезис этого доклада гласил:

„Борьба за возможно скорое и возможно полное уничтожение искусственного распада единого государственно-хозяйственного организма России, за восстановление ее единства и политической и экономической независимости, за ее освобождение от кабалы германского империализма и за создание положения, при котором она не сможет стать добычей других империалистов, является основной задачей российской революции и российского пролетариата в данный момент и остается такой же задачей для следующих поколений пролетариата и демократии, если мировая война и нынешняя революция закончатся, не изменив международного положения России, созданного Брестским миром.”

Советскую власть меньшевики в тот момент считали фактором, играющим более, чем двусмысленную роль в деле подчинения России влиянию империалистической Германии. На том же партийном совещании Дан доказывал, что советское правительство по логике положения „вынуждено быть рабом германского империализма, покорно выполняющим его веления, и самой уступчивостью своею питающим его все возрастающую наглость и требовательность” (тезисы Дана о „войне и мире”, принятые тем же совещанием). Насколько далеко шел пессимизм меньшевистских прогнозов лучше всего свидетельствует письмо Мартова, написанное им 16 июня 1918 г. (то есть вскоре после начала восстания чехословаков на Волге и в Сибири) за границу — для ознакомления своих единомышленников из среды немецких социалистов с обстановкой, которая складывается в России. В этом письме после подробной характеристики положения, Мартов прибавлял:

„Судя по всему в настоящее время мы находимся на поворотном пункте. Восстание чехословаков, явно поддерживаемое союзниками, имеет все шансы не быть быстро раздавленным большевиками. Опираясь на это восстание, на Волге, на Урале, в Сибири начинают сплываться разнообразные по социальному составу элементы: буржуазия, мелкобуржуазная интеллигенция, активная часть среднего крестьянства. Их знаменем сейчас, как и раньше, является Учредительное собрание — надолго ли, сказать трудно. Одна опасность созда-

ния на русской территории нового правительства, которое опирается на союзников и, возможно, на японцев или какие-либо иные десантные войска, принудит немцев или расширить оккупированную ими зону, или предложить Ленину „честный союз” для поддержания его власти и разгрома его врагов на Волге и в Сибири. На этой почве возможно повторение в Москве и Петербурге истории Скоропадского и окончательной бонапартизации ленинской диктатуры, если Ленин придет к решению одним ударом отказаться от идеологии „коммунизма” и создать ориентированное на Германию правительство — как противовес демократическому или кадето-октябристскому правительству на Востоке, связанному с Антантой.”⁴

Таким образом, оценивая положение и тенденции развития советской власти, ЦК вполне последовательно стоял на позиции полного и принципиального отрицания всего того, что составляло основы созданного большевиками государственного строя, как „губительного для революции и антидемократического” (резолюция майского партийного совещания о „Советах и тактике социал-демократии”). Элементов прогрессивности в этом строе руководители ЦК не находили — во всяком случае не считали их настолько значительными, чтобы отмечать в официальных документах. И лозунги, которые партия в это время выдвигала, были лозунгами по существу революционной ликвидации созданного большевиками строя. „Основным и неприменным условием для ослабления экономической разрухи в настоящем и для экономического возрождения России в будущем, — говорилось в резолюции майского совещания о „Борьбе с экономической разрухой и задачах рабочего класса”, является ликвидация большевистского режима, полное прекращение всяких утопических опытов над отсталой и истерзанной страной и установление демократического строя.”

Такая позиция содержала в себе все необходимые послышки для выводов о революционной тактике по отношению к советской власти, и если тогдашние руководители ЦК таких выводов не делали, то это объяснялось их общим взглядом на задачи социал-демократии в переживаемую эпоху. При построении своей тактической линии они считали необходимым руководствоваться интересами не только и не столько сегод-

няшной борьбы против существующего в данное время строя, сколько соображениями о необходимости защиты политических и социальных интересов рабочего класса в обстановке, которая будет создана на следующий день после крушения большевистской диктатуры. Крушение большевистской власти — и притом очень близкое — им казалось неизбежным. Главной заботой партии должно было, по их мнению, быть не столько содействие этому крушению, сколько подготовка условий для успешной борьбы против неизбежных попыток социально-реакционных классов на следующий день после этого крушения взять реванш за все обиды, нанесенные им в годы революции. Успешной эта борьба может быть только в том случае, если будут восстановлены союз демократических классов страны, с одной стороны, и единство пролетариата — с другой. Для того, чтобы создать эти условия для будущего, они считали необходимым уже теперь тщательно устранять из своей деятельности все, что усиливает и обостряет разнь между отдельными группами пролетариата, с одной стороны, и между пролетариатом и крестьянством — с другой. Частным выводом из этой общей мысли была их тактика в борьбе против большевиков: так как за последними в то время шли значительные группы пролетариата, которые в будущем должны стать необходимой составной частью демократического блока, то социал-демократия должна заботиться о том, чтобы в процессе борьбы против большевистской диктатуры не была вырыта непроходимая пропасть между этими, идущими за большевиками слоями пролетариата, с одной стороны, и всеми остальными элементами демократии — с другой. Именно поэтому борьба против большевиков, по их мнению, должна была оставаться в рамках идейной борьбы — пропаганды и агитации среди рабочих и крестьян — но не переходить в формы насильственного свержения большевистской диктатуры, во всяком случае, до того момента, когда антидемократический и антипролетарский характер последней не станет очевидным для всех.

Именно эти соображения были для руководителей ЦК определяющими при решении всех конкретных вопросов партийной тактики. В центре внутривнутрипартийных споров стояли вопросы об отношении к Советам и к движению так называемых беспартийных рабочих конференций.

Инициаторами этого последнего движения были правые меньшевики в Петербурге. Впервые идея такой конференции была выдвинута меньшевиками, руководителями союза рабочих печатного дела, в первые же дни после октябрьского переворота — в связи с репрессиями против печати. Тогда был поставлен вопрос о созыве конференции для защиты свободы печати. Этот проект вскоре был развернут в проект созыва рабочей конференции для защиты Учредительного собрания. Вскоре после разгона последнего движение конференций стало быстро разрастаться в основное рабочее движение против большевистской диктатуры вообще. Согласно концепции руководителей этого движения, Советы, став органами диктатуры, перестали быть органами, представляющими свободно выраженное мнение рабочих. Такими органами должны стать свободно избранные рабочие конференции, вокруг которых должно развернуться рабочее движение против диктатуры. Это движение было полностью поддержано социалистами-революционерами. Что касается руководителей ЦК меньшевиков, то они вначале к этому движению относились сдержанно, опасаясь, что оно будет содействовать вырыванию искусственной пропасти между идущими за большевиками рабочими, которые будут группироваться в Советах, и рабочими меньшевиками, которые объединятся вокруг конференции. Они считали более правильным рабочее движение против большевистской диктатуры концентрировать вокруг Советов, требуя перевыборов последних и стараясь во время этих перевыборов проводить кандидатов социал-демократов. Внутри Советов они выставляли требование „превращение Советов снова в независимые органы классового сплочения пролетариата, с отказом их от власти” (так „Партийные известия” излагали позицию Р. Абрамовича, выступавшего на майском партийном совещании докладчиком от ЦК по вопросу об отношении к Советам).

Вначале это расхождение оказывало существенное влияние на партийную работу: правые меньшевики не принимали участия в кампаниях по перевыборам Советов; меньшевики — сторонники позиции ЦК — держались в стороне от движения рабочих конференций. Но репрессии, которыми большевики ответили на движение с требованием перевыборов Советов (разгоны предвыборных собраний, аресты „агитаторов” и

выбранных оппозиционных депутатов, разгон тех Советов, в которых они не имели большинства и замена таких Советов особыми военно-революционными комитетами), повело к сближению позиций. Уже майское партийное совещание, оставаясь в основном на официальной позиции ("организации массового движения давления извне на Советы"), для тех случаев, когда „контрреволюционное насилие захвативших Советы клик” мешает борьбе за демократизацию Советов, рекомендовало „призывать рабочие массы организовывать независимые от Советов представительные органы свободно выбранных уполномоченных рабочего класса”, и в качестве наиболее подходящей формы такого рода организаций указывало на беспартийные рабочие конференции. А так как репрессии советской власти против движения за пере выборы Советов все расширялись, то официальный комментатор резолюций майского Совещания Б. Горев был вполне прав, когда утверждал, что к этому времени расхождение между сторонниками ЦК и правыми по данному вопросу было отнюдь не велико, что между их позициями „различие было скорее количественное, чем качественное”, скорее в степени, в *тепле* движения против большевистской диктатуры, чем в существе вопроса.

Вскоре после майского совещания под воздействием практики руководители ЦК сделали еще один шаг по пути примирения с движением рабочих конференций, правда, ни в чем при этом не поступаясь тем основным критерием, с которым они, как сказано выше, подходили ко всем тактическим проблемам того времени. Это видно из цитированного уже выше письма Мартова за границу от 16 июня 1918 г., в котором он давал такую оценку роли рабочих конференций:

„Мы надеемся, что создание этих, вне Советов стоящих, конференций даст возможность в момент неизбежной контрреволюции сохранить пролетариат в нераспыленном состоянии, когда его так называемая „диктатура” будет ликвидирована, и сохранить для него опорные революционные пункты, опираясь на которые он будет иметь возможность оказывать свое воздействие на ход политических событий, если, конечно, еще будет сохраняться революционная ситуация, при которой вообще будет возможно существование подобных органов волеизъявления масс.”

Позднее, в последний период деятельности рабочих конференций — перед самым разгромом этого движения карательными органами советской власти — расхождения между различными течениями социал-демократии по этому вопросу еще более сгладились. Но в этот период данный вопрос уже перестал быть актуальным. После начала восстания чехословаков на Волге, восстания в Ярославле, десанта англичан в Архангельске и т. д. — в центре тактических споров стали вопросы об отношении к восстаниям, к интервенции бывших союзников и о позиции в тех областях, в которых власть переходит в руки противников большевиков. Если среди различных групп „правых” и намечались расхождения по вопросу о том, как далеко следует идти партии в деле технического участия в различных предприятиях повстанческого характера, то все они сходятся на признании необходимости для партии *политически* полностью поддерживать те из областных антибольшевистских правительств, в которых руководящую роль играют демократические группировки.

Совершенно иной была позиция руководителей ЦК. По-прежнему продолжая резко критиковать — и даже усилив эту критику — политику советской власти как неизбежно вызывающую вызвать недовольство демократических и рабочих масс, руководители ЦК целиком и полностью оправдывали то „глубокое возмущение”, с которым эти массы начинали все более и более определенно относиться к советской власти. Другими словами, политически оправдывая то настроение глубокого недовольства, на базе которого выросли восстания против большевиков, из соображений политической целесообразности и руководствуясь своей общей оценкой перспектив развития русской революции в случае, если раскол между идущими за большевиками и антибольшевистскими слоями демократии будет закреплен, руководители ЦК решительно отвергали всякое участие партии в попытках вооруженной ликвидации большевистской диктатуры. Поскольку такие восстания развертывались успешно и в тех или иных областях создавались антибольшевистские правительства, руководимые представителями демократических партий, постольку ЦК рекомендовал организациям становиться на позицию „третьей силы”, не связывая себя с такого рода правительствами, а выступая всюду под лозунгами ликвида-

ции гражданской войны и объединения всех демократических сил на общей демократической платформе. Именно такую позицию занимал и сам ЦК по отношению к советской власти.

Период, когда советское правительство в известных пределах относилось терпимо к оппозиционной агитации демократических и социалистических организаций, закончился вскоре после восстания на Волге. В июне оно перешло в открытое наступление против социал-демократических и других оппозиционных ему рабочих организаций. 14 июня ЦИК особым постановлением объявил меньшевиков и эсеров контрреволюционерами и исключил их из состава тех представителей этих партий, которые в него входили по выборам предшествующих съездов Советов. Начались систематические аресты активных деятелей движения рабочих конференций. Политическая забастовка, которую в виде протеста против этих репрессий объявило Собрание уполномоченных в Петербурге на 2 июля, мерами репрессий была задавлена. Одновременно были закрыты все те социалистические газеты и журналы, которые еще могли существовать ранее. Партийные помещения в столицах и почти повсюду в провинции были опечатаны. 23 июля на первом собрании были арестованы съехавшиеся в Москву рабочие делегаты: руководители движения рабочих уполномоченных для возглавления этого движения созывали всероссийский рабочий съезд. Общее количество арестованных исчислялось многими сотнями, быть может, тысячами. В некоторых местах в провинции были и случаи расстрелов наиболее активных деятелей движения рабочих конференций. Так в Сормове был расстрелян один из руководителей местной конференции, секретарь нижегородского комитета меньшевиков Ридник; в Витебске — рабочий бундовец Смушкин и т. д.

Репрессии политические шли рука об руку с репрессиями экономическими. Хозяйственная разруха принимала все более и более острые формы. К осени 1918 г. не меньше трех четвертей всех промышленных предприятий Москвы и Московской области были закрыты.⁵ Национализация предприятий, проводившаяся в качестве почти сплошной меры, превратилась в орудие давления на рабочих: национализированные предприятия могли если не работать, то выплачивать

ту или иную часть заработной платы только в случае получения правительственной субсидии — явление, ставшее в этот период широко распространенным. Но правительство такую субсидию давало тем скорее и тем в большем размере, чем определеннее была „благонадежность” данного предприятия в смысле отношения рабочих к советской власти. Оппозиционные выступления рабочих вели к сокращению и задержке в выдаче субсидий, а в некоторых случаях и к прямому отказу. Все это вместе взятое привело к тому, что в июле-августе 1918 г. движение рабочих конференций сошло на нет.

Количество арестованных меньшевиков было очень велико, но систематический характер их аресты носили только местами, в провинции. В Москве аресты их шли почти исключительно по линии их участия в движении рабочих конференций. Из членов ЦК были арестованы 5 человек (Абрамович, Кучин, Трояновский, Югов и Яхонтов), почти все — в той или иной связи с конференциями. Но в целом все пути для политических выступлений партии были закрыты; и в течение почти всего второго полугодия 1918 г. партия могла реагировать на события только несколькими наполовину нелегально изданными воззваниями, да еще циркулярными письмами к местным партийным организациям.

В течение этого полугодия произошли события, коренным образом изменившие всю политическую обстановку — внутрироссийскую и международную. С одной стороны, мировая война закончилась катастрофическим разгромом Германии и революцией в Средней Европе; с другой — в тех областях России, где власть была в руках противников большевиков, процесс внутренней борьбы привел к оттеснению от власти представителей демократических и социал-демократических группировок и к переходу этой власти в руки элементов более или менее откровенных реакционеров. Эти изменения в общей обстановке не могли не оказать влияния и на политическую позицию меньшевиков. Последним пришлось прежде всего пересмотреть концепцию о позиции партии, как „третьей силы”, выступающей посредницей между двумя борющимися между собой частями демократии: поскольку одна из этих двух борющихся сил переставала быть силой демократической, постольку не могло быть места для посредницы — „третьей силы”; и партии надлежало решить, на

сторону какой из борющихся сил она встанет. С другой стороны, общий взгляд партии на характер русской революции, как буржуазно-демократической, всегда включал в себя одну существенную оговорку: рамки частнохозяйственных отношений для русской революции являются объективно непереодолимыми, но лишь постольку, поскольку русская революция остается одинокой, имеет возможность рассчитывать только на себя, на свои собственные силы.

Еще в 1882 г. в предисловии к русскому изданию „Коммунистического манифеста” Маркс и Энгельс высказали эту мысль. Оспаривая общераспространенное тогда „народническое” мнение о возможности для России придти к социализму, минуя фазу капиталистического развития, Маркс и Энгельс сделали, однако, одну оговорку: „Если русская революция, — писали они, — послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития”. Позднее эта мысль стала общераспространенной в социал-демократических кругах и получила свою разработку в литературе: если русская революция развяжет социальную революцию на Западе, то, опираясь на дружескую поддержку социалистов передовых в промышленном отношении стран Запада, революция в России и сама сможет выйти из рамок частнохозяйственных отношений и вступить на путь социалистического преобразования. Революцию, которая в ноябре 1918 г. разразилась в Германии и в Австрии, руководители ЦК считали началом революции социальной и потому неизбежно должны были ставить вопрос относительно открывающейся перед русской революцией возможности выхода из рамок революции буржуазно-демократической. Это были два основных русла, по которым шли изменения в меньшевистской партийной позиции.

Первый шаг по пути отказа от позиции „третьей силы” ЦК сделал еще в октябре 1918 г., немедленно после получения точных сведений относительно исхода так называемого Уфимского государственного совещания. 16 октября им было разослано по организациям циркулярное письмо, в котором решения этого совещания были подвергнуты суровой критике с точки зрения последовательного демократизма. ЦК заяв-

лял, что партия занимает „совершенно определенное отрицательное отношение” к власти, на этом Советствии созданной, отказывается от какой бы то ни было ее поддержки и дезавуирует те партийные организации Волги и Урала, которые приняли участие в уфимских решениях. Но центр тяжести этого письма был не в этих решениях. До того момента ЦК всегда выступал с лозунгом „Вся власть Учредительному собранию”, как органу олицетворяющему в его глазах принцип последовательного народовластия. Циркулярное письмо намечало изменение позиции по этому вопросу:

„Учредительное собрание, избранное в ноябре, было выражением поступательного революционного развития, начавшегося в февральские дни. То обстоятельство, что ему противостояла большевистская власть, созданная октябрьским переворотом, отодвинуло его, естественно, на более правые позиции, с которых оно пыталось остановить развал страны и задержать прыжок ее в область утопических экспериментов. Но и на этих более правых позициях оно оставалось детищем народной революции и носителем ее духа, ставя своей задачей революционно разрешить аграрный и национальный вопросы, провести коренную демократизацию страны на республиканских основах, дать пролетариату все социальные реформы, совместимые с основами капиталистического строя, и добиться всеобщего демократического мира, исключаящего разгром одной из воюющих сторон. Такое Учредительное собрание социал-демократия поддерживала и обязана была поддерживать даже против части трудящихся масс, увлеченных утопией немедленного коммунизма и мнимоклассовой диктатуры. Такое Учредительное собрание социал-демократия готова поддерживать и впредь. Но правительство, которое под флагом Учредительного собрания выражает собою факт завоевания власти общественными группами, не стоящими на почве демократической революции или сошедшими с нее; ширма, за которой партия, получившая победу на выборах, отказывается от власти ради компромисса с внешними Учредительному собранию контрреволюционными силами капитализма и милитаризма, — не может, разумеется, претендовать на поддержку социалистического пролетариата. Во имя сохранения и упрочения завоеваний демократической революции, во имя торжества подлинного народовластия социал-демокра-

тия должна сохранить свою полную политическую самостоятельность по отношению к коалиции неустойчивых мелкобуржуазных партий с партиями контрреволюции и, борясь с этой коалицией, стремиться разрушить ее и увлечь демократические массы на путь строительства подлинной демократической республики".⁶

Большевистская печать того времени (статья Радека в „Правде” и др.) это письмо ЦК и политическую резолюцию, принятую последним почти одновременно с этим письмом,⁷ трактовала как отказ социал-демократии от лозунга Учредительного собрания и начало отхода ее от позиции чистого народовластия. Л. Мартов в особом интервью, которое он дал сотруднику газеты „Утро Москвы”, доказывал, что такого рода понимание позиции меньшевиков неправильно. „Мы остаемся, — заявлял он, — убежденными, что только в народовластии, в демократической республике, трудящиеся классы найдут рычаг своего освобождения и спасения революции, отовсюду угрожаемой”.⁸ Невыставление меньшевиками лозунга Учредительного собрания Мартов объяснял соображениями тактического характера:

„Ведь и при царизме мы выдвигали [в] каждый момент требования, осуществление которых создавало более благоприятные условия для завоевания республики, отнюдь не всегда говоря прямо о последней. В настоящий момент очередной задачей является добиться такого изменения политики советской власти, при котором „народные массы Сибири, Урала, Украины и т. д. не боялись бы объединения с Великой Россией и не цеплялись бы за иностранную оккупацию, которую мы считаем пагубной.”

Эти замечания, конечно, правильно передавали настроения руководителей ЦК, но факт остается несомненным: октябрьские решения явились поворотными в том смысле, что Учредительное собрание, начиная с этого момента, исчезло окончательно из резолюций центральных партийных органов.

Первый намек на новую постановку второй проблемы — проблемы о возможности для России выхода за рамки буржуазно-демократического переустройства, мы находим и в воззвании ЦК, с которым он обратился к „социалистам всех стран” вскоре после революции в Германии. „В качестве партии, находящейся в борьбе с большевистским правитель-

ством и принципиально отвергавшей его политику немедленного осуществления коммунизма в отсталой стране”, ЦК призывал всех социалистов мира бороться против вмешательства „союзного империализма” в русские дела, — против организуемого последним „крестового похода на революционную Россию”. Этот манифест основной причиной вступления русской революции „на путь большевистского утопизма” считал тяжелое положение революции, не встречавшей поддержки нигде в других странах. Теперь это кончилось. „В Австрии и Германии произошли победоносные народные восстания. Пролетариат овладел политической властью на развалинах империализма и готовится приступить к задаче социального возрождения. Мы не одни. Восстановление разрушенного народного хозяйства на началах наиболее благоприятных интересам трудящихся масс и в то же время соответствующих достигнутых страной уровня экономического развития может быть теперь достигнуто не изолированными усилиями русского народа, а при содействии более передовых народов Запада, на основе взаимного пополнения хозяйственных ресурсов всех стран и рационального разделения труда между ними”.⁹

Более отчетливо переход руководителей ЦК на эту новую для партии точку зрения выявился и в резолюциях партийного совещания, состоявшегося в Москве 27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г. Возможность устройства этого совещания свидетельствовала о крупных переменах в отношении советского правительства к меньшевистской партии. Это изменение имело свои причины.

Репрессии, которые применило советское правительство в борьбе против демократических и особенно рабочих организаций, произвели очень неблагоприятное для этого правительства впечатление на социалистические круги Западной Европы. Большевикам было известно, что эти их мероприятия не встречают одобрения не только среди руководителей так называемых „центристских” фракций (К. Каутский, Бернштейн, Г. Гаазе и др. в Германии; Ф. Адлер, О. Бауер и др. в Австрии и т. д.), но и среди представителей наиболее левых групп, на поддержку которых большевики особенно рассчитывали. Работа Розы Люксембург о большевистской революции, написанная именно в это время, опубликована была только

значительно позднее, но об ее отрицательном отношении к террору, равно как и об отрицательном отношении к нему многих ее близких единомышленников, было хорошо известно и в то время. Представители большевиков, отправленные летом 1918 года в Германию для руководства нелегальной работой (их политическим руководителем был Бухарин), во время своих переговоров с представителями левых социалистических групп, которые они старались привлечь на свою сторону, постоянно натывались на возражения относительно террора, как одного из основных фактов, отталкивающих от большевиков западно-европейских социалистов.

Будучи обо всем этом превосходно осведомлены, многие из видных большевиков принимали все меры, чтобы сократить размах „красного террора”, объявленного после покушения на Ленина, и в особенности не допустить его распространения на социалистов и деятелей рабочих организаций. В Москве, например, в дни сентябрьских расстрелов Д. Рязанов ряд ночей дежурил в конторе той тюрьмы, где содержались арестованные по делам рабочих конференций, чтобы не допустить увоза их на расстрел. Под влиянием этого давления в сентябре расстрелы социалистов систематически не применялись. Тем не менее, в провинции расстрелов было немало. Так, в Рыбинске был расстрелян почти весь состав местного комитета меньшевиков во главе с председателем Соколовым; отдельные меньшевики были расстреляны в Сестрорецке, в Тамбове, в ряде мест на Урале и т. д. Еще больше было расстреляно социалистов-революционеров — особенно на Волге и Урале (Саратов, Астрахань, Вологда и др.).

Эти расстрелы вызвали на Западе сильное возмущение, в личных беседах с представителями русских большевиков проявлявшееся значительно острее, чем в выступлениях публичных. „Из донесений Раковского и Иоффе и других дипломатических представителей, — писал об этом периоде Мартов, — они (вожди русских большевиков) должны были убедиться в том, какое возмущение и смущение эта кровавая вакханалия вызывает в рабочих массах за границей.”¹⁰ Немало протестов против этого террора шло и из среды русских коммунистов, тогда еще не развращенных многолетней практикой диктатуры. В „Известиях” и „Правде” пришлось открыть относительно свободную дискуссию на тему о терро-

ре. В ряд мест, где практика террора была особенно жестока, были посланы специальные ревизоры из Президиума ЦИК (главным образом, на Волгу и на Урал). Сам Петерс, — тогда председатель ВЧК, — должен был признать, что с практикой чрезвычайных комиссий дело обстояло „далеко не благополучно”, хотя, конечно, и пытался все свести к частным „недостаткам механизма”.¹¹

Все это толкало большевиков на путь известного изменения курса политики и смягчения террора, тем более, что того же от них требовали и соображения общей политики — внешней и внутренней: внутри страны потерпела полный крах политика комитетов деревенской бедноты, грозившая поставить на дыбы всю деревню; извне надвигалась опасность интервенции „союзников”, отворотить которую можно было только привлекая на свою сторону симпатии западно-европейских и американских группировок. Под влиянием всех этих факторов репрессии против меньшевиков с октября 1918 г. начали ослабевать: арестованных освобождали из тюрем; с помещений социал-демократических клубов снимались печати; меньшевики получили возможность устраивать собрания. 29 ноября 1918 г. ЦИК, „ознакомившись с содержанием резолюций и воззванием ЦК РСДРП”, констатировал, что „эта партия... отказалась от союза с буржуазными партиями и группами”, а потому признал возможным отменить свое решение от 14 июня 1918 г. в той его части, которая касалась меньшевиков.

Это изменение полицейских условий существования партии дало возможность созвать партийное совещание (оно заседало в Москве с 27 декабря 1918 по 1 января 1919 г.). Несмотря на обстановку гражданской войны, когда большая половина России была отрезана от Москвы, и несмотря на трудности сообщения даже в той части России, которая находилась под властью Советов, на Совещание прибыло 34 представителя местных организаций с решающими голосами (на майском совещании таких делегатов было 52.). Порядок дня совещания был установлен следующий:

1. Доклады с мест.
2. Международное положение и задачи русской революции. Докладчик Мартов.

3. О политике партии в советской России. Докладчик Дан. Содокладчик от правых — П. Н. Колокольников.

4. Экономическая политика. Докладчик Ф. А. Череванин-Липкин. Содокладчик П. Н. Колокольников.

5. Об участии в Советах. Докладчик Ф. Дан.

6. Учредительное собрание. Докладчик Семковский.

7. Обеспечение партийного единства. Докладчик Б. И. Горев.

Принятые совещанием резолюции официально закрепили переход большинства партии на новые позиции. Вот основные моменты ее, как они нашли свое выражение в резолюциях Совещания.

В основу всех своих построений партия положила оценку переживаемой эпохи, как эпохи мировой социальной революции, авангардным отрядом которой является Германия. Со всей определенностью партия выступила против концепции социальной революции через диктатуру пролетариата в большевистской трактовке этого понятия. Путь к социализму лежит через демократию и только через демократию. „Власть пролетариата, как класса, осуществляющего свою историческую миссию освобождения человечества, должна быть властью, признанной большинством населения”, опирающейся „на самое широкое самоуправление граждан, политическую свободу и активную самодеятельность масс. Тактика, стремящаяся превратить классовую диктатуру пролетариата в управление государством и обществом на основе политического бесправия всех непролетарских слоев населения, а тем более диктатуру одной части пролетариата; политика, отклоняющаяся от основной политической задачи пролетарской революции — последовательного проведения во всех сферах общественной жизни принципов демократии, провозглашенных буржуазными революциями, но никогда не осуществленных при господстве буржуазии, — подобная политика должна вступить в непримиримое противоречие с задачами социального преобразования, парализовать дело восстановления производительных сил и, тем более, того могучего их развития, без которого социализм немыслим, и сразу оттолкнув от социализма широкие массы трудящихся.”¹²

Очень характерно, что на всем протяжении этой резолюции, ее автор, не выступая прямо против идеи диктатуры пролетариата в ее старой добольшевистской трактовке, нигде не выступает и защитником ее. Он предпочитает вообще воздерживаться от пользования этим термином и усиленно подчеркивать в положительной форме необходимость осуществления власти пролетариата только в последовательно демократических формах.

Проблема русской революции резолюциями совещания ставится и решается на фоне указанной выше оценки международной обстановки, как обстановки социальной революции. Настойчиво подчеркивается мысль, что русская революция может достичь успехов только опираясь на социалистическую Европу, что в общем революционно-социалистическом фронте она играет роль вспомогательной силы. Задачи, которые партия должна ставить перед русской революцией, совещание формулирует так:

„Признавая необходимость сосредоточения всей государственной власти в руках трудящихся классов и использование этой власти в целях создания условий, при которых станет возможным, в тесной связи с социальным переворотом в передовых странах, переход от капиталистического строя общества к социалистическому, РСДРП в то же время является оппозиционной нынешнему режиму советской России, так как принципиально отвергает, как утопию, стремление к немедленной социализации всего народного хозяйства и считает губительным для интересов рабочего класса, для революции и для экономического развития утверждение власти трудящихся путем установления диктатуры партии и насильственного подавления свободы большинства трудящихся масс”.

Уже по этой цитате можно заметить, что вопрос о диктатуре в России ставится не вполне тождественно с вопросом о диктатуре на Западе. В то время, как для последнего подчеркивается опасность политики, связанной с „политическим бесправием всех непролетарских слоев населения”, в России губительной объявляется „насильственное подавление свободы большинства трудящихся масс”. Изучение резолюции показывает, что это различие формулировок не случайность: считаясь с фактами, созданными практикой большевистской

диктатуры, партия видела себя вынужденной на известный период для России примириться с невозможностью полной демократии и в качестве очередного выдвигала требование демократии трудящихся. В особой резолюции совещание мотивировало отказ партии от лозунга Учредительного собрания, так как, по его мнению, в той конкретной обстановке, которая к этому времени создалась в стране, невозможна не только передача власти старому Учредительному собранию января 1918 г., но и новые выборы в Учредительное собрание, так как эти выборы, проведенные в данной обстановке, „грозили бы сделать Учредительное собрание не органом революции, а органом контрреволюции”. В этой обстановке совещание тактику партии считало необходимым строить, „беря за исходный пункт своей борьбы советский строй, как факт действительности, а не как принцип”. Она отказывается от всяких блоков „с партиями имущих классов”, а также от блоков „с теми партиями и группами, хотя бы и демократическими, которые не порвали решительно всякую связь с силами контрреволюции и империализма”. Открыто объявляет о своей готовности „поддерживать все те шаги советской власти, которые в какой-нибудь мере способствуют действительной защите революции, возрождению и упорядочению хозяйственной жизни, восстановлению политической свободы, культурному подъему народа и установлению действительной власти трудящихся на место существующей партийной и государственной бюрократии”. Решительно отвергая все планы насильственного свержения советской власти, совещание взяло курс на превращение партии в оппозиционную партию, действующую на базе советского строя. Но в этих пределах оно выдвинуло целую программу далеко идущих реформ, проведения которых требовала от советской власти, а именно:

„а) отказа правительства от военного подавления — под какими бы то ни было предлогами, тех разрозненных частей России, где у власти стояли демократические правительства, и, наоборот, заключения временных соглашений с такими правительствами, как переходной меры к воссозданию свободного государственного единства России на революционной демократической основе и как действительного средства к восстановлению разрушенных экономических связей и сплю-

чению всех демократических сил для решительной борьбы с натиском контрреволюции и империализма;

б) свободных выборов и переизбрания Советов с полной свободой устной и письменной агитации для всех партий;

в) действительного подчинения правительства и местных властей Советам;

г) восстановления свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенности личности и жилища, безусловного отказа от смертной казни по суду и без суда, и от всяких внесудебных расправ и от террористических мер ликвидации крестьянских восстаний;

д) самостоятельности и самоуправления политических, профессиональных, кооперативных, страховых и других организаций рабочего класса;

е) лишения каких бы то ни было партийных организаций характера правительственных учреждений и прав на особые привилегии по сравнению с другими партиями революционной демократии.”

Много внимания совещанием было уделено проблемам экономической политики. Подобной резолюции совещанием по этому пункту принято не было. Оно ограничилось тем, что приняло в их основе тезисы доклада Ф. А. Череванина-Липкина, который стоял на позиции необходимости далеко идущего государственного регулирования всей хозяйственной жизни страны. Вместе с тем совещание поручило Центральному комитету образовать особую „постоянную Экономическую комиссию” для руководства партийной политикой.

Эта Экономическая комиссия была вскоре после совещания Центральным комитетом создана в составе виднейших из примыкающих тогда к партии экономистов во главе с Череваниным, Громаном, Хинчуком и др. Весной ЦК поручил ей разработать подробную партийную платформу по экономическим вопросам. Эта платформа была разработана и после обстоятельного обсуждения ее на совместных заседаниях Центрального комитета и Экономической комиссии была издана летом 1919 года в форме особой программной декларации под названием „Что делать?”. Этот документ является основным документом для понимания позиции партии в области экономической политики.

Необходимо добавить, что это же совещание занялось также и вопросом о поведении партийных организаций в районах антибольшевистского движения. В особой резолюции об „обеспечении партийного единства”, совещание отметило факты наиболее значительных отклонений местных организаций от линии ЦК, осудило поведение этих организаций и дало Центральному комитету специальное поручение „установить ответственность отдельных лиц и групп в этом вопросе и принять в случае необходимости соответствующие организационные меры”. На основе этих полномочий ЦК в июне 1919 г. исключил из партии И. М. Майского-Ляховецкого и еще двух лиц, которые несли наибольшую ответственность за политику партийных организаций в Самаре и Уфе.

Месяцы, последовавшие за партийным совещанием, были месяцами попытки реализации плана деятельности партии в качестве легальной советской оппозиции. Партия получила возможность открыть свои клубы в столице и в ряде провинциальных центров: ее ораторы получили возможность относительно свободно говорить на собраниях; партийные группы выставляли списки своих кандидатов на выборах в Советы, в фабрично-заводские комитеты, в профсоюзы и т. д. Наиболее остро стоял вопрос о праве партии на издание своего печатного органа. В некоторых местах провинции, а именно на Украине, на юге и кое-где в Северо-Западном крае, партийные газеты и журналы выходили почти без перерыва с самого момента перехода этих районов в руки советских властей. Но разрешение на издание газеты в Москве с самого начала натолкнулось на сильное противодействие со стороны значительной части коммунистов: в то время, как руководители Советов, в лице президиума ЦИК и Исполнительного комитета Московского совета разрешение на издание дали, административный аппарат советского правительства, главным образом, органы ЧК, а также аппарат партийный, создавали всевозможные затруднения: в условиях полной национализации промышленности и торговли дело издания газеты было особенно затруднено, так как для получения типографии, бумаги, всякой мелочи, необходимой для редакционно-издательской работы, требовалось согласие соответствующего советского органа, где сидели коммунисты, имевшие, при желании, возможность саботировать проведение в жизнь

разрешения издавать газету. Только с большими трудностями все эти препятствия удалось преодолеть.

В начале февраля начала выходить газета „Всегда вперед”; сначала нерегулярно, затем в качестве ежедневной. Количество бумаги, которую партия получала для этого издания, было крайне ограничено. Приходилось выпускать газету объемом в две страницы и с крайне урезанным тиражом. Несмотря на все эти препятствия газета имела колоссальный успех, и все партийные выступления встречали широкий отклик. В воззвании, выпущенном Центральным комитетом в апреле 1919 г., после закрытия газет и ареста почти всего состава Центрального и Московского комитетов, об этом периоде с полным правом говорилось:

„Первый период террора пошел нам на пользу. Когда мы получили возможность общения с массами, оказалось, что они с жадностью потянулись к нам. Гонения окружили социал-демократию в глазах масс ореолом бескорыстной защиты их действительных интересов.”¹³

Политическая линия газеты определялась решениями декабрьского совещания. Против иностранной интервенции газета решительно поддерживала советскую власть. Но основной тон ее делала резкая критика внутренней политики этой власти, и потому газета носила заостренно-оппозиционный характер. В качестве единственной независимой газеты, она получала массу информационного материала и сыграла свою роль в деле разоблачения практики первого периода „красного террора”. В этих условиях больше, чем естественно, что недовольство газетой в кругах коммунистов росло. Наружу оно прорвалось в связи со статьей А. Плескова, напечатанной в № 11 от 20 февраля 1919 г., под заглавием „Прекратите гражданскую войну”. В этой статье, разбирая продовольственное положение в советской России, автор приходит к выводу, что основной причиной кризиса является гражданская война, которую большевики ведут против Украины, где в то время у власти были украинские демократические партии. Именно эта война грозит разорить Украину. „Смертельное дыхание гражданской войны, — писал автор, — коснулось цветущей, богатой Украины, и ее хозяйственно-экономическая жизнь уже начала умирать”. Автор предвидел, что продолжение гражданской войны на Украине поста-

вит советское правительство в отношении войны с крестьянством и заставит его на Украине повторить „весь губительный опыт“ натравливания одной части крестьянства на другую. Чтобы избежать всего этого, газета призывала рабочих требовать от советского правительства прекращения гражданской войны.

Эта статья вызвала острое возмущение в коммунистических кругах. Даже защитники разрешения меньшевикам издавать газету, высказались против статьи. В Исполнительном комитете Московского совета 22 февраля об этом был поднят вопрос, в результате чего была принята нижеследующая резолюция:

„Обсудив статью гр. Плескова в № 11 газеты „Всегда вперед“, Исполком Московского совета постановляет: Российская Советская республика находится в положении военного лагеря, отбивающегося от ожесточенных атак контрреволюции. При этих условиях всякая агитация, направленная против Красной армии или пытающаяся восстановить против нее часть населения, является величайшим преступлением против рабочего класса России и всего мира. Исполнительный комитет не может допустить подобной агитации и ставит в известность редакцию газеты „Всегда вперед“, что он будет вынужден принять самые решительные меры против ослабления или подрыва той энергии, которую проявляют трудящиеся массы России в тяжелейших условиях, отстаивая свою свободу и свои завоевания от банд русских и международных белогвардейцев.“¹⁴

Вслед за принятием этой резолюции последовало закрытие „Всегда вперед“ и арест как автора криминальной статьи, так и ряда других партийных работников, обыски в помещении редакции и пр. Но это еще не была окончательная ликвидация „либерального“ эксперимента советской власти. Центральному комитету было сообщено, что „это закрытие не безусловное“ и что разрешение на издание газеты может быть возобновлено, если партия даст гарантию, что „не будет подрывать силу сопротивления советской России ее врагам“.¹⁵ В результате этих переговоров 11 марта вышел № 1 еженедельной газеты „Рабочий Интернационал“. И по содержанию и по тону этот номер заметно отличался от „Всегда вперед“. Статьи носили более пропагандистский

характер. Не было и намека на что-либо, что могло быть истолковано, как „направленное против Красной армии”.

Тем не менее этот первый номер газеты остался единственным: обилие недовольства в стране, даже если говорить только о пролетарских элементах населения, было настолько значительно, что оппозиционная газета неизбежно становилась опасным с точки зрения диктаторской власти центром концентрации, как бы сдержанно она ни говорила. Основные же причины, заставлявшие большевиков в течение известного времени с этим неудобством мириться, к середине марта 1919 г. перестали, с их точки зрения, быть настолько существенным, чтобы на указанный риск идти. Эти причины, как сказано выше, состояли преимущественно в необходимости считаться с общественным мнением рабочих и социалистических партий Запада. Январь-февраль 1919 г. в этом отношении были особенно важными. Агитация, начатая П. Б. Аксельродом, который был тогда представителем меньшевиков за границей, за необходимость вмешательства западно-европейских рабочих организаций в русские дела, чтобы авторитетом международного социализма воздействовать на большевиков, именно в этот период встречала наибольшее сочувствие. 3 февраля 1919 г. открылась Бернская международная социалистическая конференция, в порядке дня которой стоял вопрос о посылке в Россию анкетной комиссии. Это предложение действительно было принято, и такая комиссия была выбрана в составе Поля Фора, Ж. Лонге, Макдональда, Гильфердинга, Бауэра, Адлера и др.¹⁶ Приезда ее в Россию ждали уже в феврале, самое позднее в начале марта. Центральным и Московским комитетами были созданы специальные комиссии, подготавливавшие прием этой комиссии; такие же комиссии были созданы социалистами-революционерами, на положении которых „либеральный” курс советского правительства тоже отразился и которым в марте было выдано разрешение на издание газеты.¹⁷ На фабриках и заводах принимали резолюции с приветствиями международной конференции и с пожеланиями успеха ее делегации. Большевики к этой анкетной комиссии относились определенно отрицательно, ставить ей формальные препятствия они не считали возможным, но за границей, по их инструкциям, их сторонники выдвигали различные возражения против этой

поездки, а потому, когда встретились препятствия формального характера (правительства Франции и Англии отказались выдать паспорта для поездки в Россию), то вопрос о комиссии был сначала снят с очереди, а затем и совсем похоронен. По времени этот отказ от анкетной комиссии совпал с оформлением большевиками их самостоятельной международной коммунистической организации (первый конгресс Коммунистического Интернационала открылся в Москве 4 марта 1919 г.). Заботы о соблюдении декорума отпали, и „либеральный” курс в отношении социалистов был полностью ликвидирован. В ночь на 31 марта в Москве были произведены массовые аресты меньшевиков и эсеров. Почти все члены ЦК и Московского комитета меньшевиков были арестованы.¹⁸ Против меньшевиков в большевистской прессе были выдвинуты обвинения в организации рабочих стачек, в саботаже, в разложении Красной армии и даже организации бунтов в последней. ЦК в цитированной уже прокламации с негодованием отвергал эти обвинения:

„Если ложью, — говорилось в этом воззвании, — являются предлоги, которыми прикрываются насилия над РСДРП, то горькой правдой является тот факт, что большевистская партия не желает терпеть рядом с собой никакой другой партии в рабочем классе. А это значит, что партия террора лишает рабочих и крестьян всякого права свободного выбора между программами различных партий. Это значит, что она отрицает за рабочими право посылать в Советы тех, кому они доверяют, что она намерена удержать Советы, фабрично-заводские комитеты и другие органы власти за собою во что бы то ни стало, хотя бы против воли большинства рабочих. Такова власть трудящихся, власть Советов, от имени которой говорит большевистское правительство. Большевистское правительство ясно говорит массам: советское правительство — это я. Всякая социалистическая партия, стремящаяся идейной борьбой завоевать влияние в Советах, будет мною уничтожена.”

Ни одно из конкретных обвинений, выдвинутых в это время против меньшевиков, власти и не пытались защищать. Даже попытки предания суду не было сделано. Очень скоро началось освобождение арестованных. Домашний арест с Мартова был снят через 5 дней; некоторые другие члены ЦК

(Горев, Плесков) в тюрьме провели по 3-4 месяца. Что же касается до „либерального” курса, то с ним было покончено. Вопрос о разрешении меньшевикам издавать газету больше по-серьезному не ставился.

Время издания „Всегда вперед” и „Рабочего Интернационала” было временем больших успехов Красной армии, причем основные линии ее операций шли на Украину и Прибалтику: 3 января были заняты Харьков и Рига, 5 февраля пал Киев, 14 марта — Николаев и т. д. Гражданская война в этот момент была прежде всего и больше всего войной против национально-демократических областных государственных образований, или против стихийных крестьянских восстаний на Украине, которые находили своих вождей в различных „атаманах” типа Махно, Григорьева и др. На остальных фронтах, где Красная армия имела против себя определенно реакционных противников, царило относительное затишье с несомненным перевесом на стороне Советов. Но с середины марта положение стало меняться. Первым в наступление перешел Колчак: 17 марта он занял Уфу и, быстро развертывая наступление, двигался к Волге; в конце апреля его армия приближалась к Самаре. В мае начал свое наступление Деникин, а вскоре за ним показал признаки жизни Юденич. Советское правительство было вынуждено отказаться от экспериментов в Прибалтике, признав возникшие там демократические национальные правительства Латвии и Эстонии и заключив с ними мир. Гражданская война все более и более приобретала характер борьбы против сил определенно реакционных, порой даже социально-реставрированных.

Это должно было вызвать изменения и в позиции социал-демократии. Требование прекращения гражданской войны и заключения соглашения с противниками предполагало обстановку борьбы с правительствами более или менее демократическими: именно в такие рамки его вводило декабрьское совещание 1918 г. Конкретного указания относительно позиции партии в тех случаях, когда борьба ведется против определенно реакционных противников это совещание не дало. Оно только определило принцип, которым партия должна в этом случае руководствоваться, когда высказалось за поддержку партией „тех шагов советской власти, которые в какой-нибудь мере содействуют действительной защите рево-

люции''. Из этой общей формулы надлежало сделать конкретный вывод.

Единодушие в партии по этому вопросу не было. Помимо прямых противников поддержки большевиков имелись группы и организации, которые стояли на той точке зрения, что поддержка партией может быть оказана только в случае, если большевики произведут изменения своей политики. С другой стороны, намечалось левое крыло, которое считало, что партия не только должна всячески поддержать большевиков в их борьбе против Колчака и Деникина, но и отказаться на время этой борьбы от всякой агитации против советской власти — чтобы поддержка была более действенной.

Московский комитет свою позицию сформулировал в первомайском воззвании, выпущенном в дни, когда армии Колчака подходили к Самаре:

„Несмотря на все разногласия с властью коммунистов, — говорилось в этом воззвании, — мы призываем всех, кому дорого дело революции, при всех недостатках Советов, сплотиться вокруг них, защищать революционную республику и грудью отражать натиск Колчака. Мы призываем наших товарищей и всех граждан, стоящих в рядах Красной армии, стойко бороться под красными знаменами. Мы призываем рабочих и крестьян вступать в ряды Красной армии, а наших товарищей, состоящих в организациях и учреждениях, всеми мерами содействовать успеху мобилизации... Мы призываем каждого в тылу и на фронте делать все возможное для облегчения и успеха борьбы Красной армии с контрреволюционными силами. Все на защиту революции. Все на борьбу с Колчаком. Только единым фронтом, только неустанной дружной борьбой трудящихся классов можно одолеть Колчака!“¹⁹

Для устранения этой разногласицы Центральным комитетом было созвано партийное совещание — по полицейским условиям в сокращенном составе, а именно из членов ЦК, Главного комитета Украины, ЦК бунда и обоих столичных комитетов, Московского и Петербургского. Совещание это состоялось 18-30 мая. Из обмена мнений по вопросу „об отпоре Колчаку и контрреволюции вообще“ выяснилось, что „в общем партийное мнение признает, что партия должна активно участвовать в организации вооруженного отпора контрреволюции, где она не лишена вообще террористичес-

ким режимом возможности организованно проявлять себя, и что это участие в защите революции должно сопровождаться пропагандой такого изменения политического курса, которое бы сделало эту защиту революции успешной, обеспечив активное участие в ней рабочих и особенно крестьянских масс. С этой точки зрения недопустимо, чтобы, как это сделано в немногих местах, свою готовность участвовать в вооруженной борьбе с контрреволюцией организации обуславливали предварительным изменением правительственной политики, ибо это означало бы в данное время нейтралитет в борьбе между большевизмом и контрреволюцией. Но недопустим и отказ, во имя борьбы с контрреволюцией, от борьбы против тех сторон правительственной политики, которые именно и питают в первую очередь успехи контрреволюции и устранение которых волею рабочих масс поставит всю защиту революции впервые на прочную базу.

По вопросам о форме участия в вооруженной борьбе с контрреволюцией, значительное большинство участников совещания высказалось в том смысле, что „принудительная” партийная мобилизация не представляется целесообразной. Она, изымая членов партии от действия общей мобилизации, которой подвергаются все граждане, грозит поставить их в то привилегированное положение, в котором находятся члены коммунистической партии. В то же время право партийной организации принудительно отправлять на военную службу своих членов, не подлежащих призыву, а следовательно, карать их за неподчинение, может быть оспариваемо. Целесообразнее поэтому представляется там, где партия имеет какой-нибудь простор для своей деятельности, организация ею добровольчества среди своих членов и находящихся под ее влиянием масс.”²⁰

В июне месяце в связи с решением парижской конференции стран согласия признать правительство Колчака и оказать ему поддержку в его борьбе с советским правительством, ЦК обратился со специальным воззванием „К социалистам стран согласия”. Опираясь на только перед тем полученный отчет своего представителя,²¹ совершившего поездку в Сибирь, ЦК дал характеристику „движения, во главе которого идет Колчак”, как попытки „восстановления главных экономических и политических элементов старого режима”. „Дви-

жение, во главе которого идет Колчак, — читаем мы в этом воззвании, — есть не что иное, как военное усилие этого главного социального строя старой России (имеется в виду дворянство) вновь взобраться на корабль, за борт которого оно сброшено революционной волной, и вновь взять в свои руки руль политического и хозяйственного управления. Никаких иллюзий на этот счет: победа Колчака есть реставрация старого режима.” „Если Колчак сделается хозяином всей России, трескотня ружей и пулеметов, расстреливающих революционный народ, сольется со свистом нагаек и гиком и визгом антисемитских погромщиков. Террористический режим, господствующий уже сейчас в Сибири, является тому порукой.” „Российская социал-демократия вместе со всеми революционными элементами народа уже делает и будет делать все возможное, чтобы повергнуть в прах воскресающие силы прошлого и покончить с ними навеки.” „Призывая русский пролетариат сплотить свои силы для защиты революции, наша партия ждет, что пролетариат союзных стран мощным массовым выступлением сломит злую волю своих империалистов и принудит их дать мир истерзанной революцией России.”²²

Успехи выступления Деникина, в июне-июле захватившего крупнейшие промышленные центры юга России во главе с Харьковом, поставили перед партией вопрос о дальнейших шагах в направлении поддержки советской власти. Настроение рабочих масс в ряде крупнейших центров там было настолько враждебно большевикам, что успехи Деникина многие встречали с безразличием, порой даже с известным сочувствием. В этой обстановке украинские организации партии повели „самую активную борьбу с этими настроениями”. В ряде мест — Харьков, Николаев и др. — были проведены партийные мобилизации: ЦК это поведение украинских организаций одобрил, „подчеркнув лишь необходимость ни на один момент и в этой работе не отклоняться от самостоятельной линии партии, остающейся оппозиционной данному режиму”.²³

В середине августа состоялось новое совещание при Центральном комитете, которое приняло следующую резолюцию о политике партии в районах деникинско-колчаковской диктатуры:

„Основная задача партии в этих местностях в настоящее время — революционное свержение деникинско-колчаковского режима и воссоединение с советской Россией, как государственно-организационным центром всей российской революции в целом. В целях этого свержения партия поддерживает возникающие революционные движения против военно-полицейского режима, не отказываясь от участия и в частичных восстаниях, если последние по обстоятельствам представляются целесообразными, и принимая в то же время меры против опасностей вырождения этой политики в повстанческие авантюры.

Рассматривая данные формы государственного режима как нечто наносное и преходящее и постольку отказываясь от всяких попыток их реформировать, партия отвергает всякую так называемую органическую работу в созданных колчаковскими и т. п. правительствами военной диктатуры центральных и местных представительных учреждениях. В то же время партия использует как выборы в эти учреждения, так и участие в них, равно как и другие возможности легального выступления, для самой агитации за последовательный демократизм и полную свободу и для решительной борьбы против террора и расправ и подчиняет всю свою деятельность на легальных поприщах задаче организации пролетариата для революционного свержения режима.”²⁴

Наконец, 1 октября 1919 г., то есть в момент, когда Деникин подходил к Туле, а Юденич был в Гатчине, ЦК решил отказаться от тех соображений, которые заставили его воздерживаться от объявления партийной мобилизации в общепартийном масштабе, и принял следующую резолюцию:

„Принимая во внимание крайне тяжелое военное положение советской республики и бешеный натиск контрреволюции, грозящей смести все революционные завоевания, и считаясь с тем фактом, что в широких рабочих и крестьянских массах, раздраженных политикой нынешней власти, замечается апатия и готовность махнуть рукой на грозящую революции опасность, ЦК РСДРП постановляет:

1. Призвать всех членов партии к самой активной работе по обслуживанию Красной армии и к агитации в пролетариате за самое деятельное участие в обороне;

2. Делегировать двух членов ЦК и предложить Московскому комитету отрядить в их распоряжение 10 членов Московской организации для работы в Туле и Брянске, как наиболее важных в данное время с точки зрения обороны пролетариата пунктах, поручив им, при содействии местных организаций, сплотить рабочие массы для отпора контрреволюции;

3. Обратиться к Центральному исполнительному комитету и Совету обороны с предложением оказать командированным членам партии необходимое содействие, — прежде всего в смысле предоставления им, как членам РСДРП, действительной возможности работать в указанном направлении.

Вместе с тем ЦК РСДРП подтверждает глубокое свое убеждение в том, что высшее напряжение революционных сил для дела военной обороны может привести к каким-нибудь прочным положительным результатам только в том случае, если будет сопровождаться политикой, способной вызвать новое революционное воодушевление в рабочих массах, разбить недоверие крестьян к революции и тем самым подсесть самые корни успехов контрреволюции.”²⁵

Во исполнение этого решения партийная мобилизация была проведена, по-видимому, во всех тех пунктах, где имелись партийные организации. В Туле и Брянске, где партийные организации были наиболее значительны и положение которых поблизости от фронта делало партийную агитацию особенно важной, работа была проведена наиболее интенсивно. Но во время этой агитации пришлось натолкнуться на большие трудности со стороны властей: последние относились к агитации меньшевиков, даже когда она была направлена на поддержку Красной армии, с большим неодобрением, так как это укрепляло общеполитические позиции меньшевиков. Инструкции из центра на местных большевиков часто не оказывали влияния. В некоторых местах доходило до того, что собрания партийной организации для обсуждения вопроса о мобилизации приходилось проводить нелегально (например, в Туле). И чем значительнее было влияние данной организации меньшевиков, тем с меньшей охотой местные коммунисты давали свое согласие на предоставление свободы выступлений. В этом по существу не было расхождений между позицией коммунистов на местах и руководящими центра-

ми коммунистической партии: последние очень сильно желали получить возможность распространить за границей сообщения о том, что они имеют в борьбе против Деникина и Колчака поддержку всех революционно-демократических сил страны, но не имели никакого желания хоть в какой-либо мере менять свою политику, чтобы сделать возможным действительное сближение их с этими другими демократическими группировками, и еще меньше желали дать возможность меньшевикам (равно как и эсерам) укреплять их позиции внутри России, так как знали, что имеют в их лице опасных конкурентов во влиянии на рабочие массы.

Именно этим объяснялось поведение центральных коммунистов в вопросе о предоставлении возможности меньшевикам вести агитацию в печати. Последний вопрос в это время был поставлен несравненно более скромно, чем в период издания „Всегда вперед”. Теперь речь шла о разрешении Центральному комитету меньшевиков издавать свой периодический бюллетень, с одной стороны, и научно-теоретический журнал, хотя бы ежемесячный, — с другой. Первоначально большевики дать такое разрешение обещали, но затем, протянув полтора-два месяца, ответили отказом под предлогом, что теперь такое издание было бы „несвоевременным”.

В начале декабря 1919 г. ЦК меньшевиков получил приглашение от Президиума ЦИК послать своих представителей на Седьмой съезд Советов. Делегация была послана. От ее имени на съезде выступали Дан и Мартов. Основная мысль их выступления сводилась к указанию на необходимость перенесения единого фронта, существенного (как заявил Дан) „во всем, что касается обороны революции”, также и на „дело революционного строительства”. Базой, на которой этот единый фронт может быть проведен в жизнь, меньшевики согласны были признать советскую конституцию, на почву которой меньшевики во всех своих выступлениях этого времени полностью становились, но они требовали, чтобы эта конституция не оставалась ни к чему не обязывающим клочком бумаги, а была применяема на практике. Именно под этим углом зрения и была разработана вся та программа практических требований, выдвинутых в декларации меньшевистской фракции, оглашенной на этом съезде Мартовым:

„1. Возобновление действия советской конституции и дальнейшая ее демократизация. Организация действительной ответственности всех органов власти перед рабочими и крестьянскими массами и подотчетности их представителям. Правильное функционирование и регулярные пере выборы Советов.

2. Равенство всех трудящихся города и деревни.

3. Свобода печати, союзов и собраний.

4. Неприкосновенность личности, гарантированная подсудность всех граждан одним и тем же народным судам, действующим на основе точных законов.

5. Отмена бессудных расправ, административных арестов и правительственного террора.”²⁶

Полицейские условия, в которые была поставлена партия после этого съезда, совпавшего с окончанием острого периода гражданской войны, в известной мере стабилизировались на относительно значительный промежуток — на 10–12 месяцев. Массовые аресты, когда захватывали почти всех активных членов организаций, прекратились. Аресты стали носить более случайный характер. Точно неизвестно, было ли это осознано предусмотрено директивами, которые ЧК получала от ЦК большевиков, но на практике была сделана попытка борьбу против меньшевиков, ставших на почву советской конституции, перевести на рельсы этой конституцией легализованные. Существование партийных организаций власти терпели, пытаясь против их агитации и роста их влияния бороться мероприятиями частного характера. Это дало Центральному комитету возможность снова взяться за работу по созыву общепартийной конференции, основной задачей которой должна была явиться выработка общеобязательного для всех членов партии программного документа, который закрепил бы проделанную партийными центрами за последние годы идейную эволюцию и создал бы базу для единства партийной деятельности в будущем.

Попытками созвать такую конференцию и борьбой вокруг такого общепартийного документа заполнена внутренняя жизнь меньшевистской партии в течение всего 1920 г. Сначала конференция была назначена на 12 марта. Так как количество приехавших делегатов было весьма невелико (кроме центров было представлено только 11 местных органи-

заций), то конференция была объявлена несостоявшейся и вместо нее устроено совещание приехавших делегатов с членами ЦК и Московского комитета — так называемое „мартовское партийное совещание”, заседавшее 12-14 марта 1920 г. На совещании был заслушан общий доклад ЦК и специальные доклады Мартова и Абрамовича о международном положении и задачах социал-демократии, и специально об Интернационале и позиции РСДРП. Решений совещанием никаких принято не было — только одобрена резолюция ЦК о выходе из Второго Интернационала (эта резолюция была принята в значительной мере под давлением съехавшихся делегатов с мест).

Вторая попытка созыва конференции была сделана в апреле. Учитывая опыт мартовской попытки, который показал, что местным делегатам крайне трудно преодолевать транспортные препятствия, на этот раз партийная конференция была по времени приурочена к Третьему Всероссийскому съезду профсоюзов (открылся 6 апреля): делегаты на этот съезд имели всевозможные льготы для поездки в Москву (часто с мест они ехали специальными вагонами), а так как у меньшевиков имелись весьма значительные связи в профессиональных союзах, то ЦК рассчитывал, что делегаты партийных организаций на конференцию во многих случаях смогут совершить поездку или в качестве делегатов на съезд профсоюзов, или вместе с такими делегатами и под их прикрытием. Расчеты эти оказались вполне правильными. Конференция на этот раз оказалась значительно более многочисленной. На нее прибыло 56 делегатов с решающими голосами, представлявших 26 партийных организаций (для сравнения необходимо указать, что на партийном совещании в декабре 1918 г. было 34 делегата с решающим голосом, а на партийном совещании в мае 1918 г. — 60 делегатов). Так как целый ряд организаций — и в том числе некоторые очень значительные — своих представителей прислать все же не смогли, а вопросы, стоявшие в порядке дня были весьма ответственные, то съехавшиеся делегаты, в согласии с ЦК, решили и на этот раз считать собрание не конференцией, а партийным совещанием (так называемое „апрельское партийное совещание”, заседавшее с 4 до 14 апреля 1920 г. с перерывами, так как почти все делегаты были заняты также на шедшем одновре-

менно съезде профсоюзов). Право участия в этом совещании получили также и все те меньшевики-делегаты съезда профсоюзов, которые не имели специальных мандатов на партийную конференцию. Таких делегатов оказалось свыше 30 человек. В итоге общее число участников совещания (вместе с членами ЦК, членами МК и рядом специально приглашенных товарищей) достигло 120-ти.

Порядок дня этого совещания был установлен следующий:

1. Доклады с мест.
2. Мировая социальная революция и задачи социал-демократии (докладчик Мартов).
3. Интернационал (докладчик Абрамович).
4. Текущий момент и задачи партии (докладчик Дан, содокладчики А. Э. Дюбуа — от „правых” и Б. Н. Гуревич-Бэр — от „левых”).
5. Положение дел в партии (докладчик Мартов).

Сведения о составе и порядке дня „мартовского” и „апрельского” партийных совещаний даны в „Сборнике резолюций и тезисов Центрального комитета и партийных совещаний”, изд. Главного комитета РСДРП на Украине, Харьков, 1920 г. Этот сборник и по своему внешнему виду является весьма характерным показателем тех условий, в которых тогда приходилось работать меньшевикам, даже в наиболее „либеральных” районах советской России, к числу которых принадлежал Харьков. Местные власти издание этого сборника разрешили, но затем, когда он уже был закончен набором, отказались предоставить бумагу для печатания, в расчете, что это сделает выход в свет книги фактически невозможным. Издателям удалось обойти это препятствие, так как они решились использовать для печати бумагу, не подлежавшую национализации, а именно напечатать сборник на оборотной стороне разных плакатов.

Центральным местом в работах совещания было обсуждение доклада Мартова о „мировом положении и задачах социал-демократии”. Тезисы этого доклада было предложены Центральным комитетом в качестве проекта той платформы, которая должна заменить старую программу партии, принятую в 1903 г.

По своему содержанию эти тезисы заметно рознятся от тезисов, представленных на ту же тему и тем же Мартовым партийному совещанию декабря 1918 г.: если в этих последних по основным вопросам диктатуры и демократии Мартов почти целиком стоял на той же позиции, которую тогда защищал Каутский в его полемике против Ленина и Троцкого, то теперь Мартов с этой позиции заметно сошел, приблизившись к позициям, которые были заняты немцами „независимыми” на их конгрессе в Лейпциге.

Переживаемую эпоху тезисы „апрельского совещания” рассматривают, как эпоху социальной революции. В этом они сходятся с тезисами „декабрьского совещания”. Но сходство это только внешнее. По существу между ними существенное расхождение и в оценке того конкретного этапа, на котором в данный момент находится развитие этой революции. В то время как декабрьские тезисы 1918 г. „переход власти в руки пролетариата в капиталистически развитых странах считали фактом „уже осуществляющимся”, тезисы апреля 1920 г. этот „переход власти” считают делом только будущего, — более или менее близкого. Это различие вызвано теми смещениями власти, которые произошли за первые полтора послевоенные года в политической истории Германии, на события в которой Мартов в первую очередь ориентировался. В декабре 1918 г. власть в Германии находилась в руках Совета народных уполномоченных, состоявшего из „правых” социал-демократов и „независимых”; в апреле же 1920 г. власть перешла в руки блока „правых” социал-демократов с демократами и католиками. „Независимые” были в оппозиции, а русские меньшевики группы Мартова все время ориентировались именно на „независимых”, с которыми они несколько раз публично солидаризировались.

Это изменение положения в Германии вынуждает автора тезисов подробнее остановиться на разработке общего вопроса о том, что же такое представляет из себя социальная революция. Он решительно оспаривает большевистское представление о социальной революции (как раз около этого времени получившее свое наиболее законченное обоснование в книге Бухарина „Экономика переходного периода”), как об „историческом событии, совершающемся в течение короткого промежутка нескольких месяцев или лет и путем быстро

разрастающейся катастрофы, сметающей начисто одну хозяйственную форму, чтобы на месте ее поставить другую, противоположную.”

На место этого понимания социальной революции Мартов выдвигает другое:

„Социальная революция есть сложный и длительный исторический процесс постепенной социализации хозяйственной жизни и вытеснения капиталистических и мелкобуржуазных форм производства и обмена коллективистскими, обеспечивающими более высокое развитие производительных сил. Ни темп развития этой революции, ни фазы, через которые она проходит, не могут быть тождественны для отдельных стран, различающихся между собой степенью развития капитализма, соотношением общественных сил, культурным уровнем населения и рядом других существенных условий. Точно также и самый переход от экономического кризиса, вызванного катастрофой всемирной войны, к революционной ломке, составляющей непосредственное содержание социальной революции, отнюдь не должен представляться одинаковым для всех охваченных историческим процессом стран, почему и обычная формула о непосредственном переходе империалистической войны в гражданскую, как необходимой для всех стран, должна быть отвергнута. Напротив, научное представление о социальной революции отнюдь не исключает возможности для отдельных стран (и даже для наиболее развитых экономически) периода известного подъема после упадка, вызванного катастрофой войны, после чего только основные внутренние противоречия, ведущие к социальной революции, достигнут необходимой для нее остроты, а также в этих странах могут принять характер гражданской войны.”

Решающим моментом такой революции — „показателем ее наступления и ее рычагом” — всюду явится политическая революция, в результате которой совершится „восхождение к власти трудящихся классов во главе с пролетариатом современной крупной промышленности”. „В капиталистических странах, где пролетариат составляет большинство населения и остальные слои трудящихся социально растворены в нем”, власть этого нового пришедшего к власти класса будет осуществляться в форме „диктатуры пролетариата, то есть сосредоточения в его руках всей общественной власти”. Эта дикта-

тура, утверждает Мартов, „осуществляемая пролетариатом, как "классом", отнюдь не противоречит принципам демократии". Это свое утверждение Мартов обосновывает соображениями о том, что „всякая демократия исторически ограничена рамками определенных социальных групп, в пределах которых и осуществляются демократические принципы". Так было в прошлом, так будет и в будущем: „новая рабочая демократия, возникающая из крушения капиталистического общества, есть демократия участников общественного производительного труда". „Поэтому демократической сущности классовой диктатуры в принципе не противоречит лишение прав гражданства или ограничение этих прав для социальных групп, стоящих вне этой демократии, то есть вне общественного производительного труда".

Мартов не считает такого рода ограничения желательными и стоит за сведение их во всяком случае к минимуму, но право пролетариата на их применение он признает. Для него это вопрос не принципа, а практической целесообразности: ограничения не должны принимать таких размеров, когда они начинают становиться препятствием для „полного господства начал демократии и свободы" внутри самих трудящихся. Мартов считает также, что „демократия трудящихся, по своему социальному содержанию и по своим историческим задачам противоположная демократии буржуазной, естественно не может просто копировать государственные формы и учреждения последней".

Для осуществления демократии трудящихся необходимо искать новые формы, и Мартов согласен, что в известных условиях подходящей формой для нее может явиться советская система, но в качестве „единоспасающей панацеи" она должна быть отвергнута. Делая столь значительные уступки большевизму в вопросах теоретического характера, переходя принципиально целиком на почву „диктатуры пролетариата" и „рабочей демократии" в той их трактовке, которой тогда теоретически придерживались и большевики, Мартов с тем большей решительностью выступает против того, что было характерным для большевистской практики внутри рабочего движения:

„Ни при каких условиях классовая диктатура пролетариата по существу своему не направлена против других слоев

трудящихся масс, активное и добровольное соучастие которых в процессе социального преобразования является необходимым, и одно только может обеспечить решение пролетариатом проблемы преобразования хозяйственных форм на почве дальнейшего развития производительных сил. К этим слоям относятся как непролетарские мелкие хозяева в городе и деревне, так и пролетариат умственного труда и в своей массе технический персонал современной индустрии”.

Понятие классовой диктатуры пролетариата не имеет, по имени, ничего общего с понятием единоличной или олигархической диктатуры, в том числе и диктатуры сознательного революционного меньшинства над бессознательным большинством народа, хотя бы и во имя интересов народа. Революционная социал-демократия восстанет со всей решительностью против стремления меньшинства, противоречащего основному положению социализма о том, что освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса, и низводящего трудящиеся массы до роли пассивного объекта социальных экспериментаторов. В тенденциях к установлению в явной или скрытой форме диктатуры меньшинства социал-демократия усматривает величайшую опасность как революционному развитию рабочего класса, так и успехам социального переворота. Поэтому социал-демократия отвергает и всякую политику терроризма как метода революционной диктатуры, органически связанного со стремлением удержать и утвердить в своих руках власть, которую еще не признает за ним трудящееся большинство.”

Специально русская проблема в этих тезисах ставится только мельком, в качестве проблемы власти в отсталых странах, которые сами по себе к социальной революции не подготовлены, но в которых по ряду обстоятельств власть оказалась в руках пролетариата. Эта проблема апрельскими тезисами решается принципиально так же, как она решалась тезисами декабрьскими: эта власть должна быть построена на базе соглашения пролетариата с крестьянством, до тех пор, пока дальнейшее экономическое развитие в международном масштабе создаст в этих странах предпосылки для диктатуры пролетариата.

Подробнее проблему русской революции трактуют тезисы Дана „о текущем моменте и задачах партии”. Соглаше-

ние пролетариата с крестьянством должно быть осуществлено на базе „гегемонии пролетариата”, но эта последняя ни в коем случае не должна быть обеспечена „средствами насилия или игнорирования мелкособственнических интересов крестьянства, а исключительно идейно-культурным превосходством рабочего класса, его функциями организатора и объединителя всей хозяйственной жизни страны, его роль посредника в товарообороте с социализирующимися странами Запада.

В положительной форме эти тезисы дают следующее определение той основной линии, которую должна вести меньшевистская партия в переживаемый момент:

„Сплочение всех революционно-пролетарских сил на почве проведения политики, наиболее способной укрепить в России те из позиций социальной революции, которые могут быть удержаны при данном уровне производительных сил и в данном отношении классов (власть трудящихся, революционный союз пролетариата и крестьянства против помещиков и капиталистов, сохранение в руках революционного государства концентрированных средств производства в основных отраслях промышленности и транспорта; организованное участие производителей в руководстве общественным хозяйством) и которые явятся рычагом дальнейшего развития к социализму, когда победа пролетариата в решающих передовых странах создаст благоприятные для того условия”.²⁷

Принятые в это время резолюции вносили новое и в позицию партии по вопросу об Интернационале. Декабрьское совещание 1918 г. в этом вопросе ограничилось общим заявлением о том, что партия будет „содействовать созыву международной социалистической и рабочей конференции для объединения сил международного пролетариата в деле охраны социалистической революции от опасностей, которые несет ей империалистическая контрреволюция”.

Больших проблем, которые вставали перед международным социалистическим движением в связи с расколами времен войны, это совещание не касалось. О методах восстановления Интернационала ЦК впервые заговорил в резолюции, которая была им принята 26 мая 1919 г. — в дни майского совещания при Центральном комитете. В этой резолюции ЦК определенно высказался против механического

объединения всех партий и групп, объявляющих себя социалистическими. Рассматривая дело „восстановления Интернационала” как сложный и длительный процесс, эта резолюция критиковала и отвергала методы, применяемые в этой области как руководителями „амстердамского” интернационального Бюро, так и основателями Третьего Интернационала. Задачей момента Центральный комитет считал подготовительную работу и заявлял, что он будет „всеми зависящими от него средствами” содействовать тем, кто поставит своей задачей „достигнуть согласованных действий и единства революционной политики всех тех социалистических партий и меньшинств, которые как и она (то есть РСДРП) стоят на почве революционного марксизма, в целях совместной подготовки условий для восстановления Интернационала, способного объединить весь международный пролетариат”.

Стоя на такой позиции, ЦК отнюдь не отказывался от участия в совещаниях и конференциях типа Бернской и Амстердамской конференций 1919 г. Наоборот, он считал такие совещания „полезными” и признавал „возможным” использование их для „пропаганды своих взглядов на условия и меры восстановления действительного социалистического Интернационала”. Но решения такого рода совещаний он заранее объявлял для себя не обязательными, заявляя, что „может связывать свою деятельность решениями лишь таких международных рабочих конференций или съездов, которые принципиально и практически стоят на почве независимой революционной классовой политики, последовательного интернационализма и научного социализма.”

В марте 1920 г. ЦК сделал дальнейший шаг по пути отмежевания от Второго Интернационала. Под влиянием решений, принятых незадолго перед тем немецкими „независимыми”, с одной стороны, и французскими социалистами, с другой, которые постановили порвать отношения со Вторым Интернационалом и войти в сношения с другими социалистическими партиями, которые вышли из этого Интернационала, ЦК в этой резолюции заявлял о своем формальном разрыве „организационных связей с остатками Второго Интернационала”. Согласно этой резолюции Интернационал, в котором РСДРП будет участвовать и созданию которого ЦК будет всячески содействовать, должен быть построен „на

единых для всех социалистических партий принципах действий, основанных:

а) на признании социалистической революции, как очередной исторической задачи той эпохи, в которую мы вступили;

б) на осуществлении социалистического переворота при посредстве диктатуры рабочего класса, исключаящей неизбежно террористическую диктатуру меньшинства, и

в) на признании закономерности и равноценности с революционной точки зрения различных форм осуществления диктатуры, соответствующей историческим условиям данной страны”.

„Мартовское партийное совещание”, заседавшее как раз в те дни, когда ЦК эту резолюцию принял, ее полностью одобрило,²⁸ и особым специальным решением поручило Центральному комитету „в спешном порядке урегулировать вопрос о постоянном представительстве партии за границей”.

Эта последняя резолюция выводила наружу тот конфликт между настроениями партии в России и позицией ее представителя за границей, который назревал уже давно. Таким представителем тогда был П. Б. Аксельрод, получивший полномочия еще в 1917 г. В политической оценке большевизма стоявший в основном на тех же позициях, что и К. Каутский,²⁹ Аксельрод в 1917–20 гг. выступал за границу в роли принципиально непримиримого противника большевиков. Эта его деятельность сделала его одним из наиболее ненавистных для большевиков представителей Социалистического Интернационала. Большевистская пресса в России резко на него нападала, стараясь вбить клин между ним и меньшевиками в России. Руководители ЦК все время давали резкий отпор подобным попыткам, неоднократно подчеркивая свою солидарность с основными моментами выступлений Аксельрода. Но на так называемых „левых” меньшевиков эти выступления большевистской печати свое влияние оказывали, и их давление на ЦК с требованием „отмежеваться” от Аксельрода все возрастало.

По мере эволюции этих руководителей в основных вопросах диктатуры и демократии их расхождения с Аксельродом, который отнюдь не эволюционировал в этом направлении, росли, и сглаживание противоречий становилось все более и

более трудным. Аксельрод отдавал себе отчет в трудности его положения и в переписке с ЦК неоднократно заявлял о своей готовности сложить свои полномочия, но ЦК не хотел рвать связей с человеком, который был одним из основателей российской социал-демократии и духовным вождем меньшевизма.

Узнав о решении, принятом 12 марта 1920 г., Аксельрод немедленно послал в ЦК и одновременно огласил в печати за границей свое заявление о сложении полномочий представителя партии за границей. Ввиду трудностей сообщений с Россией в Москве об этом шаге Аксельрода стало известно только после окончания работ „апрельского совещания“, которое также обсуждало вопрос об Интернационале и приняло еще одну резолюцию по этому вопросу, усиливавшую решение мартовского совещания. Текста этого решения у нас не имеется, имеется только резолюция, принятая ЦК 16 апреля 1920 г. во исполнение этого решения совещания. Вот эта резолюция:

„Принимая во внимание, что вследствие полной оторванности России от Европы, тов. П. Б. Аксельрод в течение последних двух лет не мог поддерживать контакта с ЦК и не имел возможности, как он сам на это неоднократно указывал, быть осведомленным о действительной позиции партии в наиболее актуальных вопросах и что, таким образом, партия не имеет за границей действительного представительства, Центральный комитет постановляет принять безотлагательные меры к организации временного представительства партии за границей, для чего делегировать одного из своих членов.“³⁰

Много внимания совещанием было уделено вопросам профессионального движения (в связи с работами заседавшего в это же время Третьего съезда профсоюзов), а также организационным. По этим последним вопросам совещанием был принят целый ряд резолюций как общего, так и частного характера: о положении дел в партии (по докладу Мартова), о партийных выступлениях, о внутрипартийной дисциплине, о положении дел в Бунде, об организациях Одессы и Харькова и о созыве партийной конференции. Основной мыслью, которой были пропитаны все эти решения, была мысль о необходимости установить полное единство политической

линии всех выступлений партийных организаций, положить конец выступлениям отдельных членов партии, совершаемых на свой страх и риск и по своему содержанию не совпадающих с новой линией партии.

Именно в этих целях решено было произвести перерегистрацию всех членов партии; а также обследование деятельности некоторых из местных организаций. Одну организацию — Одесскую — совещание постановило распустить. Наиболее радикальным методом установления единства партийной деятельности признано было принятие нового общеобязательного программного документа, для чего и решено было на 20 августа созвать партийную конференцию, порядок представительства на которой, соответствующий новым условиям существования партии, и был совещанием установлен. Все эти резолюции своим острием были направлены против „правых“. Совещание вообще прошло под знаком натиска „левых“ на Центральный комитет, организационной „мягкостью“ которого представители „левых“ были очень недовольны. Ряд уступок им был продиктован стремлением остановить процесс „левения“, который как раз в этот момент достиг своей высшей точки, вызывая целый ряд уходов из партии.³¹

Относительно спокойный период, начавшийся после победы над Деникиным и Колчаком, дал партии возможность относительно широко развернуть свою деятельность, агитационную и организационную. Основными точками приложения социал-демократических сил явились Советы, с одной стороны, и профессиональные союзы, с другой. Из последних в Москве под социал-демократическим влиянием находились союзы печатников, химиков и служащих; в ряде других союзов имелись группы партийных сторонников. В некоторых местах провинции, особенно на юге, влияние партии было более сильно. Социал-демократическая делегация на Третьем съезде профсоюзов насчитывала в своем составе свыше 80 человек. Точную сводку относительно выступлений партии на выборах в Советы в настоящее время нет возможности сделать, так как и в свое время полных материалов о ней собирать не удавалось. Ее, быть может, удастся составить только в будущем, на основании материалов из архивов ЧК. Во всяком случае, совершенно точно удастся установить для

этого периода участие социал-демократов в Советах следующих городов: Москва (45 делегатов), Харьков (свыше 225), Тула (45), Киев (свыше 30), Ташкент (20), Петербург, Одесса, Николаев, Екатеринослав, Брянск, Режица, Витебск, Смоленск, Гомель, Сормово, Ростов-на-Дону, Иркутск и др. В некоторых городах, например, в Харькове, выборы 1920 г. дали социал-демократам полную победу: по рабочей куррии они имели большинство депутатов и только с помощью делегатов от красноармейских частей большевики смогли удержать большинство в Совете. Практика показывала, что при наличии хотя бы минимальной свободы агитации, даже не обладая своей печатью, социал-демократия может иметь успех в борьбе против коммунистов перед рабочей аудиторией.³²

Другим доказательством возможности успеха социал-демократов явился грандиозный митинг, устроенный в Москве союзом рабочих печатного дела (по соглашению с ЦК меньшевиков) для того, чтобы ознакомить приехавшую в Москву делегацию английских рабочих организаций с подлинными настроениями рабочих Москвы. Этот митинг собрал около 4-х тысяч человек и прошел с большим подъемом. Выступали ораторы от Союза рабочих печатного дела (Каммермахер-Кефали), от ЦК меньшевиков — Дан и представитель ЦК партии эсеров В. М. Чернов. Выступление последнего имело особенный успех: Чернов в качестве бывшего председателя Учредительного собрания в течение всех лет большевистской власти находился на нелегальном положении, вынужден был скрываться, и его выступление на открытом митинге было прямым вызовом ЧК. Собрание встретило и проводило его шумными овациями.³³

Эти успехи социал-демократических выступлений неизменно вызывали репрессии со стороны властей, и чем сильнее был успех выступления, тем сильнее были кары, обрушивавшиеся на соответствующую организацию. Митинг печатников повел за собой разгром этого союза, арест всех его руководителей (свыше 30 человек было арестовано, несколько еще были вынуждены скрыться) и назначение властями большевистских комиссаров для управления этим союзом. Попытка членов английской рабочей делегации вмешаться в это дело и заступиться за арестованных не имела успеха.

Успехи на выборах в Советы тоже влекли за собою репрессии против соответствующих партийных организаций. Арсенал этих репрессий был не особенно разнообразен, но мотивировка их временами представляла интерес для понимания общей обстановки. В целом ряде случаев социал-демократических депутатов из Советов изгоняли под самыми разнообразными предложениями. Так в ноябре 1919 г. в Ташкенте социал-демократы были исключены из Совета потому, что „венгерские социал-демократы предали революцию”. В январе 1920 г. социал-демократы были исключены из Совета в Гомеле, так как они „стоят за свободу хлебной торговли”. В апреле 1920 г. меньшевиков исключили из Совета в Ростове-на-Дону под тем предлогом, что социал-демократия стоит за всеобщее избирательное право и народовластие. В мае социал-демократы были исключены из Совета в Николаеве за то, что они воздержались при голосовании избрать Ленина почетным председателем Совета и т. д.

В ряде других городов социал-демократических депутатов арестовывали и ставили против них процессы. Такие процессы в 1920 г. были поставлены в Киеве, Туле, Самаре, Екатеринбурге, Симбирске и некоторых других городах. Социал-демократов обвиняли или как руководителей рабочих организаций в период белой власти (Киев, Екатеринбург), или за организацию стачек и других рабочих выступлений (Самара, Тула и др.).

Практика скоро показала, что такие процессы не давали желательных с точки зрения властей результатов. Скорее наблюдать можно было обратное. В Киеве, например, процесс против меньшевиков, поставленный большевиками с особой рекламой (обвинитель был выписан из ЦК большевистской партии, им был Вардин-Мгеладзе, позднее оппозиционер, расстрелянный в 1936 г.), превратился в грандиозную рабочую манифестацию сочувствия подсудимым, так что пришлось рассмотрение дела скомкать и быстро закончить. Попытка органов большевистской диктатуры бороться против меньшевиков, которые встали на почву советской конституции, методами, легализованными этой конституцией, явно не давала результатов. Положение рабочих и трудящихся вообще было настолько тяжелым и так быстро ухудшалось, что

оппозиционная агитация, как осторожно она ни велась бы, находила неизменно благодатную почву. Настроения масс очень часто перехлестывали через головы агитаторов-меньшевиков. Лозунги, ими выдвинутые, как в области политической („соблюдение советской конституции” и „свободные Советы”), так и в области экономической (особенно требование свободы торговли на городских рынках продуктами питания), становились все более и более общими лозунгами самых широких слоев рабочего класса. С этой точки зрения массовое стачечное движение, охватившее страну в начале 1921 г., несомненно в известной мере было подготовлено социал-демократической агитацией, хотя, задачи вызвать такое движение социал-демократы нигде перед собой сознательно не ставили и организационного участия в вызове этого движения не принимали. Режим диктатуры был построен на столь непрочном фундаменте и опирался на поддержку столь тонкого слоя населения, что власть не могла без опасности для своего существования допустить хотя бы минимальную свободу агитации. Власть должна была уничтожить легальное существование оппозиции.

В действительности, уже в конце лета 1920 г. власть снова вступает на путь массовых арестов. На этот раз они начались на юге. В середине августа в Харькове собралась областная конференция социал-демократических организаций на Украине, все делегаты которой должны были по окончании ее поехать в Москву на общероссийскую конференцию, назначенную на 20 августа. 19 августа эта конференция в полном составе была арестована, а на следующий день начались аресты в Москве, что показывало, что операция ЧК носила общероссийский характер. Аресты ставили своей задачей не допустить устройство общепартийной конференции: членов ЦК и деятелей московской организации специально аресту не подвергали, но устраивали засаду в помещении ЦК и задерживали всех, кто в этом помещении показывался — в первую очередь приезжих из провинции. Конференция, к которой социал-демократическая партия с таким напряжением готовилась, была сорвана. Аресты в Москве больших последствий не имели: арестованных освободили через месяц-два. Что же касается до участников Украинской областной

конференции, то все они по постановлению ЧК были высланы из пределов советской России в Грузию, которая тогда была еще независимой демократической республикой.

По времени этот разгром совпал с другим событием из внутренней жизни партии, имевшим большое влияние на ее дальнейшую судьбу, а именно с отъездом за границу Мартова и Абрамовича.

После того, как апрельское совещание указало ЦК на необходимость принять меры организации постоянного представительства партии за границей, ЦК подал официальное заявление в СНК с просьбой о выдаче Мартову и Абрамовичу паспортов для поездки за границу, с целью, как было указано в заявлении, „организации заграничного представительства партии”. Большой надежды на успех этого ходатайства ЦК не питал и на заявление смотрел скорее как на документ, который придется использовать для агитации за границей. Соответственно этому и было отредактировано заявление, в заключительных строках которого ЦК выражал надежду, что „советская власть считает себя достаточно прочной, чтобы не бояться нашего «тлетворного» влияния на наших западно-европейских единомышленников”. Копии этого заявления были тотчас же посланы в Третий Интернационал и находившимся тогда в Москве членам немецкой и французской социалистической делегаций; равным образом была она переслана и Аксельроду за границу.

Вопреки всем ожиданиям разрешение было дано и притом относительно скоро. Уже в начале августа Мартов получил нужные бумаги, Абрамовичу их выдали несколько позднее. Поездку свою Мартов задержал для того, чтобы иметь возможность принять участие в конференции. После того, как окончательно выяснилось, что конференция состояться не может, Мартов выехал за границу, а 24 сентября он прибыл в Ревель. Вскоре к нему присоединился Абрамович, а затем, в начале 1921 г., и Д. Далин. В этом составе и с помощью находившихся за границей единомышленников им оказалось возможным не только организовать представительство партии в Интернационале, но и поставить издание партийного органа — газеты „Социалистический вестник” (первый номер которого вышел 1 февраля 1921 г. в Берлине). По

времени выход этого журнала совпал с началом стачечного движения, вынудившего советское правительство перейти к новой экономической политике, с одной стороны, и окончательной ликвидацией легальных социал-демократических организаций, с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все цитаты из резолюций этого совещания здесь и ниже даются по официальному их изданию в № 8 „Партийных известий“ от 10 июня 1918 г.

2. Отвечая на обвинения большевиков, что меньшевики стремятся вернуть страну назад к капитализму, один из тогдашних лидеров правого крыла меньшевиков летом 1918 г. свою статью озаглавил: „Вперед к капитализму“, доказывая, что нормальные капиталистические отношения явились бы шагом вперед по сравнению с большевистской практикой, и с точки зрения общего хозяйственного развития страны, и под углом защиты интересов рабочего класса специально. Эта аргументация в то время была широко распространена в правых кругах партии. Руководители ЦК ею не пользовались и во внутрипартийной дискуссии ее оспаривали, но исключительно с точки зрения целесообразности. По существу все элементы ее воспринимались и ими.

3. Статья Б. Горева, напечатанная в № 8 „Партийных известий“ в качестве официального комментария к решениям майского партийного совещания.

4. См. письмо, адресованные на имя А. Н. Штейна, тогдашнего доверенного человека „независимых“ (группа Каутского-Гильфердинга-Гаазе) по русским делам. Это письмо было написано по-русски. Штейн почти целиком перевел его на немецкий язык и разослал его в порядке внутренней информации руководителям „независимых“. Именно в таком виде это письмо дошло до нас – оригинал утерян. Приведенная цитата является обратным переводом с немецкого.

5. Письмо Мартова к А. Н. Штейну от 25 октября 1918 г. Точных официальных данных по этому вопросу не имеется, но те частичные данные, которые опубликованы в официальных изданиях, вполне подтверждают эту оценку. Так, по подсчету Сабсовича (№ 11 „Профессионального движения“ за 1918 г.) количество занятых в производстве работников иглы, составляло в январе 1918 г. 9 тысяч человек, а к октябрю упало до 3 тысяч.

6. Это письмо в печати появилось только в небольших выдержках (см. „Утро Москвы“ от 21 октября 1918 г.). Мы его цитируем по подлиннику, хранящемуся в нашем архиве.

7. Точного текста этой резолюции в нашем распоряжении не имеется. Она говорила „о коренном изменении советской власти“, содержала

ряд конкретных требований, но совершенно не упоминала об Учредительном собрании.

8. „Утро Москвы” от 21 октября 1918 г. Газета эта, выходявшая по понедельникам, издавалась союзом рабочих печатного дела. Фактически ее руководителем был М. С. Каммермахер, меньшевик. Будучи единственной некоммунистической газетой, терпимой в это время большевиками, газета должна была быть очень осторожной, но по существу она была газетой меньшевистской. Закрыта она была в начале 1919 г.

9. Полного текста этого воззвания в нашем распоряжении не имеется; цит. по „Известиям ЦИК” от 26 ноября 1918 г., где приведены большие выдержки из него.

10. См. „Письмо из Москвы” Мартова: „Новый курс в советской России”, в № 1-2 харьковского еженедельного научного марксистского журнала „Мысль”, январь 1919 г. (вышло 14 номеров под редакцией В. Базарова-Руднева, М. Кричевского и С. Давдариани-Сана.

11. 4 ноября 1918 года газета „Утро Москвы” (№ 21) опубликовала материал „Красный террор. Беседа с Петерсом”. Это было, кажется, единственное интервью, данное председателем ВЧК сотруднику независимой газеты:

„В беседе с нашим сотрудником председатель ВЧК Петерс высказывал следующие соображения по поводу прошлого и настоящего Чрезвычайной комиссии.

Со времени переезда Чрезвычайной комиссии в Москву нам пришлось, говорит председатель комиссии Петерс, провести огромную организационную работу, ибо вначале комиссия состояла всего из 4 человек. В этой области дело далеко еще не благополучно. Наша ошибка заключается в том, что мы не создали контрольного аппарата в самом начале и дали самостоятельно образоваться уездным чрезвычайкам. Теперь мы их лишили права расстрела и напрягаем все силы для организации благонадежного надзора за их деятельностью.

Главным принципом нашей работы является связь с массами. За настроениями их следит специальная организация разведчиков, но вместе с тем мы уже добились того, что в целом ряде случаев сами рабочие зорко следят за деятельностью буржуазии и доносят нам при малейшем подозрении. Таким образом, работа наших агентов сводится преимущественно к проверке сообщаемых добровольных сведений.

Начатая против Чрезвычайной комиссии кампания в печати и в некоторых правительственных учреждениях потерпела фиаско. Чрезвычайная комиссия не будет подчинена Петровскому и останется в ведении Совнаркома.

Что же касается расстрелов, то я должен сказать, — продолжал гражд[анин] Петерс, — что, вопреки распространенному мнению, я вовсе не так кровожаден, как думают. Напротив, если хотите знать, я первый поднял вопль против красного террора в том виде, как он проявлялся в Петербурге. К этому — я бы сказал — истерическому террору прикосновенны более всего

те мягкотелые революционеры, которые были выведены из равновесия и стали чересчур усердствовать.

До убийства Урицкого в Петрограде не было расстрелов, а после него слишком много и часто без разбора, тогда как Москва в ответ на покушение на Ленина ответила лишь расстрелом нескольких царских министров.

Вы спрашиваете об амнистии? Нет, амнистии не будет. Мы просто усиленно разгружаем тюрьмы от неопасного элемента. Этим ведает теперь специальная комиссия.

Что касается арестованных меньшевиков, то мы разделяем их на активных и пассивных. Последние будут освобождены, первым же не будет пощады.

Теперь наступает самый острый момент для революции. Интернациональная контрреволюция готовит грандиозный поход против большевизма. Этот поход может снова окрылить притихшую русскую буржуазию, но я заявляю, что всякая попытка русской буржуазии еще раз поднять голову встретит такой отпор и такую расправу, перед которыми побледнеет все, что понимается под красным террором."

12. Из резолюции Мартова „Международное положение и задачи русской революции" ("Партийное совещание РСДРП 27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г." Резолюции. „Издание Бюро центрального комитета РСДРП. Москва, 1919, сс. 10-11. Все дальнейшие цитаты резолюцией этого совещания сделаны по этой брошюре.) Подробные сообщения о ходе работ совещания даны также в №№ 8-11 „Газеты печатников" (выходила вместо „Утра Москвы" с 30 декабря 1918 г. до 6 января 1919 г.).

13. Из воззвания, выпущенного под заглавием „Товарищи". Издано оно было нелегально. Автором был Ю. О. Мартов. Цитирую по подлиннику.

14. Всегда вперед, № 14, 23 февраля 1919 г.

15. Цитаты взяты из цитированной уже выше прокламации ЦК от апреля 1919 г. Приблизительно в это же время Ю. М. Ларин обратился с письмом к Мартову, в котором от имени своего и ряда других большевиков (он называл имя Н. И. Бухарина) просил, не могут ли меньшевики сформулировать свою подробную программу экономических мероприятий. Это обращение Ларина дало лишний толчок к выработке платформы „Что делать?"

16. Отчеты об этой конференции печатались в феврале 1919 года были опубликованы в десяти выпусках одного бернского издания. Делегация меньшевиков на конференции состояла из П. Б. Аксельрода, Г. О. Бинштока и С. Щупака-Владимирова.

17. Вышло только десять номеров „Дела народа". На международной конференции в Берне партия эсеров была представлена В. В. Сухомлиным, Д. О. Гавронским и др. Политически она выступала солидарно с делегацией меньшевиков и целиком поддерживала предложение о посылке анкетной комиссии.

18. Для Ю. О. Мартова было сделано исключение: он не был заключен в тюрьму, а оставлен под домашним арестом. Общее количество арестованных по некоторым сведениям доходило до 3 тысяч человек.

19. Эта прокламация нам известна по перепечатке в „Известиях ЦИК” от 29 апреля 1919 г., где это воззвание, как видно из редакционной оговорки, напечатано с сокращениями, путем которых редакция „Известий” удалила все „набившие оскомину” критические „выходки” меньшевиков.

20. Цитата взята из циркулярного письма, которое было разослано ЦК по местным организациям относительно работ этого совещания (от 26 мая 1918 г.). Это письмо перепечатано в сборнике „Социал-демократия и революция”. Изд. Группы с.-д., Одесса, 1920, сс. 17-19. Совещание ввиду его неполноты, ограничилось обменом мнениями и не принимало никаких резолюций.

21. Б.И. Николаевский. — Прим. ред.-сост.

22. Известия ЦИК, 27 июня 1919 г.

23. Точного текста этой резолюции в нашем распоряжении не имеется. Цитируем изложение ее, данное Ю. О. Мартовым в его статье „Линия социал-демократии” в сборнике „Оборона революции и социал-демократия”. Изд. „Книга”, Москва, 1920, с. 7. Из этой же статьи взята и предыдущая цитата.

24. Цитируется по подлиннику.

25. Резолюция напечатана в сборнике „Оборона революции и социал-демократия”, сс. 12-13 и в „Известиях” от 4 октября 1919 г.

26. Речь Дана и декларация Мартова напечатаны в сборнике „Оборона революции и социал-демократия”, сс. 20-24.

27. Тезисы и другие решения этих партийных совещаний напечатаны в обоих цитированных уже сборниках — харьковском и одесском.

28. По существу это совещание было инициатором принятия этой резолюции: ЦК выработал ее, считаясь с выяснившимся на конференции настроением делегатов из провинции.

29. Правильнее было бы говорить о солидарности не Аксельрода с Каутским, а Каутского с Аксельродом, ибо несомненно, что в этом вопросе Аксельрод оказывал больше влияния на Каутского, чем наоборот.

30. Все цитированные резолюции об Интернационале собраны в харьковском сборнике, сс. 20-25.

31. Через несколько дней после этого партийного совещания заседала Двенадцатая конференция Бунда, большинство которой полностью солидаризировалось с коммунистами и приняло решение вступить в Третий Интернационал. Это большинство, конечно, порвало связи с меньшевиками, в организацию которых Бунд до того входил. Социал-демократическое меньшинство делегатов этой конференции покинуло ее, заявив о своем оформлении в качестве социал-демократического Бунда. Подробный отчет о всех событиях, с этой конференцией связанных, дан в брошюре „К расколу Бунда (материалы и документы)”. Изд. Центрального комитета Бунда (с.-д.), Витебск, 1920, с. 24.

32. Данные о социал-демократах в Советах нами взяты из неизданных документов того времени, главным образом, из докладов, составленных Центральным комитетом в 1920 г. для иностранных социалистических делегаций, приезжавших тогда в Москву для ознакомления с результатами „большевистского опыта”, а также из переписки членов ЦК с их товарищами за границей.

33. Летом 1920 г. в Москву приехал целый ряд иностранных делегаций – английская, итальянская, немецкая, французская и др. ЦК организовал ряд свиданий с ними и передал им обширные материалы о положении дел в России. Некоторые из этих материалов напечатаны в отчете английской рабочей делегации.

ЦК меньшевиков подробный отчет о своей деятельности по сношениям с иностранными делегациями дал в особом письме к партийным организациям. Это письмо было перепечатано за границей в газете „Воля России” (Прага) от 16 сентября 1920 г.

МЕНЬШЕВИЗМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПа

1. ОППОЗИЦИЯ ПРОТИВ НЭПа

Перелом, наступивший в жизни советской России после введения НЭПа весной 1921 г., был также переломным моментом в развитии РСДРП. Окончание гражданской войны, интервенции и войны с Польшей создало объективные условия для перехода революции в стадию строительства, прежде всего для восстановления вконец разрушенного хозяйства и для борьбы с голодом. Но это обстоятельство имело и политические последствия, лишив силы советское оправдание однопартийной диктатуры, террора и голода необходимостью борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. Уже в конце 1920 г. появились симптомы приближающегося взрыва, а в феврале 1921 г., за месяц до Кронштадтского восстания, „Социалистический вестник” в своем первом номере писал, что „советская Россия переживает эпоху кризиса”, к которому надо готовиться. Недовольство режимом охватило все слои населения и даже взорвало единство РКП. И правящая партия и оппозиция должны были перестроить свои ряды и свернуть на новую дорогу.

В начале 1921 г. петроградские рабочие, возобновив революционные традиции бывшей столицы, устраивали на улицах митинги, невиданные с 1918 г., а на фабриках и заводах происходили массовые забастовки. В Москве, Киеве, Туле и в других городах возникали рабочие волнения с требованием хлеба, свободной торговли, уничтожения на заводах

коммунистических ячеек, выполнявших полицейские функции, а иногда и свободы собраний и слова. Большевики относились к этому широкому движению настороженно: они поддерживали большинство его требований, но неорганизованный, стихийный характер этого движения вызывал у них опасение, что оно попадет в руки разбитых, но еще не уничтоженных сил контрреволюции — опасение, которое было одним из определяющих элементов меньшевистской политики в течение истекших трех лет. Поэтому в Петрограде, где большевики были уже сильно ослаблены арестами, но еще сохранили связь на заводах, они советовали рабочим не предъявлять слишком радикальных требований. По словам Ф. Дана, стоявшего тогда во главе Петроградского комитета партии, „в нашей организации было постановлено движения ни в коем случае не раздувать, рекомендовать рабочим удовлетвориться частичными уступками, но в то же время использовать события, чтоб разъяснить массам связь между их теперешними бедствиями и общей политикой большевизма, особенно подчеркивая необходимость отказа от огульной национализации, необходимость примирения с мелкособственническим крестьянством и [необходимость] ликвидации партийной диктатуры”.¹

В этом духе Петроградский комитет издал в тысяче экземпляров прокламацию „К голодающим и зябнущим петроградским рабочим”.

Вопрос об антисоветских движениях встал в более острой форме, когда вспыхнуло Кронштадтское восстание, которое, как известно, вынудило Ленина к отступлению в форме НЭПа. До тех пор РСДРП решительно отвергала вооруженные восстания против советской власти, и именно по этой линии в значительной степени шло отчуждение партии от эсеров и от ушедших или исключенных из партии „внепартийных меньшевиков”. Но в Кронштадтском восстании угрозы контрреволюцией не было: его вожди и кадры состояли из крестьян и рабочих, многие из них вышли из рядов коммунистов и многие из их лозунгов совпадали со старыми требованиями меньшевиков: против диктатуры РКП, за действительную власть трудящихся, за свободные выборы в Советы. В этом сходстве лозунгов неорганизованного движения с их собственными требованиями меньшевики видели

оправдание их ориентации на единый фронт и демократизацию режима не посредством „третьей революции”, а посредством мирного давления масс и безболезненного выпрямления искаженной коммунистами линии революции.

Кронштадтское восстание было вызвано, по мнению меньшевиков, законным возмущением трудящихся неспособностью правительства справиться с экономическими проблемами, ростом коррумпированной бюрократии, контрастом между ее привилегиями и нуждой масс, террором и безответственностью больших и малых диктаторов. В Кронштадте „выявилась политическая психология тех масс, без участия которых нельзя себе представить борьбу с большевизмом, идущую по линии интересов революции, а не обреченную стать невольным орудием контрреволюции”; поэтому единственный выход из катастрофического положения — „немедленный и бесповоротный разрыв с режимом террористической диктатуры”, отказ от утопической хозяйственной политики и образование правительства по соглашению между социалистическими партиями.² Это были требования, которые РСДРП выдвигала начиная с 1918 г. и к которым она пока еще ничего нового не прибавила.

В это время ЦК партии в Москве был парализован арестами. На воле оставались только А. Югов, И. Юдин, А. Трояновский и И. Рубин, и три „советника” ЦК — Б. Двинов, В. Громан и С. Кац. Вопрос о Кронштадте вызвал в ЦК большие разногласия и потребовал двух заседаний.³ В результате их ЦК вместе с Московским комитетом партии издал 7 марта воззвание, которое выражало скорее неодобрение восстанию и ограничивалось общими фразами о необходимости требовать „громко и не боясь преследований и арестов” демократизации режима и изменения его крестьянской и продовольственной политики. Заграничное представительство партии в лице Ю. Мартова и Р. Абрамовича признало это воззвание „весьма неудачным”. Только выдержки из этой бесцветной резолюции были напечатаны в „Социалистическом вестнике” (№ 5), но прокламация Петроградского комитета, изданная тоже 7 марта, была одобрена редакцией и напечатана целиком. Петроградская прокламация настаивала на немедленном прекращении военных действий против Кронштадта и заканчивалась требованием:

„Мы должны вмешаться и положить конец кровопролитию.

Требуйте немедленной приостановки военных действий против матросов и рабочих Кронштадта.

Требуйте от власти немедленного вступления с ними в переговоры при участии делегатов от фабрик и заводов.

Немедленно выбирайте делегатов для участия в этих переговорах. Остановите убийство!”

Меньшевики с самого начала отдавали себе отчет в том, что Кронштадтское восстание представляет собою переломный момент в истории советской России и рассчитывали на его положительное влияние на дальнейший ход событий.

Экономические реформы, на которых они настаивали, были основаны на их убеждении, что в отсталой России с ее разрушенной промышленностью государство не может справиться с громадной задачей управления хозяйством. По этому поводу разногласий среди меньшевиков не было. Исходили ли они из того, что русская революция имеет чисто буржуазный характер, как думали правые, или из того, что Россия при содействии западных стран постепенно вступает в эру социализма, как думали левые — в обоих случаях национализация всей промышленности, транспорта и банковской системы представлялась им вредной утопией. Поэтому большинство партии считало, что государство, сохранив в своих руках наиболее концентрированные отрасли крупной промышленности, как элемент будущей коллективизации, должно передать остальные отрасли частному капиталу, хотя и не обязательно прежним владельцам; а ввиду слабости русской буржуазии необходимо привлечь иностранный капитал, особенно в форме иностранных концессий и займов. „Я защищаю концессии от нападков левых большевиков, — писал Мартов С. Щупаку в письме от 7 января 1921 г., — и считаю демагогией, когда эсеры и кадеты пишут, что концессии — распродажа России. Ведь если мы или эсеры будем у власти, мы пойдем на уступки капитализму, особенно иностранному.” По этим же причинам РСДРП возражала против декретированного советским правительством аннулирования иностранных займов, считая, что это вопрос не права, а политической целесообразности, и правильно предвидя, что

эта мера на долгие годы затруднит экономические отношения между Россией и Западом.

Вместе с тем РСДРП предупреждала против закабаления России иностранному капиталу. Постановление, принятое ЦК РСДРП в январе 1921 г., указывало, что концессии должны дать иностранному капиталу необходимое обеспечение, но не повод для вмешательства в политические и экономические дела России; для достижения этой двуединой задачи необходимо установление правового государства и строя, основанного на самоуправлении населения. В конце года эта мысль была сформулирована еще более отчетливо в требовании, чтоб был создан строй „дающий возможность различным слоям дифференцирующего (при НЭПе — С.В.) нового общества защищать свои особые интересы открыто и во всей полноте”⁴. В этом пункте уже сказывался отход от идей, господствовавших в РСДРП в предыдущий период: тогда подчеркивалось право революционной власти, строящей социализм, ограничивать политическую свободу непролетарских групп, а теперь — право этих групп сохранить свою свободу.

В предоставлении гражданской свободы буржуазии, которая, по их мнению, должна была вырасти при НЭПе вследствие денационализации значительной части промышленности, меньшевики не видели противоречия с тем принципом „власти трудящихся”, который они в то время отстаивали. Вначале НЭПа они переоценивали возможность развития капитализма при советской власти и политическое влияние, которое буржуазия должна была приобрести вследствие ее важной экономической роли. Они считали такое развитие необходимым для хозяйственного восстановления страны и хотели создать условия, обеспечивающие успех этого развития при сохранении власти в руках трудящихся. Мартов полагал, что демократическая власть трудящихся „должна предоставить имущим классам достаточный простор для мирной борьбы за влияние на ход дел в государстве и за влияние на народные массы”⁵, и теперь признавал такое развитие демократии, неограниченной социалистическими партиями, необходимым.

С другой стороны, меньшевизм проявлял в это время больше интереса к крестьянству, чем когда-либо, хотя связи с крестьянами у него почти не было. Этот интерес был вызван

не только тем, что крестьяне составляли большинство населения и только они одни могли дать выход из продовольственного тупика, но и тем, что они должны были быть партнерами рабочего класса для создания действительной „власти трудящихся”.

В передовой статье о „соглашении с крестьянством” „Социалистический вестник” (1921, № 6) писал:

„Соглашение с крестьянством только тогда и будет реализовано и даст результат примирения деревни с революцией и ее экономического возрождения, когда оно, по существу своему, будет соглашением о прекращении так называемой диктатуры пролетариата, то есть диктатуры комиссаров над почти бесправным пролетариатом и совершенно бесправным крестьянством и об ее замене *разделом власти* между пролетариатом и крестьянством.”

При переходе к НЭПу меньшевики считали создание этих предпосылок для соглашения между обоими классами одной из самых главных и срочных задач. Разделяя мысль об этом соглашении с коммунистами, они понимали ее в более реалистическом и, с точки зрения марксизма, в более последовательном смысле, чем Ленин. Они не принимали ленинского деления крестьян на бедняков, середняков и кулаков как основы крестьянской политики и исходили из того, что классовым интересам крестьянства, как мелкой буржуазии, соответствует не социализм, а индивидуальное хозяйство, построенное на рыночных отношениях. Тем не менее они считали соглашение между „мелкобуржуазным” крестьянством и „социалистическим” пролетариатом, по крайней мере на данной стадии революции, необходимым и возможным, полагая, что крестьянство, получив землю, было глубоко заинтересовано в сохранении и развитии „революционных достижений” и было готово принять руководство более развитого и организованного пролетариата. При этом меньшевики, в отличие от Ленина, говорили именно о „руководстве”, а не о „гегемонии” рабочих в этом союзе. Между тем советская политика по отношению к крестьянам создаст среди них антагонизм к революции: теперь „крестьянство автоматически выделяет из себя” эсеров. Это не только 'химический закон', но и очень благоприятное обстоятельство для российского пролетариата”, но может наступить

момент, когда оно, как в некоторых других странах, начнет выделять из себя консерваторов.⁶ Поэтому меньшевики требовали не только отмены продрозверстки и заградительных отрядов, но и права свободной торговли продуктами сельского хозяйства и политической свободы для крестьян, обеспечивающей им возможность защищать свои интересы.

Экономические реформы, которых РСДРП требовала со времени военного коммунизма, были сформулированы в последний раз перед НЭПом на Восьмом Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. и были отвергнуты Лениным. После Кронштадтского восстания он согласился на большинство этих реформ, которые вошли в официальную систему новой экономической политики. Но в той реальной форме, которую принял НЭП, он был мало похож на то, что предлагала РСДРП. Отступление от военного коммунизма было вынужденным и неискренним, местные власти нередко саботировали его, оно развивалось медленно, а Ленин, уступая брожению в рядах своей партии, объявлял то о приближении конца НЭПа, то о том, что он введен „всерьез и надолго”. В дальнейшем опыт НЭПа убедил меньшевиков в том, что он представлял собою значительное улучшение по сравнению с военным коммунизмом, но половинчатое, трусливое и недостаточное, а не радикальный отказ от утопий и государственной опеки. Все это вызвало острую оппозицию со стороны меньшевиков.

Но их главная оппозиция НЭПу шла по политической линии. Экономические реформы, в их представлении, должны были быть построены на основе реформ политических, прежде всего отмены однопартийной диктатуры и террора; в этом случае новая политика должна была быть „базой”, а новая система хозяйства — „надстройкой”. При отсутствии серьезных политических реформ Новая экономическая политика теряла для них свою ценность. Уже в самом начале НЭПа, в письме С. Щупаку от 30 марта 1921 г., Мартов высказывает мнение, что „Ленин ведет, конечно, чисто зубатовскую политику: экономические уступки при сохранении политической диктатуры”, а „Социалистический вестник” (№ 18) писал, что „Новая экономическая политика безжизненна при старой политической системе”.

Политическое бесправие населения и террор власти были, по мнению меньшевиков, особенно нетерпимы в период, когда рост буржуазии сопровождался отсутствием свободы слова и организаций для рабочих. Они при этом имели в виду рост промышленной буржуазии, который они считали необходимым, но не той буржуазии спекулянтов и мешочников, которая расцвела при НЭПе. В этих элементах РСДРП видела потенциальный оплот русского „бонапартизма” и „термидора” — термины, которые широко вошли в меньшевистский обиход вследствие того, что обе революции, французская и русская, считались буржуазными и поэтому сходными, несмотря на отделявшие их почти полтора века и на совершенно другие условия их возникновения и развития. Под „бонапартизмом” меньшевики понимали режим, который может возникнуть из обломков советской военной и гражданской бюрократии, если они получают возможность захватить власть и использовать бесправие граждан для своего возвышения как надклассового режима.

Ожидая усиления буржуазии при НЭПе, меньшевики придавали большое значение восстановлению независимого профессионального движения. Они считали, что признанный и коммунистами кризис профессиональных союзов „является неизбежным результатом политики партийной диктатуры, исключения всех партий, кроме коммунистической, из руководящих органов движения, политики принудительного членства, обременения чуждыми заданиями, разгрома союзов и террористической системы управления хозяйством”.

Вместе с тем РСДРП отвергала методы лечения кризиса профессиональных союзов, которые предлагали различные группы, возникшие в РКП во время „профсоюзной дискуссии” в 1921 г. В письме ЦК РСДРП за № 16 всем партийным организациям указывалось, что РСДРП отвергает планы Троцкого о милитаризации труда, считая, что „коммунистическая бюрократия, возглавляемая Троцким, ищет спасения в фактическом упразднении профессиональных союзов. Она радикально отрицает защиту интересов рабочих масс в качестве одной из современных функций союзов”. Немногим лучше и более умеренная группа Ленина-Томского, готовая на чисто словесные уступки, но представляющая собой тече-

ние „половинчатое, нерешительное, наиболее консервативное и совершенно бесплодное”, притом более других ответственное за развал профсоюзов. Поэтому „беспощадная критика этой трусливой и компромиссной позиции является задачей всех наших партийных организаций”. Наконец, большевистская фракция „рабочей оппозиции” колеблется между требованием равноправия для всех рабочих и равноправия для одних лишь коммунистов и в области экономической более утопична, чем кто-либо. Ввиду всего этого РСДРП должна оставаться на своих старых позициях по вопросу о независимости профсоюзов и решительно выступать „против того, чтоб в происходящей ныне борьбе примкнуть и безоговорочно поддерживать какую-либо из коммунистических фракций”.

Отношение РСДРП к НЭПу было сформулировано в тезисах ЦК о политическом положении и об экономической политике, принятых в августе 1921 г.⁷ Хозяйственная катастрофа в советской России, согласно тезисам, явилась результатом не только войны и блокады, но и политики правящей партии. „Политическое банкротство большевизма в настоящий момент особенно ярко выражается в том, что, признав необходимость крутого поворота экономической политики в направлении, считающимся с хозяйственной отсталостью страны, коммунистическая партия... оказалась неспособной удовлетворить насущные социальные требования народных масс.”

Кроме того, сохранение существующего режима препятствует притоку в промышленность русского и иностранного капитала и, вследствие коррупции советской бюрократии, создает в некоторых кругах русской буржуазии новые устремления:

„В лице наиболее дальновидных кругов (группа Милюкова) она (буржуазия — С.В.) ищет союза с изменившимися делу социализма народническими группами (Авксентьев и др.), чтобы при их участии теснее связаться с крестьянством. В этих целях ими выдвигается лозунг Учредительного собрания, который в настоящих условиях является прикрытием для буржуазной контрреволюции.”

В этих условиях РСДРП должна добиваться решительного политического положения посредством „а) демократи-

зации существующего строя путем замены режима партийной диктатуры и террора режимом трудовой демократии, основанном на прочности союза пролетариата и крестьянства и б) реорганизации власти на началах соглашения всех социалистических партий, отказывающихся от коалиции с буржуазией и готовых отстаивать завоевания революции”.

Эти тезисы были применением донэповских взглядов РСДРП к складывающимся новым условиям. В момент, когда тезисы были приняты Центральным комитетом, некоторые из этих взглядов уже подвергались критике не только со стороны правого крыла партии, но и среди руководящего партийного большинства.

2. ДИСКУССИЯ О ПАРТИЙНОЙ ПЛАТФОРМЕ

Пересмотр платформы

В это время платформа партии, изложенная в „апрельских тезисах” 1920 г., была еще формально в силе, но не прошло и года после ее принятия, как сознание, что она устарела и должна быть заменена новой, распространялось все шире. На пересмотре платформы настаивали местные организации, которые были особенно озабочены вопросом, следует ли продолжать политику легальности, оставаясь „реформистской” партией или пора изменить ее вследствие обескровливавших партию репрессий и „термидорианского” перерождения большевизма.

Мысль о переработке основного партийного документа была поддержана крайне левой группой, которая рассчитывала использовать новую платформу для борьбы с правыми, особенно ввиду того, что после окончания гражданской войны, как писал Мартов Аксельроду в письме от 30 января 1921 г., в партии „слева и справа центробежные силы опять усилились”. Левые хотели, чтоб в новой платформе были окончательно зафиксированы принципы „апрельских тезисов” и чтоб, таким образом, правые были поставлены перед выбором: подчиниться им или уйти из партии. Возникла

мысль просить Мартова вернуться в Россию, чтоб немедленно заняться выработкой платформы. Дан поддержал эту мысль и в этом духе написал Мартову. Но Мартов считал, что не следует закреплять партийные принципы в переходный момент, когда очертания даже близкого будущего еще неясны. Он старался оттянуть решение этого вопроса и выиграть время. Но внутри партии началась дискуссия по принципиальным вопросам, которая широко развернулась в 1922 и 1923 и закончилась принятием новой платформы в 1924 г. Получилось парадоксальное положение: чем больше деятельность партии в России сокращалась вследствие растущих полицейских преследований, чем сильнее обрушивались репрессии на головы еще уцелевших на воле партийных деятелей, тем интенсивнее работала партийная мысль над большими политическими и тактическими проблемами.

Стержнем дискуссии, естественно, было отношение к советской власти и к перспективам ее развития. РСДРП была единодушна в признании того факта, что в коммунистической партии происходил процесс отрыва от рабочего класса и превращения в партию государственной бюрократии. Критическое отношение к РКП усилилось после неудачного наступления Красной армии на Варшаву в 1920 г. и после завоевания Грузии. После объявления похода на Варшаву, т. е. превращения войны с Польшей из оборонительной в наступательную, среди минских меньшевиков, мобилизованных партией в Красную армию, возникла мысль о партийной демобилизации; эта мысль была оставлена после поражения советских войск на польском фронте и вследствие наступления Врангеля.⁸ По этому поводу Дан сравнивал энтузиазм, проявленный Красной армией в гражданской войне против попыток реставрации, с ее нежеланием драться в наступательном походе: „Чем может быть более разительно подчеркнуто, что истинным победителем во всех гражданских войнах большевистского периода был русский мужик и только он?“

Конфликт с Польшей убедил Мартова в том, что война „питает не только большевистский террор и мировой ореол большевизма, но и самый большевизм как противоестественную систему хозяйства и столь же противоестественную систему азиатского управления“. Поэтому, писал Мартов

А. Штейну 26 июня 1920 г., „большевизм кровно заинтересован в том, чтоб война была перманентной, и бессознательно шарахается в сторону, когда перед ним встает возможность мира”.

Как ни сурова была эта критика „переродившегося” большевизма, ЦК не делал из нее вывода, к которому пришло правое крыло партии, о необходимости отказаться от надежд на демократизацию этой власти и от идеи соглашения с нею. Этим вопросам была посвящена полемика между Мартовым и Аксельродом, которая была напечатана в „Социалистическом вестнике” в начале 1921 г.

В своей личной переписке с Аксельродом Мартов явно стремился преуменьшить свои разногласия с ним. Мартов писал, что критика позиции партии, которую дал Аксельрод, сводилась к трем главным пунктам: оценке большевистской революции, отношению к восстанию против советской власти и к лозунгу борьбы с ней на почве советской конституции. По вопросу о восстании Мартов утверждал, что никаких разногласий у него с Аксельродом нет, так как для него тут тоже вопрос не принципа, а целесообразности. „Сентиментальное соображение, что вообще недопустимо восстание против правительства, которое состоит из социалистов или революционеров, нам, конечно, чуждо”, писал Мартов, хотя эту мысль разделяли многие члены партийного большинства. Но при этом он указывал, что за коммунистами идет „очень значительная часть” городского и сельского пролетариата и что всякое восстание несет в себе опасность контрреволюции. По пункту о Советах „разногласие не так велико”, так как и „для нас решающую роль играют соображения тактические”, а отнюдь не признание Советов высшей формой демократии. Мартов усиленно подчеркивал, что лозунг Учредительного собрания должен быть снят, по крайней мере на время, так как он безнадежно скомпрометирован в глазах масс по вине эсеров.

Главное разногласие Мартов видел в вопросе об оценке большевистской революции. Он считал эту революцию мелкобуржуазной и запоздалой, типа революций восемнадцатого, а не девятнадцатого века, но признавал ее исторически прогрессивной, так как она, радикально разбив старый строй, расчистила путь для дальнейшего развития. Но она делала

это недопустимыми методами. Поэтому Мартов (в письме П. Б. Аксельроду от 5 апреля 1921 г.) отвергал упрек Аксельрода в противоречии между положительной оценкой Октября и оппозицией к тем, кто совершил ее.

В России тоже назревала потребность обсудить программные вопросы. Летом 1921 г. ЦК занимался этими вопросами и решил созвать всероссийское партийное совещание. В это время ЦК уже собирался конспиративно и в неполном составе, так как часть его все время находилась в тюрьме. Порядок для совещания был задуман широко: оно должно было обсудить тезисы ЦК о политическом и экономическом положении, доклады о деятельности ЦК и Заграничной делегации, о „Социалистическом вестнике” и об организационном вопросе. Совещание открылось в Москве 25 августа и, заседая нелегально, могло работать только два дня и в очень узком составе: кроме представителей ЦК присутствовали по два делегата от Москвы, Киева и Харькова и по одному от Петрограда, Минска и Херсона, а также делегат от Дальне-Восточной республики, где меньшевики еще участвовали в правительственной коалиции с коммунистами.

Совещание постановило, что партия должна продолжать бороться за легальность и что члены ее даже на допросах в ЧК не должны скрывать своей партийной принадлежности. Но, ввиду полицейских преследований, аппарат партии, в том числе Бюро ЦК, должен быть законспирирован, а в местных организациях должна быть произведена перерегистрация членов. Совещание одобрило деятельность ЦК и Заграничной делегации и приветствовало „Социалистический вестник”.

Широкие прения развернулись на совещании при обсуждении политических тезисов, предложенных ЦК. При этом, как ЦК сообщал Заграничной делегации, среди делегатов совещания „обнаружился уклон вправо” по сравнению с ЦК, а в самом ЦК компромиссные резолюции совещания вызвали разногласия. Левые, во главе с Бэрром, требовали сохранения линии на образование власти по соглашению между социалистическими партиями, следовательно и с коммунистами, а правые отвергали всякую коалицию с коммунистами. Этот спор, не утихавший среди меньшевиков со времени Викжеля, принял теперь более конкретный характер: левые считали, что надо реформировать советскую власть, чтоб установить

демократический строй, а правые настаивали на том, что нельзя демократизировать режим, не устранив антидемократическую власть, и что только после ее устранения можно будет заниматься вопросом об организации новой власти. Совещание, при участии членов ЦК, приняло компромиссную резолюцию, которая обходила вопрос о „переходном периоде” к социализму и, вместо соглашения между партиями, говорила о никем не оспариваемом соглашении между классами — пролетариатом и крестьянством. Совещание также обошло молчанием вопрос об Учредительном собрании, о котором мнения разделились.

Дан считал, что усиление буржуазных элементов при НЭПе вызывает необходимость укрепить силы пролетариата и установить „свободу для трудящихся, а не вообще” и что только после этого можно будет расширить сферу демократии. Он настаивал на немедленном установлении общесоциалистической власти и отвергал формулу соглашения между классами, а не партиями, как недостаточную и неопределенную. Самый вопрос о том, что должно произойти раньше — смена власти или демократизация — он отвергал, считая, что оба процесса должны происходить одновременно и параллельно. Ввиду невозможности в данных условиях воздействовать на рабочие массы, Дан предлагал ограничиться пока организацией верхушки рабочих. Наконец, Дан утверждал, что при НЭПе опасность контрреволюции стала очень серьезной и очень решительно высказался против лозунга Учредительного собрания.

Из членов ЦК на воле только Бэр согласился с взглядами Дана, а большинство, стремясь найти компромисс, приняло второстепенные поправки, например, об опасности контрреволюции и стихийных движений. Эти поправки не удовлетворили Дана, но резолюция была принята ЦК и опубликована в „Социалистическом вестнике” (№ 21).

Получив эту резолюцию, Мартов сообщил ЦК, что он и Абрамович с нею полностью согласны. Обнаружившиеся, таким образом, разногласия между Мартовым и Даном касались основных вопросов платформы: демократии, власти трудящихся, общесоциалистической власти и характера партии как массовой организации. Эти разногласия продолжались и отразились на работе над новой партийной платформой.

Эти новые разногласия в руководящих кругах РСДРП были проявлением идеологического сдвига, который в это время происходил в партии. Процесс полевения, который начался в 1918 г., сменился движением в противоположную сторону. Неспособность советской власти справиться с хозяйственным и продовольственным кризисом, усиление, а не смягчение террора против РСДРП, низведение Советов на роль безгласных и фиктивных органов, откровенное стремление удушить партию меньшевиков — все это содействовало тому, что ров между РСДРП и РКП становился все глубже и потребность в новой партийной платформе ощущалась все сильнее. Это не значит, что центристское большинство перешло на позиции правых — до этого было далеко. Разногласия центра с правыми продолжались и нередко принимали острые формы. Отход от „апрельских тезисов” происходил постепенно, с отклонениями, и затянулся на ряд лет. Кроме того, взяв более радикальную линию по отношению к советской власти, партийное большинство, в отличие от правого течения, считало, что его „либеральная” линия в предыдущий период и в других условиях была правильна.

Работа по пересмотру платформы происходила, главным образом, в центристском большинстве партии: правые видели в социальном и политическом развитии периода НЭПа только подтверждение правильности их старых взглядов, а крайние левые не находили в этом развитии достаточного основания для серьезной реориентации. Тенденция вправо была видна у Мартова уже в его упомянутой выше полемике с Аксельродом и продолжалась в дальнейшем ходе развития дискуссии. Эта тенденция получила выражение и в выступлениях некоторых других руководящих деятелей центра. В мае 1921 г. Д. Далин поместил в „Социалистическом вестнике” (№ 8) статью „Прочь иллюзии”, в которой он доказывал, что пора отказаться от мысли, что наступила эпоха социальной революции и от выводов, которые из этой мысли были сделаны как меньшевиками, так и некоторыми западными социалистами. В послевоенные годы капитализм, по мнению Далина, показал свою способность восстановить разрушенное хозяйство, а временные трудности были капита-

листическими кризисами, но не кризисом капитализма. Между тем рабочее движение ослаблено апатией и расколом, вызванными в значительной степени коммунизмом. В России мысль о немедленной социальной революции сыграла „в своем роде положительную роль”, так как она вдохновила Красную армию на победы в гражданской войне. „В России это была великая иллюзия... но в Западной Европе эта иллюзия ничего кроме вреда принести не может”. Вывод из всего этого: надо думать теперь не о „переходном периоде к социализму”, а об „укреплении демократии и наряду с критикой капитализма, отстаивать всеми силами демократический строй от монархической реставрации и вместе с тем бороться за возможно полное осуществление демократизма”.

Статья Далина, направленная против одного из устоев меньшевистской идеологии, вызвала оживленные споры в партии, и Мартов счел нужным ответить на нее в „Социалистическом вестнике” (№ 16). Он доказывал, что капитализм может продолжать функционировать, но не может преодолеть послевоенные трудности, а, главное, уже не способен создавать социальную устойчивость, которой мешает обнищание пролетариата и разложение средних классов. Значит, создается революционная ситуация и наступает эра социальной революции. Что касается апатии пролетариата, то ее не следует преувеличивать, так как такие явления не раз возникали накануне революции. В вопросе о „переходном периоде” Мартов, таким образом, держался своих прежних взглядов, но другой важный вопрос, затронутый Далиным, вопрос о демократии, он теперь толковал шире, чем раньше, требуя свободы политической деятельности не только для „трудящихся”, т. е. рабочих, крестьян и социалистических партий, но и для здоровых элементов крестьянства и буржуазии. Со второй половины 1922 г. дискуссия стала интенсивнее. После Далина другой видный член партийного большинства, Ф. Череванин, тоже считал необходимым пересмотреть платформу, в особенности ориентацию на правительственную коалицию с коммунистами. В письмах из тюрьмы Заграничной Делегации в августе и октябре-ноябре 1922 года он писал об идее коалиции:

„Мне кажется, наступил момент, когда этот пункт надо беспощадно вытравить из нашей платформы, как совершенно

не отвечающий современному положению. Сейчас он ставит нас прямо в смешное, жалкое и унижительное положение. Кто кому предлагает единый фронт? Партия уничтоженная, раздавленная, отрезанная путем механических средств от рабочего класса, не имеющая сейчас возможности говорить от лица его или его значительной части, предлагает этот единый фронт партии, господствующей над страной, повелевающей ею, пусть путем насилия, а не по ее добровольному выбору. Все равно, история никогда еще не видела такого странного зрелища... Итак, долой единый фронт с большевиками, как беспочвенная и внутривопорочивая формула (социалистический фронт с несоциалистами) ”

Однако, Череванин отвергал восстание как метод свержения советской власти и возлагал „все надежды на эволюцию, а не на насильственное свержение”, которое, вероятно, закончилось бы торжеством контрреволюции. По этим же соображениям он считал необходимым сохранить партию на легальном положении.

В октябре того же 1922 г. в Москве состоялось совещание местных партийных организаций. Разгром многих организаций не дал им возможности прислать своих представителей. Совещание происходило в условиях крайней конспирации: с большим трудом было найдено помещение для заседаний и ночевки для делегатов. Соблюдать конспирацию было особенно трудно вследствие того, что привыкшая к легальности меньшевистская среда в Москве туго поддавалась навыкам подпольной работы. Облавы и аресты грозили ежеминутно, и при открытии заседания нельзя было знать, будет ли оно доведено до конца. Редакция „Социалистического вестника” писала об этом совещании:

„Надо иметь огромный запас энтузиазма, героической решимости и силы духа, чтобы после пяти лет революции, посреди оргий террора и НЭПа, создавших столько ренегатов, столько малодушных, столько развращенных и душевно выпотрошенных, не складывать оружия”.

По этой причине в „Социалистическом вестнике” (1922 г., № 21 /43/) были опубликованы только тезисы и резолюция совещания и присланный из Москвы краткий обзор, в котором не были указаны ни дата, ни место заседаний, ни организации, принимавшие в них участие.

На совещании присутствовали немногие делегаты: от Петрограда — один социал-демократ, от Харькова — один социал-демократ и один бундовец, от Екатеринослава и Одессы по одному социал-демократу, от Москвы — два социал-демократа и один бундовец, от Гомеля — один бундовец, Дальне-Восточной республики — один социал-демократ и от Бюро ЦК 3 представителя (Кучин, Рубин и Драбкин, избранные по жребию); остальные члены Бюро в совещании не участвовали, чтобы остаться на воле в случае провала. „Принимая во внимание намечающиеся новые настроения сближения в партийной среде и необходимость концентрации социал-демократии”, Бюро ЦК пригласило на совещание с совещательным голосом представителя правого течения в Москве, который не мог явиться по случайным причинам.

Несмотря на все эти трудности, совещание было тщательно подготовлено. Агент Бюро ЦК (И. Рошковский) объехал ряд местных организаций для укрепления связи с ними и для информации, а Бюро ЦК приготовило тезисы по подлежавшим обсуждению вопросам. При выработке тезисов о внутренней политике в Бюро было единогласие, но по вопросу об Интернационале В. Драбкин выступил против Венского Объединения. Совещание поддержало его точку зрения, поэтому оно не приняло резолюции об Интернационале и только глухо упомянуло в общей резолюции о необходимости связи между русским и международным рабочим движением.

Тезисы о политическом положении, принятые совещанием, исходили из того, что в РКП складывается „антипролетарская психология и бонапартистское антидемократическое мировоззрение” и что она „все более превращается в противоречивый конгломерат различных социальных сил”. Поэтому коалиция с РКП несвоевременна:

„Демократическое 'содержание' политической жизни страны, возвращение народным массам, в том числе пролетариату, гражданских и политических прав и свободы самостоятельности является кардинальным требованием момента, отодвигающим вопрос о форме и составе власти в дальнейшую перспективу.”

Лозунг политической свободы „ныне выдвигается в качестве центрального требования и становится объективно

пролетарским лозунгом”, но достигнуть свободы можно только планомерным давлением масс, а не стихийными восстаниями.

В письмах Заграничной делегации не раз был отмечен дух бодрости, господствовавший и в полузадушенных местных организациях и на самом совещании. Так, Г. Кучин, несколько склонный к оптимистическим преувеличениям, но хорошо осведомленный о жизни партии, писал:

„Товарищи, бывшие на предыдущих совещаниях, говорили, что раньше никогда так не чувствовался свежий дух потребности движения и живого действия партии, как на этом совещании. *Все принесли с собой чувство перелома и предчувствие партийных перспектив.* Прения по политическому докладу ([который] читал я) были очень содержательны. Тезисы были приняты единогласно. Всех объединяло сознание невозможности выставлять по-прежнему вперед лозунг социалистической коалиции. Всех (в том числе и всех членов Бюро ЦК...) объединяло убеждение в необходимости сосредоточить акцию партии на существенных политических отношениях в стране, как вопрос о демократическом режиме и политической свободе. В этом отношении на совещании ясно сказалась эволюция партийного сознания, передвижка позиции, которая у вас получила выражение в статье Ю. О. [Мартова].”

Эта „эволюция партийного сознания” шла в направлении отказа от некоторых иллюзий прошлого и усиления демократических тенденций и при этом следовала за Мартовым, но шла дальше него. В прениях выяснилось, как и на прошлом совещании, что делегаты с мест были правее ЦК. Кучин писал:

„Групповых, фракционных выступлений не было, и прежние позиции смешались. Некоторые бывшие защитники официальной позиции выявили такую импульсивность в эволюции, что по ряду вопросов, в частности, я должен был защищать наши тезисы, так сказать, «слева».”

Для Кучина это было обычное положение: не входя в правую группу, он примыкал к ней, но по отдельным вопросам был близок к центру. Отмеченные им „передвижка позиций и сближение тенденций” на совещании привели к единодушному решению организационных вопросов. Был

избран новый состав Бюро ЦК, в которое вошли Г. Кучин, И. Рубин, В. Драбкин, представитель Бунда Зарахович и одно место было оставлено для представителя правого течения. Введение этого представителя мотивировалось „необходимостью концентрации с[оциал]-д[емократических] партийных сил, усиления персональной авторитетности Бюро ЦК и расширения его базы”. Это решение привело к длительному спору между Бюро ЦК и Заграничной делегацией.

Совещание стремилось создать условия для оживления деятельности партии, постепенно переходившей на нелегальное положение. Поэтому серьезную оппозицию встретили и начавшаяся эмиграция членов партии за границу и появившаяся в некоторых организациях тенденция сильно сузить, вследствие полицейских репрессий, деятельность партии с тем, чтоб физически сохранить ее личный состав в ожидании лучших времен. Об эмиграции членов партии совещание постановило:

„Высказываясь за необходимость сосредоточения всех сил на политической работе в России, [совещание] предлагает органам партии пресекать все попытки эмиграции отдельных членов партии, допуская ее лишь в исключительных случаях с ведома Бюро ЦК. Совещание высказывается против перенесения руководящего центра за границу”.

Популярность, которою пользовался в партии „Социалистический вестник”, привела к решению превратить его из органа Заграничной делегации в „центральный орган РСДРП”, каким он и стал в октябре 1922 года, начиная с № 20 (42).

Созыв совещания, его дискуссии и резолюции стимулировали внутрипартийную дискуссию. За границей она происходила на страницах „Социалистического вестника”. В большой программной статье (№ 9 /41/) Мартов доказывал, что прежняя политика партии была правильной, но что объективные условия изменились и „пересмотр партийной позиции 1918-20 гг. уже давно поэтому всеми нами ощущается как насущная потребность”. В области экономической выяснилось, что восстановление хозяйства России „будет совершаться преимущественно на капиталистических началах и что при данных исторических условиях это — наиболее рациональный путь”. Развитие теперь идет в сторону не

социализма, а государственного капитализма, поэтому „на ближайшее время только борьба за предпосылки социализации” и за свободу рабочих организаций должна быть задачей партии. В политической области РКП теряет свой революционный характер и ее связь с рабочим классом, еще сильная, слабеет. „Эта ситуация прежде всего чрезвычайно суживает рамки той арены, на которой мы должны выступать как партия, поддерживающая данную власть, вышедшую из революции. Возможны и сейчас случаи контрреволюционных выступлений, восстаний или нашествий, которые поставят перед нами эту старую задачу... Но такие случаи сейчас могут быть только исключением из общего правила. Поддержка советской власти против внутренней и внешней контрреволюции... перестает быть одной из главных линий нашей политики.”

Мартов осторожно шел в этом направлении и эта осторожность иногда порождала у него противоречия. Признав единый фронт с РКП „только исключением”, он, вместе с тем, повторял прежнюю мысль о том, что „мы и теперь не отвергаем общего соглашения всех социалистов, включая и коммунистов”, особенно еще сохранившейся группы „идейных” коммунистов, как гарантию против контрреволюционного эпилога большевизма. В итоге „основная политическая задача момента может быть сформулирована в нашей программе как борьба всеми средствами организованного массового движения за переход к нормальному режиму *демократической республики*” (курсив мой — С. В.) для предотвращения бонапартизма и как политическая форма, в которой осуществима действительная власть трудящихся.

От членов ЦК в России и из тюрем приходили сообщения о том, что эта статья произвела сильное впечатление как важный вклад в работу по переработке платформы.

Два другие члена редакции „Социалистического вестника” не шли так далеко, как Мартов. Признавая, что объективные условия изменились и что поэтому партийная платформа должна быть пересмотрена, они, в отличие от Мартова, серьезных изменений в ней не предлагали. Абрамович („Социалистический вестник”, № 22 /44/), как и Мартов, считал политику партии в предыдущий период правильной и подкреплял эту мысль аргументом, что правые,

занимавшие „непримиримо революционную” позицию по отношению к советской власти „обычно оказывались в очень затруднительном положении, когда у них требовали положительной программы действий”. Он упрекал правых в том, что они всегда сосредоточивали свое внимание на „внешних проявлениях” советского режима, на его антидемократизме и утопических мероприятиях, упуская из виду его „революционное содержание”. Но положение изменилось с тех пор как выросли крепкий класс крестьян-собственников, хищная новая буржуазия, новая коммунистическая бюрократия, т. е. типичные элементы послереволюционного общества. Исходя из этих соображений, Абрамович дал осторожную формулировку по основному вопросу о соглашении с советской властью:

„Изменившиеся политические условия сделали лозунг «единого фронта», по *крайней мере в его старой форме*, анахронистическим.” (Курсив мой. — С. В.)

Таким образом, и Мартов, и Абрамович, выражая мнение большинства партии, отвергали — с различиями в оттенках — идею соглашения. Но их точка зрения, в отличие от правых, означала не принципиальный разрыв со старой политикой, а тактический шаг, продиктованный конкретными условиями данного времени. На это указывают два обстоятельства. Во-первых, они считали, что политика соглашения была правильная в прошлом и, следовательно, возвращение к ней в других условиях было возможно. Во-вторых, при длительных переговорах о воссоздании Социалистического Интернационала они заняли место на том фланге европейского социалистического движения, которое настойчиво добивалось создания международного единого фронта, включая коммунистов.

Другую позицию занял Дан („Социалистический вестник”, № 23-24 /45-46/), введенный в редакцию „Социалистического вестника” 5 марта 1922 г., вскоре после его приезда из России. Он считал, что октябрьское партийное совещание, взяв в общем правильную линию, было повинно в „односторонности”, особенно в своем представлении о будто бы наступившей в России изоляции пролетариата. Такой изоляции, писал Дан, нет, и ее не должно быть; наоборот, нужно установить „связь пролетарского движения с движе-

нием других демократических слоев". Этим Дан стремился сохранить партнеров для соглашения с советской властью и отмежевался от Абрамовича, который „требуется решительного отказа от «тактики соглашения»." Обещанная им особая статья о соглашении так и не была написана.

Особый интерес вызвала дискуссионная статья („Социалистический вестник", № 1 /47/) руководителя ЦК в Москве Г. Кучина, который в это время стремился найти путь для сближения между обоими враждовавшими течениями в партии и поэтому был склонен к компромиссам. Кучин считал, что Мартов неправ в его положительной оценке прошлой политики партии и в утверждении, что нынешние концепции представляют собою развитие старых принципов, так как в этом развитии, „при всем желании, эволюции видеть нельзя, тут — разрыв". Он считал, что „апрельские тезисы" представляют собою „непростительную капитуляцию перед фактом большевистского господства и находились чем дальше, тем во все большем противоречии с реальным характером обозначившегося внутреннего развития". Но в отношении текущего момента Кучин требовал крайней осторожности ввиду сложного положения в России. По его мнению, изменение партийной платформы было необходимо, но не должно было быть слишком резким. Он отвергал восстания против советской власти и даже требовал, чтоб лозунг демократической республики, хотя и совершенно необходимый, не был формулирован в форме „прямой и упрощенной" задачи, а в форме частичных требований. В этом пункте Кучин отдалялся от правого течения и приближался к Дану.

Точка зрения правого течения, так называемой „оппозиции ЦК", была подробно развита Г. Аронсоном. Его резкая критика прошлой политики партии вызвала конфликт между ним и Заграничной делегацией, которая еще раньше, в заседании 7 октября 1922 г., постановила, что в дискуссионных статьях „разногласия прошлого времени можно поднимать лишь постольку, поскольку это необходимо для основной задачи. Статей, посвященных специально критике партийных течений в прошлом не помещать". Аронсон писал („Социалистический вестник", № 22 /44/), что предпринятый большинством партии пересмотр платформы обнаруживает не принципиальный разрыв с советской властью, а лишь

„неуверенное повторение мертворожденной и уже дискредитированной идеи соглашения”. Начиная с 1918 г., писал Аронсон, партия шаг за шагом уступала большевизму: она урезала лозунги свободы, отказалась от роли третьей силы между большевизмом и контрреволюцией, отказалась от Учредительного собрания и даже в ее борьбе с террором был „оттенок толстовщины”. Не отказываясь окончательно от идеи соглашения, партия „питает ряд недобитых иллюзий”. С кем она предлагает соглашение? С разложившимися элементами РКП или с ее левыми группами, мечтающими о возвращении к „октябрю”? Такая же иллюзия сохраняется относительно демократизации Советов, которые никогда не были ничем кроме ширмы для диктатуры. На этих предпосылках Аронсон строит свой главный вывод — о восстании. „Мы, как и всегда, решительно должны отвергнуть заговорщические авантюры” и согласны, что наиболее желателен мирный, бескровный конец диктатуры. „Но все это построение окажется пустым и жалким резонерством”, если диктатура не согласится на реформы и „если внутренние противоречия режима, постепенно обостряясь, вызовут уличное движение и организованное, массовое давление «всеми средствами» выльется в победоносное народное восстание, свергающее ненавистную власть. Что же, с[оциал]-д[емократическая] партия... должна уклониться от последовательной революционной тактики? Нет”.

С ответом Аронсону и Кучину выступил Мартов в его последней предсмертной статье в „Социалистическом вестнике” (№ 2 /48/). По мнению Мартова, разногласия между ЦК и правыми после Октября были глубже, чем раньше были разногласия между интернационалистами и оборонцами. Он считал, что это расхождение коренилось не в принятии ЦК идеи „переходного периода”, а в разном отношении к советской власти: либеральной политике ЦК правые противопоставили политику революционную. Линия ЦК определялась убеждением, что меньшевизм и большевизм стоят „на одном классовом базисе”; отсюда вытекало отношение к гражданской войне, Учредительному собранию и соглашению с РКП. Мартов утверждал, что ЦК никогда не отказывался от „последовательной демократии”, но вопрос в том, что понимать под ней. По его мнению, „не в абсолютности избирательного

права критерий демократизма”, а в „возможности властного выявления воли народного большинства”, чего нет в капиталистических демократиях. Но партия признала „трудоуластие”. „Я надеюсь, что и теперь партия, вырабатывая новую платформу, сохранит лозунг «власти трудящихся», т. е. будет звать решающую в России силу — крестьянство — объединиться в демократической республике не с капиталистической буржуазией, а с пролетариатом.”

„Последовательно революционная тактика”, предлагаемая Аронсоном, была центральным пунктом разногласий между правым течением и остальной частью партии, а его отказ от „заговорщических авантур” был, очевидно, направлен против внепартийных правых меньшевиков. Между обеими группами правых существовал идейный контакт, который прерывался только некоторыми крайними взглядами внепартийных, в частности, именно по вопросу о восстании против советской власти. Этот контакт крайне раздражал большинство партии и был одним из главных пунктов обвинений, которые оно предъявило правому течению.

Центр внепартийных правых, находившийся в Берлине, считал себя последователем Плеханова и Потресова. С апреля 1922 г. до февраля 1925 г. он издал 34 номера журнала „Заря”. Эта группа вела свое происхождение от раскола меньшевиков на „оборонцев” и „интернационалистов” и имела организации в Москве, Петрограде, Нью-Йорке, Лондоне, Париже и Берлине. Руководителем этой группы и редактором „Зари” был Ст. Иванович (Португейс) — талантливый журналист, но не обладавший способностью вызывать к себе личные симпатии. Его группа формулировала свою позицию в редакционной статье в первом номере „Зари”:

„Мы социал-демократы. Это значит, что социализм, как строй экономический, и демократия, как строй политический, являются нашей двуединой целью, в которой обе части слиты органически... Поэтому борьба за свободу и равенство против всех видов гнета, против диктатуры нации над нацией, класса над классом и человека над человеком является нашим верховным законом... В борьбе с красным самодержавием с [оциал]-д[емократия] имеет право и обязанность применять те же принципы и методы, какие считались правильными в борьбе с черным самодержавием.”

В этой борьбе, по мнению „Зари“, принципы всеобщего избирательного права и Учредительного собрания сохраняются в полной мере. В большевизме „Заря“ видела не этап революции, а „катастрофический срыв“ ее, а в линии ЦК РСДРП на соглашение — политику „практически вздорную, принципиально угашающую дух революционного протеста против деспотии“. Ст. Иванович считал, что теперь „у России другого выхода, кроме революционного, нет“ и что боязнь контрреволюции, которая владела умами в РСДРП, бесосновательна после исчезновения оплота реакции, помещичьего сословия: „неумной мистификацией являются эти запугивания реакцией на случай падения большевиков“.⁹ В этом же духе было составлено заявление, изданное московской группой „Зари“:

„Мы не меньшевики, мы социал-демократы... Без оговорок, без колебаний, решительно, категорично мы отвергаем советский режим, власть Советов, большевизм, полубольшевизм и все, что противоречит идее демократического массового движения.“

Отношения между Заграничной делегацией и группой „Заря“ были крайне враждебны, а полемика между ними велась по всем правилам фракционной борьбы. Членам партии было запрещено писать в „Заре“, а Ст. Иванович не был принят в берлинскую группу РСДРП на том основании, что во время гражданской войны он входил в Одессе в Союз возрождения и вербовал добровольцев в армию Деникина. По этому поводу „Заря“ (№ 4) напечатала заметку, согласно которой „среди сотрудников нашего журнала лица, состоявшего членом комиссии по набору добровольцев в армию ген. Деникина, нет“, а Ст. Иванович выступал за вооруженное сопротивление Красной армии, поддерживал самостоятельный отряд Союза возрождения, но и в него никого не вербовал.

Идеи Ст. Ивановича вызвали резкую критику Мартова: „Мне даже Милюков, старающийся проникнуться боевым демократизмом, симпатичнее, чем такой Ст. Иванович, уже органически неспособный бороться иначе как влево“, — писал Мартов С. Щупаку в письме от 8 июня 1921 г. В другой раз (в письме Е. Ананьину от 8 марта того же года) он заявил, что когда такие люди как Ст. Иванович называют себя социал-

демократами, „то мы их характеризуем как политических спекулянтов, считаем себя вправе заподозривать их мотивы и относить их к разряду мародерской сволочи, пытающейся поживиться около развалин и трупов, посеянных гражданской войной... Мы остаемся по разные стороны баррикады”.

Мартова глубоко оскорбляло обвинение Ст. Ивановича в том, что, став на точку зрения „власти трудящихся”, РСДРП покрывала насилия, совершаемые советской властью над не социалистами. Мартов возражал Ст. Ивановичу („Социалистический вестник”, № 17) с большим негодованием:

„РСДРП, сама подвергаясь большевистскому террору, громко протестовала против насилий московских диктаторов над представителями имущих классов. Так было, когда партия к [онституционных] -д[емократов] была объявлена в 1919 г. вне закона; так было, когда в 1918 г. была закрыта буржуазная пресса; так было, когда приговорили к расстрелу офицера Щасного; так было, когда введен был институт заложников; так было, когда в начале 1919 г. были расстреляны бывшие великие князья в Петрограде и когда в дезорганизованной и терроризированной России раздался только один протест — протест центрального органа нашей партии „Всегда вперед”, сказавшего палачам всю правду об этой бессмысленной жестокости.”

Гуманитарное чувство Мартова еще раз вызвало у него взрыв негодования, когда в 1922 г. в Петрограде был расстрелян митрополит Вениамин. Мартов писал („Социалистический вестник”, № 15 /37/):

„Мы утверждаем, что ни в Петрограде, ни в каком-либо другом пункте России не найдется 12 присяжных, свободно выбранных народом или добровольно взятых из народа, из рабочих и крестьян, которые согласились бы осудить на смерть служителя церкви, виновного только в агитации против изъятия церковных имуществ, которые по такому ничтожному поводу захотели бы бросить вызов своим верующим согражданам, попать ногами их интимные чувства... Невольно думается, что адская воля самых реакционных ее [революции] врагов водила за кулисами рукою идиотов, подписывающих и предписывающих эти безумные кровавые приговоры.”

Мартов обвинял Степана Ивановича („Социалистический вестник”, № 1 /47/) в том, что он питает „демократичес-

кие иллюзии”, между тем как надо использовать на Западе демократические учреждения для классовой борьбы пролетариата и помешать превращению их в „фиговый листок капиталистической диктатуры”. При существовании фашизма, военных клик, тайной дипломатии и пр. наивно верить, как это делает Каутский, в „мирное, безболезненное развитие через демократию к социализму”, а точка зрения Ст. Ивановича представляет собою „бесстыдно-лживую апологию буржуазной демократии”.

Возражая Мартову, Ст. Иванович писал в „Заре” (№ 3), что „нельзя, как это делает Мартов, выделять и противопоставлять классовую борьбу демократии... Представление о классовой борьбе, как о непосредственной лобовой схватке — вот что лежит в основе возражений Мартова. Оно имело свое историческое оправдание в эпоху, когда пролетариат был в подавленном меньшинстве, политически бесправен и культурно крайне неразвит... Но это время прошло. Пролетариат занял в рамках демократии совершенно иное общественное положение и вследствие этого классовая борьба не могла не принять совершенно новый характер, далекий от лобовой схватки”.

Острота этой полемики была в конечном счете вызвана тем, что Мартов с полным основанием видел во внепартийных меньшевиках „реформистов”, с которыми он вел борьбу всю жизнь, а они видели в руководстве РСДРП представителей отживших свой век „ортодоксальных марксистов”. Некоторые из убеждений Ст. Ивановича — например, о будто бы уже наступившей переходной эпохе к социализму, о классовой борьбе, которая не должна вступать в конфликт с демократией, о социализме как результате органического, а не революционного развития общества — были ранними выражениями идеологии, которая в послевоенные годы стала преобладающей в западноевропейском социалистическом движении.

В полемике между обоими течениями был небольшой перерыв после смерти Мартова, наступившей 4 апреля 1923 г. Высокая оценка его деятельности в „Заре” (№ 4, 1923) свидетельствовала о престиже, которым Мартов пользовался во всех кругах меньшевиков:

„Про Мартова, как про никого другого, можно сказать: он отдал все, что мог за нее [партию]. А мог он бесконечно

много... Он отдал все, что мог за дело русской социал-демократии: блеск своего устного и печатного слова, свое всегда хрупкое здоровье, ту стихию страстной талантливости, которой дышало все, что исходило от него, вечно юного.”

Его жизнь, по словам этого некролога, была трагедией всякого большого исторического движения, которое на первоначальных стадиях „жадно выпивает соки преимущественно тех, кто беззаветнее всех ему себя отдает”.

Единый фронт в Интернационале

Восстановлению разрушенной войной международной социалистической организации меньшевизм придавал громадное значение. Несмотря на охлаждение к идее соглашения в России, РСДРП стремилась установить единый фронт, включая коммунистов, в Интернационале. Это стремление было вызвано мотивами внутренней и международной политики.

В области внутренней политики в России главным аргументом в пользу единого фронта была аксельродовская идея „социалистической интервенции” западных рабочих партий, которую ЦК РСДРП, однако, толковал иначе, чем Аксельрод, который хотел единого фронта против РКП, а не совместно с ней. От этой „интервенции” меньшевизм ожидал давления международного рабочего движения, в котором коммунисты составляли бы меньшинство, на советское правительство, с целью добиться от него серьезных политических реформ и этим путем создать предпосылки для единого фронта и в России. Меньшевизм считал, что такое давление было средством ликвидировать советскую диктатуру, сохранив достижения революции.

В области международного рабочего движения единство представлялось необходимым, чтоб отразить поднимающуюся, по мнению меньшевиков, волну капиталистической реакции и противопоставить ей динамизм рабочего класса, идущего сомкнутыми рядами к социализму. Таким образом, представление меньшевизма о роли Интернационала было вначале связано с мыслью о наступившем переходном периоде к социализму, и эта связь давала пищу новым разногласиям в партии. Но нельзя было достигнуть единства без

соглашения с самой крупной социалистической организацией, Вторым Интернационалом. На это сожительство меньшевизм шел без любви, так как Второй Интернационал был организацией тех сил социализма, которые вызвали в меньшевистском руководстве крайнюю антипатию — нераскаявшихся оборонцев и реформистов. РСДРП, вместе с западными центристскими партиями, считала, что нельзя доверить руководство социалистическим центром партиям, которые у себя дома участвуют в буржуазных коалиционных правительствах и нельзя создать Интернационал из националистов. С другой стороны, центристы не считали возможным обойтись без Коминтерна, который представлял часть русского пролетариата и те группы западных рабочих, которые были под его влиянием. Поэтому РСДРП была в числе основателей Международного Социалистического Объединения, так называемого Венского Интернационала, цель которого состояла именно в объединении партий Второго Интернационала, центра и Коминтерна, и оставалась в нем до его слияния со Вторым Интернационалом в 1923 г.

Несмотря на такое терпимое отношение к Коминтерну, меньшевикам нередко приходилось вести бой с просоветскими течениями в Венском Объединении. Их роль, как признанных представителей русской оппозиционной партии, и личная популярность главных меньшевистских представителей заставляли относиться к их выступлениям с особым вниманием. Но их критика коммунизма нередко вызывала оппозицию некоторых влиятельных социалистических партий — тех, среди которых просоветские симпатии еще были сильны, и тех — в особенности, отнюдь не левой Британской Рабочей [лейбористской] партии, которые по прагматическим соображениям политики своих стран не хотели обострять отношения с Москвой.

Уже в начале 1920 г. РСДРП отвергала два возникших на Западе плана возрождения международной организации либо посредством восстановления Второго Интернационала, либо посредством объединения центристских партий с Коминтерном. Вместо этого меньшевики поддерживали идею „духовного и политического сближения между марксистскими партиями и элементами“, из которого постепенно возникнет Интернационал, в котором не будет „ни иллюзий

большевистского коммунизма, ни националистического оппортунизма". Исходя из этих соображений РСДРП решила еще в апреле 1920 г. принять участие в Бернской интернациональной конференции, но только с информационными целями. Как первый шаг для осуществления „социалистической интервенции" РСДРП предлагала послать в Россию делегацию от западноевропейских рабочих партий, но только такую делегацию, которая, по словам Мартова в письме Каутскому от 28 января 1920 г., „сможет импонировать русскому и европейскому пролетариату как совершенно независимая от большевистских властей".

В декабре 1920 г. в Берне состоялась конференция центристских партий. Представителем РСДРП был Мартов, а второму представителю — Абрамовичу — швейцарское правительство отказало в визе. В то время меньшевики еще верили, что центристские партии будут играть руководящую роль в будущем объединении. Поэтому Мартов голосовал против французского предложения создать сверх трех Интернационалов общий Совет, куда бы согласились войти представители всех трех организаций, так как „общий Совет от Шейдемана до Ленина вызвал бы только смех с обеих сторон". Эту радикальную позицию скоро пришлось изменить.

Мартов остался доволен бернской конференцией и ее левым манифестом: „К нам — к партии и ко мне лично — отношение самое лучшее". Как писал Мартов в письме Щупаку 14 декабря 1920 г. Аксельрод нашел манифест „менее неприемлемым, чем он ждал, и к самой конференции у него отношение [сложилось] довольно терпимое", хотя Аксельрод не изменил своего положительного отношения ко Второму Интернационалу.

В феврале 1921 г. в Вене состоялась конференция, основавшая Международное Объединение социалистических партий. РСДРП формулировала свою точку зрения на Интернационал в первом же номере „Социалистического вестника":

„Банкротство Второго и несостоятельность Третьего Интернационала в роли собирателя сил пролетариата для революционной деятельности сделало необходимым то временное объединение так называемых центральных партий, начало которому положено в Берне. Его задача — путем идей-

ного выяснения и политической деятельности подготовить условия для восстановления подлинного Интернационала. Ибо объединяющиеся партии исходят из того убеждения, что пока в национальных и интернациональных пределах не достигнуто классовое объединение пролетариев, не может быть речи ни о том, чтобы рабочий класс полностью использовал свое знание в современном обществе для революционного давления на политику буржуазных правительств, ни, тем паче, о том, чтобы вырвать власть из их рук.”

С этой точки зрения достигнутое объединение должно было быть не новым Интернационалом, наряду со Вторым и Третьим, а инструментом для создания единого Интернационала, в котором участвовали бы партии, стоящие на точке зрения классовой борьбы и стремящиеся к преодолению капитализма соединенными силами международного рабочего класса. Непосредственными задачами Объединения должны были быть защита русской революции от иностранного империализма, уничтожение Версальского договора и освобождение колониальных народов.

Отношение РСДРП к Интернационалу было построено на старых, довоенных представлениях, господствовавших среди социалистов в то время, когда рабочее движение стояло на более низком уровне, а социалистические партии, даже в самых демократических странах, представляли собою лишь оппозиционные силы, не несшие ответственности за государственные интересы своих стран. Меньшевики по-прежнему считали, что Интернационал должен быть не координационным центром, каким он стал в послевоенный период, а органом, который действительно руководит международным рабочим движением и которому должны быть подчинены входящие в него партии. Такая форма организации не могла быть принята не только коммунистами, но и теми социалистическими партиями, которые участвовали в правительствах своих стран. Другим основным принципом Интернационала меньшевики считали обеспечение его существования в случае возникновения новой войны.

Предпосылкой для объединения трех групп социалистических и коммунистических партий, таким образом, было мало. Партии Второго Интернационала были против единого фронта с коммунистами, но хотели объединения с центрист-

скими партиями, считая, что происходившее тогда поправление европейского рабочего движения обеспечивало им преобладание в таком объединении. Коммунисты участвовали в переговорах об объединении, по мнению Дана, с целью использовать международное рабочее движение для целей советской внешней политики, для борьбы против интервенции, блокады и т. п. Их представители вели себя на общих конференциях с большой бесцеремонностью, грозили „сорвать маски” с „лакеев буржуазии”, присланных на эти конференции империалистами их стран. Тем не менее, меньшевики, вместе с другими центристами, продолжали попытки создать с единый фронт с коммунистами.

Иногда эти попытки ставили меньшевиков в крайне трудное положение. Особенно острый случай этого рода произошел на конференции трех Интернационалов 2 апреля 1922 г. Представитель Второго Интернационала предложил предъявить Коминтерну условия для его дальнейшего участия в объединении, среди них — освобождение политических заключенных в России. Это требование было в значительной степени результатом многочисленных публичных протестов РСДРП против советского террора, а также приготовлениями к процессу эсеров. Предъявление такого требования международной организацией было, конечно, очень желательно меньшевикам, но было ясно, что коммунисты отвергнут этот ультиматум и что он может вызвать взрыв с трудом налаженного объединения. Поэтому меньшевики, считая, что нельзя обойти молчанием вопрос о терроре, решительно высказались против предъявления Коминтерну каких-либо ультимативных требований. Они шли на этот шаг с тяжелым сердцем, но их приверженность к идее единого фронта была так сильна, что ради нее они готовы были в буквальном смысле слова принести себя в жертву. В единогласно принятой декларации конференции был лозунг „За русскую революцию, за голодающую Россию, за восстановление политических и экономических сношений с советской Россией”, но не было упоминания о советском терроре. Мартов писал об этом в частном письме в марте 1922 года:

„Решительно отвергая всякую попытку осложнить и затруднить переговоры с Третьим Интернационалом введением вопроса о преследовании русских, грузинских, армян-

ских и т. д. социалистов, мы в то же время глубоко убеждены, что этот вопрос не может быть, без вреда для дела и для престижа Международного Союза социалистических партий, совершенно обойден на самой конференции... Мы считаем поэтому необходимым, чтобы на конференции этот вопрос в подходящей форме был затронут. Разумеется, так, чтоб это не дало кому бы то ни было желанного повода сорвать или испортить работу конференции.”

Непосредственной подготовкой объединения занималась „комиссия девяти”, состоявшая из равного числа представителей каждого из трех Интернационалов. Одной из ее главных задач был созыв международного конгресса всех трех организаций, на котором особенно настаивал Коминтерн. Но отношения с ним в „комиссии девяти” становились все более напряженными.

В апреле и июне 1922 г. советская Россия была приглашена на дипломатические конференции в Генуе и Гааге, которые обсуждали восстановление экономических связей с Россией, а 16 апреля был подписан русско-германский Рапальский договор. Результаты Генуэзской и Гаагской конференций были ничтожны, но они означали фактическое, хотя и не юридическое, признание советского правительства рядом западных держав, а Рапальский договор заключал пункт и о юридическом признании. Советскому правительству, таким образом, удалось пробить дипломатическую блокаду.

В этих условиях единый фронт терял свое значение для Коминтерна, который должен был дорого платить за него. Попытки объединения с социалистами компрометировали репутацию Ленина как твердокаменного большевика и сеяли смуту в умах западных коммунистов, приученных видеть в вождях социалистов социалпредателей, которые вдруг стали партнерами по единому фронту. Поэтому 23 мая 1922 г., сейчас же после Генуэзской конференции, представители Коминтерна вышли из „комиссии девяти” под предлогом того, что она откладывает созыв общего международного конгресса.

Взрыв „девятки” поставил центристские партии в трудное положение. Выпал один из трех партнеров объединения, которое вследствие этого повисло в воздухе. Но РСДРП упор-

но продолжала свою политику единого фронта. „Социалистический вестник” (№ 11 /33/) писал вскоре после этого разрыва в передовице:

„Что же теперь? Вместо «полного объединения» — «неполное»? Вместо единого фронта трех — объединение двух Интернационалов? Да, если последнее было бы этапом к общему объединению. Нет, если оно объективно должно его сделать невозможным или затормозить.”

Вместе с западными центристскими партиями меньшевики считали необходимым продолжать свою пропаганду единого интернационального движения, проникнутого принципами классовой борьбы. Попытки в этом направлении продолжались еще почти год, в течение которого выяснилась их полная безнадежность. На заседаниях Венского Объединения и Второго Интернационала во Франкфурте 8 декабря 1922 г. и в Кельне 5 января 1923 г. уже обсуждался вопрос об их объединении без Коминтерна. В этом направлении влияли и политическая стабилизация в Европе, и рост влияния Второго Интернационала в рабочем движении. Но меньшевики не хотели отказаться от единого фронта в его прежней форме. Во Франкфурте их представитель предлагал ограничиться образованием „комитета действий” для координации выступлений обеих международных организаций, самостоятельность которых должна была быть сохранена; это предложение было отклонено. На этих конференциях и на конференции Амстердамского Интернационала профессиональных союзов представитель РСДРП Рафаил Абрамович резко критиковал „вероломную” тактику коммунистов и вместе с тем еще раз призывал их честно пойти на объединение. На конференции Интернационала профсоюзов в декабре 1922 г. он сказал:

„Чтоб измерить всю неискренность их [коммунистов] заявлений, достаточно поставить им лишь один вопрос: предлагаете ли вы единый фронт и для России? Единый фронт жертвы и палача, узника и тюремщика?.. Мы готовы и теперь забыть всю кровь, пролитую вами, ваши преступления и ошибки и взять протянутую руку при одном условии: дайте в своем коммунистическом государстве рабочему классу в России хоть ту свободу, которой он пользуется в капиталистических странах Европы.”¹⁰

Выступления Абрамовича, выслушанные на съездах с большим вниманием, были одобрены и Заграничной делегацией и Бюро ЦК в Москве. Оба партийных центра неохотно шли на объединение Вены с Лондоном без Москвы. Бюро ЦК признало, что тактика коммунистов делает такое объединение неизбежным „на известный период”, но сопроводило это признание некоторыми оговорками: объединение не должно грозить революционным элементам растворением в реформистских группах; решения Интернационала должны быть обязательны для всех входящих в него партий; роль Интернационала, как высшей инстанции, должна быть сохранена и в случае международных конфликтов.

Однако бесцельность и безнадежность попыток слить все три Интернационала становилась все более очевидной. На последнем заседании Исполкома Венского Объединения 20 мая 1923 г. было решено произвести слияние со Вторым Интернационалом, которое состоялось на конгрессе обеих организаций в Гамбурге 21-26 мая. Примером трудностей, которые меньшевикам приходилось преодолевать со стороны близких им партий вследствие того, что они, оставаясь целиком на „венских позициях”, не отказывались от критики советской власти, может служить доклад Абрамовича в Гамбурге о положении в России. Его речь была встречена конгрессом холодно, так как при наступившем в этот момент напряжении в международных отношениях некоторые западные партии не хотели обострять отношения с советским правительством.

Отношение РСДРП к происшедшему слиянию было двойственное. „Социалистический вестник” (№ 11 /57/), с одной стороны, писал, что надо „признать за Гамбургским конгрессом громадное историческое значение и с радостью приветствовать его результаты”, потому что ему удалось „отмести в сторону накипь старых споров [со Вторым Интернационалом. — С. В.], потерявших ныне действительное значение”. С другой стороны, та же статья отметила с сожалением, что вне объединения остались коммунисты, между тем как послевоенное разложение Европы усиливает в рабочем классе оба полюса: бунтарско-коммунистический и реформистский. Кроме того, было ясно, что в Гамбурге был „не столько еще съезд действительной, единой интернациональной организа-

ции, сколько арена для столкновения и согласования национальных точек зрения отдельных партий". В такой чисто координационной роли Интернационала РСДРП по-прежнему видела большой недостаток.

Эта политика по отношению к единому фронту встречала в партии возражения с разных сторон. Особенно острой оппозиции со стороны правого течения не было, так как оно не проявляло к этому вопросу большого интереса, хотя всякое сотрудничество с коммунистами противоречило его взглядам. Против Венского Объединения и за Второй Интернационал был П. Аксельрод, у которого на этой почве вышел конфликт с ЦК еще в 1918 г. Его точка зрения на единый фронт была выражена в начале 1922 г. в интервью, напечатанном во французской социалистической газете „Попюлер" (№ 346). Аксельрод считал, что для единого фронта требуются два условия: одинаковое понимание целей и средств и искреннее желание сотрудничать. Эти два условия, по его мнению, существовали в партиях Второго и Венского Интернационалов, несмотря на их расхождения; поэтому их слияние возможно.

„Что касается Третьего Интернационала, то он состоит из двух различных элементов, из которых каждый должен быть рассмотрен отдельно: партии Западной Европы, называющие себя коммунистическими, с одной стороны, и русский большевизм, с другой.

Европейские коммунистические партии — рабочие организации. Как бы трудна ни была задача сближения с этими партиями, зараженными утопическими идеями, демагогическими в своей работе, развращенными тлетворным влиянием Москвы, мы никогда не забудем, что они наши братья в великой классовой борьбе.

Другое дело — русский большевизм. Это не рабочая партия, а правительственная организация, осуществляющая свою власть террористически."

Коминтерн, сказал Аксельрод, есть орган этой власти, на эволюцию которой никакой надежды нет. Прежде чем говорить с ним о едином фронте, „следует заставить московское правительство дать своим подданным по крайней мере такую свободу, какой пользовались до революции подданные немецкого кайзера". Надо добиваться признания советской власти

другими правительствами для укрепления мира, но нет оснований для признания ее социалистическими партиями.

Несмотря на такие серьезные разногласия, Аксельроду было предложено участвовать в делегации РСДРП на Венской конференции в феврале 1921 г. Мартов писал Аксельроду в письме от 4 февраля 1921 г.:

„Мы считаемся с тем, что Вы в корне отрицаете политику ухода из Второго Интернационала и того концентрирования сил на почве противопоставления не только Третьему, но и Второму, которое теперь совершается. Но поскольку это факт совершившийся, считаете ли Вы возможным стать на его почву и войти в состав делегации?“

Аксельрод не считал возможным принять это предложение. Он отклонил также аналогичное предложение, сделанное ему московской организацией внепартийной группы „Заря“, которая собиралась послать делегацию на Гамбургский съезд, постановивший слить Второй и Венский Интернационалы. Эта группа все время стояла за участие во Втором Интернационале и называла единый фронт с коммунистами „шалюной идеей“ о соединении „представителей борющегося за освобождение человечества пролетариата с представителями самой реакционной в культурном мире власти“. В ответ на предложение „Зари“ Аксельрод в письме Ст. Ивановичу от 22 апреля 1923 г., писал, что он „глубоко тронут“ предложением московской „группы товарищей“, но не может представлять их, так как он ничего не знает о составе и деятельности этой группы. Кроме того, хотя он все время был „безусловным противником“ Венского Интернационала и сторонником его слияния со Вторым, он, вместе с тем, был противником всякого „сепаратизма“ в партии. Термины, которые Аксельрод употреблял при этом — партийный „сепаратизм“ группы „Заря“ и предложение принадлежавших к ней „группы товарищей“ — свидетельствуют о том, что Аксельрод, в отличие от Заграничной делегации, считал „Зарю“ идейным течением в меньшевизме, хотя организационно с ним не связанным.

Группа „Заря“ получила отказ и от Заграничной делегации, к которой она обратилась с предложением включить ее представителей в делегацию РСДРП на Гамбургский съезд. Заграничная делегация постановила не только отказать в

этой просьбе, но и не оказывать поддержки группе „Заря” в получении самостоятельного представительства на съезде. Из русских партий право представительства, по мнению Делегации, должны были иметь только официальные партии меньшевиков и эсеров, однако Делегация не склонна была к совместным выступлениям с эсерами в Гамбурге. В делегацию на Гамбургский съезд были включены только члены РСДРП, в том числе представители правого течения.

Сомнение в правильности политики единого фронта проникло и в руководящее большинство Заграничной делегации. В июне 1922 г. Д. Далин выступил в „Социалистическом вестнике” (№ 10 /32/) со статьей, в которой он доказывал, что „опыт с единым фронтом показал воочию, что эта тактика имела лишь один небольшой порок: она была неосуществима”. Он считал, что прошло время когда русским социал-демократам приходилось подчинять борьбу с террором более важной задаче — интернациональному объединению социалистов. „Теперь полная, окончательная ликвидация террористического режима делается основным, центральным, главнейшим вопросом, над всем остальным доминирующим и все себе подчиняющим”. Борьба циммервальдцев со Вторым Интернационалом была делом военного времени, но пришли новые времена „и плох, очень плох будет тот политик, который и сейчас будет петь одну старую песенку о социал-патриотах”. За растущими силами Второго Интернационала, писал Далин, уже стоят около 70% политически организованных рабочих Европы, а также и Интернационал профсоюзов. „Не консервировать изжитые расколы, а хоронить их надо”, поэтому надо объединить Вену с Лондоном без Москвы. И аргументация статьи и вывод об „изжитых расколах” шли вразрез с линией Заграничной делегации и приближались к позиции Аксельрода.

С возражениями Далину и Каутскому, который тоже думал, что нечего ждать пока „московские волки решат перейти к вегетарианскому образу жизни” выступил в „Социалистическом вестнике” (№ 21 /43/) Мартов. Он доказывал, что происходящее в западном рабочем движении поправение есть явление временное, что во Втором Интернационале отсутствует положение, при котором он „мог решиться принудительно диктовать основы тактики национальным

партиям”, между тем как в Венском Объединении такое положение есть. А без этой централизации Интернационал будет не более действенной силой, чем он был в 1914 г.

Более знаменательной, как симптом политического сдвига в партии, была оппозиция против единого фронта, которая возникла в России. Весною 1922 г. местные организации оживленно обсуждали этот вопрос и значительное большинство членов поддерживало линию ЦК и Заграничной делегации. Они верили в возможность воздействия социалистического центра на западных коммунистов, а через них на РКП и считали Венское Объединение наилучшим инструментом для достижения этой цели; они отвергали метод ультиматумов, который Второй Интернационал применял по отношению к Коминтерну. По этому вопросу фракционные разногласия еще не возникали. Но во второй половине года, по-видимому, наступил перелом. Перед совещанием представителей местных организаций, состоявшемся в Москве в октябре 1922 г., Бюро ЦК обсуждало вопрос об едином фронте и постановило всеми голосами против одного продолжать ориентацию на Вену. Ввиду того, что совещание заседало нелегально, оно не успело подробно обсудить этот вопрос. Было произведено лишь пробное голосование, при котором за предложение ЦК было подано 4 голоса, 6 — против и 1 — воздержался. Большинство считало, что позиция Вены не реалистична и что пора обострить борьбу против коммунизма.

Внешняя политика. Грузия

Была, однако, одна область, в которой РСДРП оказывала в полной мере поддержку советской власти, а именно в борьбе за дипломатическое признание советской России, за предотвращение новой военной интервенции и за восстановление экономических связей с другими странами. Эти три вопроса были тесно связаны между собою, потому что решение их должно было определить, получит ли советское население мир после семи лет непрерывных войн и как скоро будет найден выход из экономического тупика. Позиция РСДРП по отношению к этим вопросам определялась не

намерением поддержать советскую власть, а стремлением дать удовлетворение насущным нуждам населения. Как писал Мартов в письме Аксельроду 30 января 1924 г., „лозунг признания советского правительства мы тоже довольно долго считали возможным выставить от имени партии. Мы пришли к тому, что это необходимо сделать, хотя и в сдержанной форме, когда убедились, что для европейских правительств без политического соглашения (которое предполагает признание или ведет к нему) не может быть речи о действительном возобновлении торговли”.

В признании советского правительства РСДРП видела важный дипломатический акт и отказ от вмешательства в дела России, а отнюдь не моральное признание этого правительства. По тем же соображениям РСДРП не возражала против Рижского мира с Польшей, несмотря на резкие обвинения со стороны других демократических групп, особенно кадетов, в том, что РСДРП этим поддерживает политику расчленения России.

Кампанию за признание советской России партия настойчиво вела в печати и на социалистических съездах. Так, перед конференцией держав в Генуе ЦК РСДРП, совместно с ЦК Бунда (социал-демократического), издал воззвание к социалистическим партиям и рабочим организациям, призывая их поддержать это требование. При этом „важно, однако, не только признание, но и условия его... Признание должно сопровождаться не превращением России в колонию западно-европейского капитала, а энергичной, действенной финансовой и экономической помощью... Интересы русской революции и международного пролетариата одни и те же, и во имя этих общих интересов, во имя истекающего кровью русского народа... во имя умирающих женщин и детей, мы призываем вас: придите на помощь России”.¹¹

Мартов считал это воззвание слишком левым. Он писал в Бюро ЦК в Москву, что этот документ, не содержащий ни слова критики советской власти, является слабым и несвоевременным. По мере охлаждения партии к идее единого фронта и ее кампания за признание становилась сдержаннее. РСДРП по-прежнему настаивала на необходимости признания, но старалась формулировать это требование так, чтоб из него нельзя было сделать вывода, что партия в какой-либо

мере несет ответственность за политику советской власти. Аксельрод шел дальше и считал, что признание должно быть дано советскому правительству под условием выполнения им определенных требований. Этот вопрос получил конкретный характер в 1924 г., когда советская Россия была признана несколькими европейскими державами. После признания ее рабочим правительством Англии в феврале и начала широкого обсуждения вопроса о признании во Франции, Аксельрод в письме Ф. Дану 7 декабря 1924 г. писал:

„Я считаю, что английская рабочая партия не мало греха взяла на свою душу в связи с признанием советской власти. Но гораздо хуже в морально-политическом отношении было бы, если бы французская рабочая партия без решительного протеста допустила признание французским правительством факта военной аннексии большевиками Грузии и не предъявила бы требования, чтоб признание советского правительства было обусловлено требованием восстановления независимости Грузии.”

В своей внешней политике РСДРП вела антиантантовскую и прогерманскую линию. В Англии и Франции, победительницах в мировой войне и бывших главных интервентах в России, она видела оплот империализма и реакции, державы, стремящиеся колонизировать Россию и Германию, потенциальных новых интервентов. Германию, которая не представляла собою военной опасности, РСДРП считала жертвой империалистического грабежа и страной, которая, в силу традиций ее социалистического и профессионального движения, будет тараном, пробивающим путь к большим социальным преобразованиям, которых меньшевики ожидали в течение первых лет НЭПа.

Меньшевизм относился резко враждебно к Версальскому миру, наложившему на Германию тяжелые контрибуции, против которых „интернационалисты” восставали еще во время войны. РСДРП считала отмену этого мира одной из главных задач не только германского, но и международного пролетариата, и ее представители в Интернационале настаивали на объединенной международной кампании против правительств бывшей Антанты, особенно Франции, которая вела крайнюю антигерманскую политику. Протест против этой политики принял еще более острые формы после заня-

тия Рура французскими войсками в январе 1923 г. Занятие этого богатого углем района наносило серьезный экономический и политический удар Германии и грозило понижением условий жизни немецких рабочих. В листовке, изданной в Москве в феврале 1923 года по поводу оккупации Рура, Бюро ЦК писало:

„Версальский мир, который должен был закончить мировую войну, уже с первого дня таил в себе бесчисленные начала новых столкновений и конфликтов... Удавной петлей окрутил он германский народ, заставив голодающего германского рабочего и разоренный мелкий люд платить бесчисленные миллиарды марок и поставлять десятки тысяч тонн угля... Тот вопрос, который поставлен в Руре, не может быть решен в рамках национальной борьбы Германии с Францией. Это вопрос международной солидарной борьбы мирового пролетариата против империалистических вожделиний буржуазии, против Версальского мира.”

Франция переживает медовые месяцы империализма, писала об оккупации Рура передовая в „Социалистическом вестнике” (№ 3 /40/), а Германия, несмотря на ее поражение в войне, остается экономически мощной страной. Такое положение грозит новым военным столкновением и ростом фашизма в Германии. „Только растущее влияние рабочего класса, только давление социалистических партий может умерить пыл цивилизованных варваров на западе Европы и укротить террористических диктаторов на востоке”.

К происходившим в это время важным дипломатическим переговорам меньшевики проявляли мало интереса, даже когда они непосредственно касались России, видя в них лишь борьбу империалистических клик. В 1922 г. были созваны две дипломатические конференции — в Генуе и Гааге, на которых обсуждался вопрос о восстановлении экономических связей с Россией и на которые впервые были приглашены советские представители. Перед Генуэзской конференцией ЦК РСДРП послал воззвание к западным рабочим, предлагая им добиваться, чтобы конференция была использована для признания советской России и оказания ей экономической помощи при условии, что Россия даст необходимые для этого гарантии. Но к самой конференции меньшевики относились

критически. Они видели в ней, с одной стороны, попытку западных колонизаторов проникнуть в Россию, а, с другой стороны, попытку советского правительства получить иностранные займы для своей армии и полиции, т. е. не для хозяйственных нужд, а для укрепления своей власти. По мнению меньшевиков только отмена Версальского договора и демократизация советского режима могли создать предпосылки для нормальных экономических связей, необходимых России и полезных для Запада, притом дающих России гарантию против закабаления ее иностранным капиталом. Таким образом, перед рабочими России и Запада стоит двуединая задача, которая не может быть выполнена дипломатами.

По словам Дана, „Генуя говорит мировому пролетариату о необходимости собственными объективными усилиями поставить на очередь дня Версальский вопрос во всей его полноте. Она говорит русскому рабочему о необходимости положить конец режиму, превращающему Россию в пустое место“.¹²

Более знаменательно было отношение РСДРП к советско-германскому договору, заключенному в Рапалло во время Генуэзской конференции. Это тайно подготовленное соглашение двух антиантантовских держав вызвало большой дипломатический шум, но „Социалистический вестник“ обошел его молчанием. Вероятно, антиверсальское острие договора вызвало удовлетворение у Заграничной делегации, но „тайная дипломатия“, посредством которой он был заключен, и раздражение против него в западных странах вызывали опасение нового обострения международных отношений.

Кампания против иностранной интервенции, которую меньшевики вели с начала гражданской войны, была распространена и на советскую интервенцию в Грузии. Специфический характер завоевания Грузии еще больше обострил этот протест. Было ясно, что восстание грузинских большевиков было делом рук Москвы, снабжавшей их амуницией, деньгами, организаторами и пропагандистами. В советской дипломатической миссии в Тифлисе был громадный штат в 400 служащих, значительное большинство которых занималось отнюдь не дипломатической деятельностью. Всего этого, однако,

было мало. Чтобы свергнуть грузинское правительство пришлось ввести Красную армию, которая заняла Тифлис 25 февраля 1921 года и установила в Грузии советскую власть.

Этот откровенно милитаристский образ действий против маленького независимого государства вызвал негодование меньшевиков. Он был жестоким ударом по политике единого фронта, которой они в это время еще придерживались в полной мере. Заграничная делегация приняла 3 марта 1921 г. резолюцию, в которой она заявила:

„Решение силой оружия спорных вопросов, разделяющих два управляемых социалистами государства, представляет величайший позор для социализма, нарушает основы интернациональной классовой солидарности, заставляя русских социалистических рабочих стрелять в рабочих Грузии, и наносит величайший вред делу российской и международной революции.”¹³

В листовке, изданной в Москве по поводу оккупации Рура французами, Бюро ЦК напоминало, что большевики запятнали себя „военным захватом Грузии, во сто крат более позорным, чем сегодняшний захват Рура французами”, ибо он был совершен во имя коммунизма. „Или они забыли свой позорный Брест, когда они вынуждены были сдать на милость германского кайзера, отдать в кабалу германскому кайзеру русских рабочих и крестьян?”

Кампания, которую меньшевики повели по вопросу о Грузии, состояла из двух элементов: протеста против военной оккупации и требования восстановить независимость Грузии. В Венском Интернационале они возвращались к вопросу о Грузии при всяком удобном поводе и стремились побудить Интернационал взять решительную линию по этому вопросу. При этом они опять вступали в конфликт с просоветскими партиями в Интернационале, которые избегали резких шагов против советского правительства. Уже на конференции Венского Интернационала в феврале 1921 г., когда было получено сообщение о движении Красной армии в Грузию, меньшевистские представители Мартов и Абрамович тщетно настаивали на принятии резкой резолюции протеста. Мартов 5 марта 1921 года писал об этой конференции в письме Шу-паку:

„Когда дело дошло до Грузии, эта боязнь [вызвать недовольство Москвы. — С.В.] дала себя знать. Хотели замазать как-нибудь и, в конце концов, протест вышел далеко не таким твердым и ярким, как мы бы хотели. Нам с Абрамовичем приходилось орать до хрипоты, ставить ультиматумы, ругать [просоветских — С. В.] немцев последними словами, и все же мы всего, чего хотели, не могли добиться.”

В дальнейших конференциях Интернационала, особенно в полемике с представителями Коминтерна, меньшевики постоянно возвращались к вопросу о Грузии. Эта принципиальная последовательность представляется замечательной, если учесть, что меньшевики относились к грузинскому правительству без всякой симпатии. Его ориентация на Англию, его вражда к советскому правительству, не допускавшая и мысли о едином фронте, его национализм, самое провозглашение независимости Грузии, которое можно было рассматривать как акт расчленения России, против которого меньшевики всегда восставали — все это было в прямом противоречии с политикой РСДРП. Поэтому контакты между русскими и грузинскими меньшевиками иногда происходили в замороженной атмосфере, причем обнаружилось, что Бюро ЦК в Москве было более непримиримо, чем Заграничная делегация. Так, в декабре 1922 г. Бюро ЦК выразило недовольство тем, что в „Социалистическом вестнике” появляются статьи грузинских лидеров, из которых можно сделать вывод, что Мартов и Жордания работают рука об руку. Бюро выразило пожелание „печатать статьи и документы Грузии так, чтоб ясно было, что это не наша партия, а другая”, хотя бы в форме писем в редакцию. А когда Бюро решило создать свою типографию в Москве и получило предложение о помощи в этом трудном деле от грузинских социал-демократов, оно отклонило это предложение отчасти потому, что считало такую близость между обеими партиями нежелательной.

20 января 1921 г. Мартов писал в частном письме С. Шу-паку:

„Когда слышишь рассказы, из которых явствует, что демократическая власть проявляется там с таким же патриархальным самодурством и хамством, как и диктаторская в Москве, то приходишь к печальному выводу, что социальная и культурная азиатчина дает одни и те же политические

явления, независимо от внешних государственных форм.” Плохо „когда народ не может расценивать политические формы с точки зрения заложенных в них возможностей, подлежащих реализации лишь в будущем”.

„Эта суровая критика, вызванная и политикой правительства и внутренними неурядицами в Грузии, неподготовленной к демократии и прожившей свою короткую независимую жизнь под постоянной угрозой внешнего нападения, высказывалась лично, но не вслух. В своих публичных выступлениях меньшевики могли критиковать грузинских социал-демократов как всякую „реформистскую” партию, но в вопросе о завоевании Грузии проявляли полную лояльность к ее правительству.

Легальность или подполье?

После окончания гражданской войны, а особенно после введения НЭПа, полицейский террор против меньшевизма усилился. Для этого были две причины. Во-первых, после отказа от примитивных утопий немедленного социализма и мировой революции и отступления к нэпо-капитализму, оппозиция со стороны последовательно социалистической партии могла стать опасной. Перед объявлением НЭПа Ленин заявил, что „в Смольном мы калякали о принципах и, несомненно, больше, чем следовало”, а теперь же надо заниматься делом, а для этого дела „мелкобуржуазная контрреволюция”, т. е. и меньшевики, более опасны, чем Деникин.¹⁴ Во-вторых, консолидация режима с уже обозначившимися в нем тоталитарными тенденциями делала нестерпимым существование единственной в стране организационной демократической оппозиции. После годового опыта с НЭПом репрессии против меньшевиков стали орудием их политического и физического уничтожения. Ленин объявил:

„За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что.”¹⁵

Меньшевики часто оказывались в трудном, а иногда и парадоксальном положении. В начале НЭПа были случаи, когда некоторые члены партии еще сидели в местном Совете,

а другие уже сидели в местной тюрьме; всякий контакт с известными ЧК членами еще „легальной” партии грозил арестами; работа меньшевиков в профессиональных союзах и выступления на собраниях стали почти невозможными; никакие легальные печатные выступления не допускались; вскоре, по примеру царского режима, была восстановлена ссылка, куда политических преступников высылали без суда, по заочному административному приговору.

В таких условиях продолжение легальной деятельности партии становилось невозможным. Однако переход в подполье происходил медленно и закончился только в конце 1922 г. Было ясно, что этот переход был не только организационным, но и политическим шагом, так как он мог изменить весь характер партии. Оставаясь по-прежнему партией „либеральной” или „реформистской” по отношению к советскому режиму, она должна была действовать легально, а переход в подполье означал бы превращение ее в более радикальную, если не революционную партию. Правое течение не возражало против такого превращения, но большинство партии и ее вождей не было готово к такому разрыву со своим прошлым. Были и психологические мотивы против перехода на нелегальное положение. Выйдя в 1917 г. из царского подполья в качестве победительницы, партия привыкла за эти немногие, но бурные годы, к широкой политической деятельности, от которой трудно было отказаться. Большинство членов партии пережили полосу поражений, разочарований и преследований — многие ушли из партии, другим трудно было вернуться в тяжелые условия подпольной жизни. Среди меньшевиков господствовало убеждение, что за 25 лет существования партии она никогда не была в таком трудном положении, как в этот период. Только основные кадры партии и партийная молодежь сохраняли активность, а по временам бодрость и оптимизм — убеждение, что „так долго продолжаться не может”.

В конце 1921 г. ЦК писал в письме к местным партийным организациям, что во время НЭПа усиление капиталистических тенденций при ослаблении пролетариата и запрещении его организаций грозит неминуемым крахом революции. Поэтому необходимо всеми силами закрепить партийные организации:

„Партия, вынесшая на своих плечах столько гонений и устоявшая в борьбе последних четырех лет при неслыханном терроре как партия легальной оппозиции, должна принять все меры, чтоб в этот переходный момент, в канун, может быть, решающих событий, скрепить и усилить свой партийный аппарат.”

Считаясь с возможностью „решающих событий”, партия признавала легальность особенно необходимой, как средство сохранить свою организацию для будущих более благоприятных условий. Поэтому ЦК подчеркивал в своем письме, что РСДРП остается широкой массовой партией, а не подпольным кружком.¹⁶

Но действительное положение было таково, что в начале 1922 г. партия оставалась на поверхности только в Москве, а в других местах, особенно в Петрограде и на Украине, она фактически ушла в подполье. Нажим на ЦК в смысле разрешения перехода на нелегальное положение делался разными организациями со всех сторон. И ЦК, в принципе отрицая подполье, вынужден был давать местным организациям разрешение на переход на нелегальное положение. Из Москвы писали Заграничной делегации:

„Наше положение здесь становится совершенно нестерпимым, и при всем самообладании порою кажется, что нет другого исхода, как взять красное знамя и выйти на улицу.”

Главный комитет РСДРП на Украине требовал создания паспортного бюро и других условий, необходимых для конспиративной работы. В ЦК же только правый В. Дабкин был против легальности, а крайне левый А. Плесков, вскоре ушедший из партии, категорически настаивал на соблюдении всех правил легального существования.

Разрыв между принципом и реальностью углублялся. Выход был найден в компромиссе: партия оставалась легальной, но аппарат ее перешел на нелегальное положение. Вопрос обострился после того, как 3 июля 1922 года заседание Бюро ЦК, члены которого уже жили на нелегальном или полунелегальном положении, было накрыто ГПУ, но участники его спаслись от ареста благодаря глупости явившихся на заседание чекистов. Тем не менее, в августе ЦК партии еще раз обратился к местным организациям с указанием на необходимость сохранить легальность, а Московский комитет

исключил из партии лиц, отказавшихся признать свою партийную принадлежность на допросах в ГПУ. Этот вопрос много раз обсуждался в ЦК, который еще 23 февраля 1922 г. постановил, что признание на допросах является обязательным.¹⁷

Партийное совещание, состоявшееся в Москве в октябре 1922 г., подтвердило принцип легальности, но с существенной поправкой:

„Всем местным организациям предлагается законспирировать главные отрасли работы и их активные силы, оставаясь в то же время на старой принципиальной позиции борьбы за право открытой оппозиции рабочего класса.“¹⁸

К концу 1922 г. не только законспирированный аппарат, но и вся партия, вернее уцелевшие на воле ее остатки, были в подполье. Опыт показал, что переход на нелегальность, внося ясность в положение и ограждая членов партии от ненужного риска, способствовал оживлению деятельности местных организаций. 16-17 октября 1922 г. Г. Кучин писал от имени Бюро ЦК Заграничной организации по этому поводу следующее:

„Наступил несомненно кризис партийной работы. Некуда податься. Во многих местах наличный состав организаций целиком на виду, точно под колпаком, а главные силы давно в ссылке. Острый голод, поразивший города южной Украины, создает обстановку умирания, в которой все стремления никнут, падают. Во многих местах на заводы не проникнешь (это тебе не царский режим)... Для ряда мест неминуемо дальнейшее продолжение этого процесса и при длительности террора — окончательный распад организаций.“

Так закончился парадокс видимой легальности и фактического подполья.

Те взгляды, которые определяли отношение большинства партии и ее отдельных течений к вопросу о легальности, определяли также их политику по отношению к выборам в Советы. В течение 1921 и 1922 гг. в этой политике, как и во многих других пунктах партийной платформы, тоже произошел перелом. Чем больше уменьшалась для партии возможность широкой политической деятельности, тем большее значение, с точки зрения легальности, приобретала возможность выступлений в Советах и особенно в избирательных

кампаниях. В сущности эти выступления стали единственной формой проявления номинальной легальности партии.

В апреле 1921 г. были назначены перевыборы в Московский совет; меньшевики получили 18 депутатов вместо 45 в прежнем Совете. ЦК РСДРП подал заявление в Исполком Московского совета, в котором он протестовал против подтасовки выборов и писал:

„Перевыборы назначаются в момент, когда свыше 100 членов РСДРП, арестованных без предъявления к ним каких-либо обвинений, содержатся в Бутырской, Таганской, Новинской тюрьмах и на Лубянке... Тысячи из них (рабочих — С. В.) будут лишены возможности свободно выразить свою волю путем отдачи своих голосов тем, кому они доверяют.”¹⁹

В этих условиях нельзя было ожидать успеха от выборов. Тем не менее Московский комитет партии деятельно готовился к ним, организовывал выступления где это было возможно и издал предвыборное воззвание, в котором призывал избирателей добиваться свободных выборов и обеспечения гражданских прав. Несмотря на полицейские препятствия, меньшевикам удалось провести в Совет нескольких депутатов, которые выступали на первых же заседаниях Совета с речами о терроре, о подтасовке выборов и по продовольственному вопросу; за их резолюцию голосовало несколько сот беспартийных. На заседании Совета 14 мая меньшевистская фракция внесла запрос об избииении политических заключенных в Бутырской тюрьме 25 апреля и добилась назначения комиссии для расследования этих событий. Беспартийные потребовали, чтобы их представители были введены в комиссию, но их предложение было отвергнуто и комиссия, составленная из одних коммунистов, никаких положительных результатов не дала. На втором заседании Совета 31 мая представитель РСДРП Б. Двинов внес предложение гарантировать неприкосновенность депутатов Совета. Это предложение было поддержано беспартийными, что вынудило коммунистов принять его, однако с поправкой, что арест депутата может быть произведен не с разрешения Совета, а „с ведома президиума”.²⁰ Однако с этой поправкой депутатская неприкосновенность теряла всякую силу.

В провинции положение было не лучше. Накануне выборов ГПУ часто арестовывало всех известных ему меньшеви-

ков, на избирательных собраниях делались угрозы меньшевистским кандидатам и голосующим за них избирателям, подсчет голосов бывал фальсифицирован и местные Советы иногда исключали меньшевистских депутатов. Несмотря на все это меньшевикам иногда удавалось проводить небольшое число депутатов. Так, в Одессе на выборах в мае 1921 г. было избрано 24 депутата, но 12 из них были „разъяснены”, а два уже давно сидели в тюрьме. В Харькове осенью 1921 г. меньшевики участвовали в избирательной кампании и выпустили листовку с требованием свободных выборов и демократизации режима. Накануне выборов было произведено около 300 обысков и около 120 арестов. Ни один меньшевик не был выбран.

Во второй половине 1921 г. в партии усилились сомнения, следует ли участвовать в таких Советах и таких выборах. В январе 1922 г. в Москве были назначены новые выборы в Совет и в ЦК был впервые поставлен вопрос о том, участвовать ли в них. Противники участия указывали, что выборы уже не дают никаких результатов и только приводят к новым арестам; кроме того, присутствие меньшевиков дает власти возможность поддерживать иллюзию о свободных выборах и торжествовать „победу” над ее противниками. Но сторонники участия в выборах, настаивавшие на сохранении всех форм легальной деятельности, имели в ЦК большинство. Партия участвовала в выборах и провела 5 депутатов — это были последние выборы в Советы, в которых она участвовала.

Еще в конце 1921 г. ЦК указывал в письме к партийным организациям, что РСДРП остается „широкой массовой партией рабочего класса” и поэтому должна „активно участвовать, где возможно, в выборах в Советы рабочих депутатов и в работах самого Совета”, „в профессиональных союзах, кооперативах, рабочих комитетах помощи голодающим, во всех вообще пролетарских организациях. Особенное внимание следует обратить на молодежь”.²¹

По мере погружения партии в подполье менялось и ее отношение к участию в Советах. Выставление кандидатов и их выступления означали арест, голосовавшим за них — безработицу. На отказ от участия в Советах партия шла сопротивляясь, вынужденно, подчиняясь внешним условиям,

делавших это участие совершенно невозможным и требовавшим бесполезных жертв. На такое отношение к этому вопросу влиял характерный оптимизм, которым отличались не только высшие, сколько средние слои партийного руководства. Многие из них были убеждены, что в системе диктатуры скоро должен наступить перелом и что в ожидании его необходимо любой ценой сохранить завоеванные партией позиции. Только летом 1922 г. ЦК постановил бойкотировать выборы, подчеркивая, что этот бойкот означал не попытку срыва выборов, а только неучастие в них, другими словами, он представлял собою форму протеста против террора, а не против политической системы Советов. В циркулярном письме местным организациям 7 сентября 1922 г. Бюро ЦК писало:

„Повсюду на местах уничтожены последние легальные возможности. Вырождение Советов достигло своего предела... Неучастие в выборах является формой, которая напрашивается сама собой. Из ряда мест сообщается, что в последнее время товарищи сами подняли об этом вопрос. В данных условиях на стороне позиции 'неучастия' имеются выгоды явственного протеста и четкого разоблачения специфического характера выборов; нет ни капли затушевывания. Конечно, тактика активного бойкота противоречит нашему тактическому и политическому положению в отношении к данной власти. Поэтому Бюро ЦК не дает лозунга широкого 'срыва' выборов, лозунгов, которые основаны на развязывании движения.”

Для объяснения перемены в своей тактике Бюро ЦК в сентябре 1923 г. выпустило листовку „Выборы в Советы. Ко всем рабочим, ко всем трудящимся в России”, в которой оно выражало свою мысль в более резкой форме. Бюро писало, что русский пролетариат по вине власти безоружен и распялен перед лицом возрождающегося в России капитализма и надвигающихся мировых событий, что в такой обстановке выборы в Советы — „жалкая комедия”, потому что „призраки тюрьмы, ссылки, расчета стоят у входа на избирательное собрание”. Избирателям партия говорила: „Не отдавайте своих голосов коммунистическим назначенцам. Пусть они проходят голосами комячеек.”

Заграничная делегация в заседании от 9 сентября 1922 г. одобрила решение Бюро ЦК о неучастии в выборах. В правом

течении партии полного единогласия по этому вопросу не было, а самый вопрос не представлялся особенно важным, как вопрос не принципа, а целесообразности. Часть правых еще в 1918 г. была против участия в Советах. На этой точке зрения стояла и внепартийная группа „Заря”, которая считала, что меньшевизм впадал в противоречие, когда считал выборы фарсом, и в то же время призывал участвовать в них, тем более, что Советы не законодательные учреждения, а органы власти и их члены — представители власти, а не народа.

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ В РОССИИ.

Партийная организация

В конце сентября 1920 г. Ю. Мартов приехал в Берлин, а в начале ноября приехал и Р. Абрамович. Оба они выехали из России легально, по визе, выданной народным комиссариатом иностранных дел на основании постановления ЦК РКП. Этот либеральный акт правительства в ответ на просьбу Мартова и Абрамовича о визе, в которой они указывали, что едут за границу, чтоб представлять там свою партию, был вызван особыми причинами. В то время Коминтерн готовился к большому выступлению на Западе — на съезде германской Независимой рабочей партии — и это было одним из тех редких случаев, когда коммунисты считали нужным, по выражению Мартова, „сходить в баню”, чтобы предстать на Западе в опрятном виде.

Приехав в Берлин, Мартов и Абрамович вместе с Евой Бройдо и со вскоре приехавшим Д. Далиным образовали Заграничную делегацию РСДРП, от имени которой 1 февраля 1921 г. вышел первый номер „Социалистического вестника”. В январе несколько видных деятелей партии получили после тюремной голодовки разрешение на выезд за границу, среди них члены ЦК — Ф. Дан, Б. Николаевский и И. Юдин. Данная им неделя на сборы была использована для созыва последнего расширенного пленума ЦК, а приехав в Ригу и в ожидании германской визы, они выступали на ряде собраний.

По приезде в Берлин члены ЦК Дан, Николаевский и Юдин вошли в Заграничную делегацию, в которую затем вошли член ЦК А. Югов, а также кооптированные в нее Г. Аронсон — в 1922 г., Б. Двинов — в 1923 г., М. Кефали — в 1924 г. и С. Шварц — в 1926 г.

Между тем высший орган партии в России был реорганизован. ЦК партии, не переизбиравшийся с 1917 г. вследствие невозможности созвать всероссийский партийный съезд, пополнялся кооптацией. В конце августа 1921 г. совещание, созванное ЦК, постановило произвести перевыборы и даже наметило кандидатов, но осуществить этот план уже не удалось. ЦК сносился с местными организациями письменно, с оказиями, или посредством объезда их его уполномоченными; иногда местные организации присылали в ЦК уполномоченных для получения информации и директив. Раньше местные комитеты выбирались на общих собраниях членов партии, но репрессии сделали регулярные выборы невозможными. В некоторых городах были введены двухстепенные выборы, в других — комитет составлялся по соглашению между фракциями, причем имена выбранных не сообщались даже членам партии. Состав комитетов из-за репрессий был текучий. В большинстве организаций существовали Красно-крестовские группы для помощи арестованным и ссыльным. В состав РСДРП входил социал-демократический Бунд, имевший свой ЦК и местные комитеты. Представитель ЦК Бунда входил в ЦК РСДРП. Совместная работа этих двух организаций происходила гладко, без серьезных трений.

В июле 1922 г. ЦК был разгромлен полицейскими облавами. Оставшиеся на воле, жившие нелегально члены ЦК образовали Бюро ЦК, состав которого менялся вследствие частых арестов, а для текущей работы было избрано „Малое бюро“ из трех лиц (вначале Г. Кучин, И. Рубин и В. Дабкин). В октябре Заграничная делегация, по-видимому, с согласия Бюро ЦК, утвердила новую „конституцию“ партии, согласно которой: 1. Коллегия ЦК составляется из Бюро ЦК и Заграничной делегации. 2. В состав Заграничной делегации, наряду с ее нынешними членами, входят все прибывающие за границу с согласия партийных центров члены ЦК; самополнение Делегации за этими пределами не допускается. 3. Бюро ЦК утверждается постановлениями ЦК и пополняется избранием

кандидатов по соглашению с Заграничной делегацией. Таким образом, общее руководство партией было сосредоточено в руках ЦК, состоявшего из двух равноправных частей: Бюро ЦК в Москве и Заграничной делегации в Берлине. Для важных решений, публикуемых за подписью ЦК, требовалось согласие обеих частей, а по менее важным вопросам достаточно было решения либо Бюро ЦК, либо Заграничной делегации.

Сношения между Бюро ЦК и Заграничной делегацией происходили по всем правилам конспирации. Законспирированы были имена лиц и городов, например, фраза „Мира встретила у Нади с Ириной“, значила бы, что Либер встретился в Петрограде с Петренко, видным ростовским меньшевиком. В длинных и наспех написанных письмах авторы их, отвыкшие от конспирации, иногда делали тяжкие промахи; так, в письме Заграничной делегации Бюро ЦК сообщило информацию, полученную от „жены Ириночки“, очевидно, жены Петренко — Екатерины.

Отношения между Заграничной делегацией и Бюро ЦК не всегда были дружественными. По важным политическим вопросам, вроде единого фронта, Интернационала, процесса эсеров, между ними обычно было полное согласие. Но две менее важные причины вызывали раздражение в Бюро ЦК: отъезд за границу многих партийных вождей вызывает недовольство в местных организациях, и вопросы престижа, к которым члены Бюро ЦК были чувствительны.

Вопрос об эмиграции был поднят перед отъездом за границу Ф. Дана, Б. Николаевского и других в январе 1922 г. Состоявшийся до их отъезда пленум ЦК разбирал вопрос о каждом из них отдельно. В конце концов разрешение на выезд было дано всем заявившим о желании уехать — не воспользовался этим разрешением только Ф. Череванин — но в прениях было высказано резкое недовольство их „бегством“. Впоследствии, когда число уехавших выросло, Бюро ЦК приняло резолюцию о необходимости бороться со „стихийной“ отъездов. Сами уезжавшие смотрели на дело иначе. Все они прошли через длительное тюремное заключение, нередко и голодовку, а некоторым из них виза на выезд была дана взамен ссылки. Своему отъезду они не придавали большого значения в убеждении, что их эмиграция не может быть длительной — год-два, не больше.

Для остающихся эмиграция имела еще и другое значение. Случилось так, что уехали главные вожди партии, а остались в Бюро ЦК руководители меньшего масштаба. Они отнюдь не согласны были занять второе место после Заграничной делегации, тем более, что они несли ответственность за ту работу, которую партия еще могла вести, и жили в тяжелых условиях подполья, под постоянной угрозой ареста, концлагерей и ссылки. Уже летом 1921 г. на этой почве начались трения между обеими частями ЦК. Обширная переписка между ними не удовлетворяла Бюро ЦК, которое находило в ней симптомы политического недоверия и упрекало эмигрантов в том, что они оторвались от России и не понимают реальных условий, в которых Бюро приходится действовать. Уже 9 июня 1921 г. Бюро ЦК писало в Берлин: „Не искажена ли у вас перспектива?“

В дальнейшем эти трения не смягчались, а углублялись. Так, Г. Кучин от имени Бюро ЦК упрекал в письме от 16-17 октября 1922 г. Заграничную делегацию (эмигрантов) в „самодовольстве“ и в том, что, сидя за границей, они взяли на себя миссию сохранить резервы партии, в то время как в России такой подход считался симптомом распада. „Указанные нотки ваших настроений для нас крайне неприятны. Они указывают на большой психологический отрыв от нас.“ Бюро ЦК чувствовало, что в вопросах политического руководства Заграничная делегация не считает его равным себе и это оскорбляло Бюро: „С Заграничной делегацией шла интенсивная переписка, — писал Кучин. — Ответы нас не удовлетворяли. Мы все время считали, что подлинной переписки, обмена мнений у нас нет.“ Разногласия между обеими руководящими группами возникли также в связи с вопросом о включении представителей правого течения в Бюро ЦК.

Отмеченное выше сближение, происходившее в России между правым течением и партийным большинством — при ничтожной роли крайних левых — не нашло отражения за границей, где фракционная борьба продолжалась с прежней остротой. Это сближение привело к тому, что партийное совещание, состоявшееся в Москве в октябре 1922 г. и утвердившее состав Бюро ЦК, постановило ввести в Бюро представителя правых, который должен был быть ими назначен и утвержден ЦК, т. е. и Бюро и Заграничной делегацией.

Однако и в России сближение между обоими течениями в партии было далеко не полным. Разногласия между ними продолжались, в частности, оставалось не лишённое основания обвинение правого течения в идейной, хотя и не организационной, близости с внепартийными правыми меньшевиками, с которыми большинство не хотело иметь никакого дела. Тем не менее, в результате поправления большинства острее внутривнутрипартийных разногласий притупилось, и создались политические и психологические предпосылки для искреннего сотрудничества. Кроме того, разгромленные арестами партийные организации стремились консолидировать свои небольшие, оставшиеся на воле силы. Таковы были соображения, побудившие партийное совещание принять решение о включении представителя правых в Бюро ЦК. Это решение оправдалось на деле: опыт показал, что разногласия усиливались при вынужденном безделье и сглаживались на совместной работе.

Во исполнение решения совещания Бюро ЦК уполномочило Г. Кучина и И. Рубина вести переговоры с правыми, представителями которых были Либер, Богданов и Буксин. В этих переговорах представители Бюро ЦК подчеркивали свой отказ признать существование организованной фракции внутри партии. Цель переговоров состояла в выяснении позиции правых; перед их началом Бюро ЦК в резолюции от 23 октября 1922 г. постановило:

„1. Приветствовать живую инициативу, направленную на идейное и организационное сплочение партийных рядов.

2. На основании решения всероссийского совещания провести по соглашению с товарищами, принадлежащими к так называемому «правому» течению, персональное включение кого-либо из них в состав Бюро ЦК, сообщив кандидатуру Заграничной делегации.

3. Подтвердить необходимость обеспечения свободы выявления идейно-групповых течений внутри партии при «обязательстве единодушного проведения».”

При этих встречах главную роль со стороны правых играл Либер. В 1918 г. он вышел из партии вследствие политических разногласий с ней, но в мае 1922 г. подал заявление о желании вернуться в партию и был принят, несмотря на то, что у него были серьезные разногласия с партией. В перегово-

рах Либер отстаивал точку зрения правого течения, которое он представлял, и заявил, что при всех разногласиях, он готов лояльно работать с большинством. Главные разногласия состояли в том, что правые по-прежнему не верили в демократическую эволюцию советской власти; они считали, что лозунг демократической республики должен быть не теоретическим, пропагандистским, а непосредственно актуальным; они были против единого фронта с Коминтерном, следовательно, против Венского Интернационала, и считали допустимым только отдельные соглашения с западными коммунистами по практическим вопросам.

В начале переговоров правые поставили широкие требования: Богданов предлагал реорганизовать ЦК партии ввиду того, что правые, по его мнению, составляли в ней большинство, а Либер хотел широкого объединения, включая внепартийных правых. Эти требования были отвергнуты Бюро ЦК, но правые добились признания их как идейной группы и соглашение было достигнуто; Либер был введен в Бюро, а в 1923 г. его заменил представитель правых Васильев. В то же время в Московский комитет партии были введены трое правых. В местных организациях это соглашение было встречено с удовлетворением, но в Бюро ЦК первые заседания с представителями оппозиции не всегда проходили гладко. „Было много споров, пререканий, взаимного недовольства, — писал Кучин, — но в общем новая организационная политика оправдала себя, введя в партийную работу ряд активных и ответственных сил. Это можно сказать определенно.” Бюро ЦК в резолюции от 15 ноября 1922 г. формулировало принципы, на которых соглашение было построено, следующим образом:

„Исходя из интересов привлечения к активной работе товарищей всех имеющихся в партии течений, [Бюро] постановляет: 1. подтвердить свободу оформления идейных группировок внутри партии, 2. подтвердить одновременно недопустимость закрепления формально организационного существования фракций в партии. Вследствие этого: а) товарищи, отражающие то или иное течение в партии, будучи избраны в партийный орган, входят в него и находятся в нем на равных правах со всеми, а не в качестве формальных делегатов какой-либо организованной части партии; объеди-

нение [данного] течения носит исключительно идейный характер.”

Соглашение могло окончательно вступить в силу только с согласия Заграничной делегации, которая относилась к нему без всякого энтузиазма и уже совсем не одобряла введения в ЦК Либера. Между обеими частями ЦК началась длительная переписка. В Заграничной делегации в декабре было подано два голоса (Р. А. Абрамовича и Г. Я. Аронсона) за предложение примириться с кооптацией Либера, но предварительно запросить Бюро о нынешней позиции правых в России; остальные были против этого предложения. Бюро ЦК ответило на это решение письмом за подписью всех его членов, в котором оно писало, что вето против Либера „принесло бы делу крайний вред”. В феврале Делегация постановила, что участие правых в ЦК возможно и желательно, только если будет гарантировано соблюдение партийной линии. Наконец, в марте включение в ЦК Либера как представителя правых было одобрено Заграничной делегацией пятью голосами против четырех. После этого Бюро ЦК писало Заграничной делегации, что ее отношение к этому вопросу „совершенно не соответствует нынешней атмосфере в партии”, вызывает „старые осложнения” и затрудняет работу над соглашением внутри партии. В положении, в котором партия находилась в России в начале 1923 г., эта полемика уже носила скорее абстрактный, чем злободневный характер.

К этому времени лишь горсточка членов партии осталась на воле и в подполье, а значительное большинство находилось в тюрьме и ссылке. Несмотря на это, Бюро ЦК выработало новый устав для местных организаций партии и „особо конспиративно” устав для „групп сочувствующих РСДРП”. В основу этих уставов Бюро ЦК положило следующие принципы, изложенные в постановлении от 19 января 1923 г.:

„а) Член партии должен признавать программу и тактику партии, подчиняться партийной дисциплине и платить членский взнос. Каждый член партии обязан состоять в определенной ячейке местной организации. Партийные организации должны обратить особое внимание на обязательный сбор членских взносов и на необходимость постоянной связи каждого товарища с соответствующим коллективом партии.

б) Члены партии группируются в ячейки по предприятиям и учреждениям или, при невозможности этого, в десятки, пятерки и т. п., которые в свою очередь там, где это необходимо (в больших организациях), объединяются в районы. Незначительные по количеству ячейки в предприятиях и учреждениях входят в соответствующую десятку и т. д.

в) В каждой местной организации должен быть сконструирован постоянно действующий представительный орган из представителей ячеек с учетом их количественного состава. Все важнейшие политические и партийные вопросы ставятся периодически на обсуждение этого органа (конференции).

г) Комитеты местных организаций в виде общего правила должны быть выборными; в отдельных случаях, по общему состоянию организации или по конспиративным причинам, допускаются исключения.”

Это был устав, приспособленный к фактически нелегальным условиям деятельности партии. В этих условиях „наибольшие свои силы партия должна бросить на печатную агитацию, посвященную подведению итогов советской политики во всех областях, разоблачению существа окружающей политической обстановки и формулировке очередных задач пролетариата”.

Агитация должна была быть направлена, главным образом, в среду промышленных рабочих, но также и советских служащих, которые по своим культурным, психологическим и бытовым условиям „предъявляют ряд резких особенностей”; о других группах населения, в частности, о крестьянах, постановление Бюро ЦК не упоминало. Оно считало необходимым вести пропаганду в виде изучения в кружках программы и тактики партии, а „в переживаемый переломный момент” также усиленно заниматься вопросами партийной идеологии.

Устав групп сочувствующих определял, что членом их может быть всякий, сочувствующий программе и тактике РСДРП, рекомендованный членом партии. Каждый член такой группы должен „строжайше соблюдать правила конспирации”, оказывать партии „мелкие услуги” и участвовать „в непосредственно «боевой» работе (организация побегов, работа в типографии, расклейка листовок и т. п.) исключительно по желанию”.

Партийная работа

Весной 1921 г. на Россию обрушился страшный голод. Миллионы людей погибали от голода и недоедания, случаи каннибализма были официально зарегистрированы, а до нового урожая было далеко. Нужна была самая срочная помощь. В июне и июле ЦК РСДРП обратился с воззванием к западным рабочим организациям с призывом о помощи голодающим, а 5 августа такое же воззвание было передано по радио из Москвы от имени ЦК. Заграничная делегация подняла вопрос о помощи в Венском и Амстердамском Интернационалах, которые издали соответствующие обращения к своим организациям. Попытка Заграничной делегации организовать „Международный рабочий комитет помощи” сорвалась вследствие политических разногласий среди социалистических партий. В России РСДРП видела спасение в самостоятельности рабочих организаций и призывала к созданию комитетов при профессиональных союзах, кооперативах и т. п., но отказалась участвовать во Всероссийском общественном комитете помощи голодающим, созданным по соглашению с советским правительством группой радикальной интеллигенции во главе с Прокоповичем, Кусковой, Кишкиным — элементами, с которыми РСДРП не склонна была сотрудничать. Свой отказ участвовать в этом комитете партия мотивировала тем, что он создан без участия широких демократических кругов и был в зависимости от бюрократической опеки.

Другую большую политическую кампанию РСДРП повела по поводу процесса эсеров. В феврале 1922 г. были арестованы и преданы суду 47 членов этой партии, в числе их видные лидеры. Этот первый большой политический процесс в советской России начался в июне и продолжался около двух месяцев. Эсеры были обвинены в том, что они агенты Антанты, что они покушались на жизнь советских вождей и т. п. Шум поднятый по этому поводу в советской прессе, характер обвинительного акта и наличность среди подсудимых двух явных агентов ГПУ не оставляли сомнения в том, что обвиняемым грозит смертная казнь.

Кампанию протеста против этого процесса меньшевики вели всеми доступными им средствами и в России и за гра-

ницей, не забывая при этом о серьезных разногласиях, которые возникали у них с эсерами во время гражданской войны, и избегая действий, которые могли бы быть поняты как солидаризация с политикой эсеров. Они протестовали против процесса как неприкрытого акта террора, фактически бессудной расправы с оппозиционерами, как одного из тех явлений, которые губят революцию и которые должны быть изъяты из жизни революционной страны немедленно и без остатка. Уже 18 марта ЦК издал листовку, в которой он давал политическую оценку процесса, как имеющего целью оправдать и узаконить режим террора.

В ЦК РСДРП поступило предложение эсеров, чтоб представители ЦК выступили на процессе в качестве защитников. Левые — Бэр и Плесков — настаивали на том, что РСДРП должна политически отгородиться от эсеров, а правые требовали безоговорочной защиты, видя в ней общее дело обеих партий и угрожая от имени „бюро” правой фракции, что они выступят на процессе и без разрешения ЦК. После острых прений на нескольких заседаниях ЦК решил выступить на процессе в их защиту, не скрывая политических разногласий с ними; в качестве защитников выбраны были правый С. Вайнштейн, центрист И. Рубин и левый Б. Бэр. Как уступка левым решено было послать соответствующую декларацию в „Правду” и „Известия”, которые ее не напечатали, а переслали в ГПУ.

ЦК послал в Военный трибунал заявление о своем желании участвовать в процессе, но получил отказ на том основании, что меньшевики будут заниматься в суде контрреволюционной пропагандой. ЦК опротестовал этот отказ во втором заявлении, поданном Трибуналу 1 июня. Уже во время процесса на 20 июня была назначена массовая демонстрация в Москве с требованием смертной казни для обвиняемых. За два дня до демонстрации ЦК издал воззвание к московским рабочим с призывом не участвовать в ней, потому что „вас зовут на демонстрацию под лозунгами, несслыханными в истории рабочего движения, чудовищно позорными для дела социализма”.²² Когда в Москву приехали защитники эсеров, лидеры социалистических партий — Э. Вандервельде, Т. Либкнехт и К. Розенфельд — ЦК подал им меморандум о действительном положении дел и распространил этот мемо-

рандум среди рабочих. По делу эсеров ЦК выпустил семь листовков.

В Заграничной делегации тоже было опасение, что безоговорочная защита эсеров может создать впечатление о солидаризации РСДРП с ПСР: острые разногласия, возникшие между обеими партиями в течение последних четырех лет, не были изжиты. Однако, „Социалистический вестник” и представители РСДРП в Интернационале повели настойчивую кампанию против процесса, а попутные указания на разногласия с эсерами не смягчили, а скорее увеличили силу протеста. „Социалистический вестник” напечатал ряд статей о действительном смысле обвинения и корреспонденции из Москвы о ходе процесса, а Мартов носился с мыслью поехать в Москву и выступить защитником обвиняемых.

14 марта Заграничная Делегация отправила телеграммы Исполкомам Второго и Венского Интернационала, в которых она указывала, что „выдвиганием вновь давно забытых эпизодов гражданской войны большевики хотят начать новую полосу террора. Предстоят новые расстрелы. Требуем от всех интернациональных организаций и примыкающих партий немедленного самого энергичного вмешательства, чтоб предотвратить готовящееся преступление”.

12 июня Заграничная делегация РСДРП, Бунд, ПСР и левые эсеры издали общее обращение „к социалистическим партиям и рабочим организациям” на Западе с призывом поддержать обвиняемых эсеров. У меньшевиков теперь было дополнительное основание для протеста: в опубликованном обвинительном акте против эсеров было постановлено „выделить как не связанных непосредственно с рассматриваемым делом, либо как находящихся за границей” несколько видных либеральных деятелей, а также Мартова, Дана и Абрамовича, явно не имевших никакого отношения к делу.

В начале апреля в Берлине состоялась конференция представителей трех Интернационалов по вопросу о „едином фронте”. При поддержке меньшевиков от представителей Коминтерна было получено обещание, что суд над эсерами будет происходить при открытых дверях, что подсудимым не будут вынесены смертные приговоры и что им будет дано право выбрать своих защитников. Эти обещания были нарушены советским правительством. Иностранные защитники,

представители социалистических партий, были поставлены в такие условия, что в середине процесса они заявили протест и уехали домой, а 14 обвиняемым был вынесен смертный приговор, который не должен был быть приведен в исполнение, если эсеры воздержаться от „контрреволюционных” выступлений. Этот приговор вызвал новый протест РСДРП: 9 августа ЦК издал листовку, в которой он протестовал против характера, который принял суд и против института заложничества, введенного приговором в советское судопроизводство.

Условия, в которых партия жила в первые годы НЭПа, приводили ее в положение растущей изоляции. Все попытки „пробиться в массы” были тщетны и связи с рабочими сокращались. Создалось, как указывал в отчете Центральный комитет, положение, при котором „укрыться от шпионажа комячейки или от ее диктаторской власти на фабрике не было никакой возможности. Если на какой-либо фабрике сохранилась сплоченная группа оппозиционных рабочих (с[оциал]-д[емократов] или сочувствующих с[оциал]-д[емократам]), которым удавалось избрать свой завком или своего депутата в Совет, большевики не останавливались ни перед чем, чтоб разбить эту группу. На фабрику назначался новый директор-коммунист, к фабрике прикомандировывались агитаторы-коммунисты, часть из них переходила работать к станкам. Рабочим не выдавали достаточно продовольствия и жалования, не расширяли производства и обещали улучшить условия труда, когда будет коммунистический завком или депутат”.

К тому же полное отсутствие финансовых источников почти лишало партию возможности найти средства даже для самых насущных потребностей, для содержания небольшого платного аппарата, издания листовок и помощи арестованным. Однако деятельность законспирированного аппарата продолжалась, хотя и с перебоями. В конце 1921 г. Петроградский комитет партии еще имел связи с рабочими, изредка издавал листовки и находился, в отличие от Москвы, под преобладающим влиянием правых. В Москве, несмотря на многочисленные аресты, произведенные в 1921 г., партийная работа к концу года несколько оживилась. Было решено произвести перевыборы Московского комитета и перереги-

страцию членов партии. Эти последние выборы в Московский комитет происходили на небольших конспиративных собраниях по районам, на которых были представлены доклады от ЦК и содоклады от правых, причем большинство поддержало линию ЦК. При перерегистрации было зарегистрировано 300 членов партии.

Более интенсивно шла работа на Украине. В конце 1921 г. Главный комитет Украины выработал тезисы о профессиональном движении, о кооперативах и о едином фронте. По первым двум пунктам фракционных разногласий не было, а политическая резолюция за единый фронт была принята большинством против трех. Главный комитет поддерживал связь с двенадцатью местными организациями. В Киеве наблюдались упадочные настроения, а в Полтаве и Кременчуге меньшевики отказались от участия в выборах в Советы. В Харькове они издали на ротаторе несколько номеров газеты „Социал-демократ”; при голосовании политической резолюции за линию ЦК был подан 51 голос, за оппозицию — 50 и местный комитет был составлен в соотношении 5 к 4. Старые меньшевики были в Харькове среди квалифицированных рабочих, и среди них господствовал бодрый дух, в отличие от широких масс, среди которых преобладала апатия. Из Москвы Г. Кучин сообщал Заграничной делегации в письме от 16 февраля 1922 г., что сообщали, что на Украине „широкой работы нет, состояние организации подпольное, но внутренние силы организации собраны”. В сентябре 1921 г. Главный комитет издал циркуляр против идеи свертывания партийной деятельности, которая имела сторонников не только в Киеве, но и в Одессе, Екатеринославе и других городах; эта тенденция существовала и в Москве, но она нигде не имела большинства. В 1922 г. возникли новые партийные организации в Бердичеве, Белой Церкви, Кременчуге и Ростове, в значительной степени благодаря помощи Союза молодежи.

Существенную роль в сохранении партийных организаций играл „Социалистический вестник”. Благодаря крайним мерам конспирации, которыми было обставлено его получение, „Социалистический вестник” приходил почти регулярно, причем не было ни одного случая провала. В первые месяцы он получался в количестве 50 экземпляров; число это постепенно росло, дойдя в конце 1922 г. до 800. Зимой 1921-

1922 г. „Социалистический вестник” рассылался из Москвы в 17 городов и в Дальне-Восточную республику. Число полученных экземпляров никогда не удовлетворяло потребности в них.

В России печатные издания стали единственным средством для достижения главной цели партии — „пробиться в массы”. Для регулярных периодических изданий или брошюр не было ни сил, ни средств, ни техники, но были сделаны многочисленные попытки издавать бюллетени, воззвания, листовки и т. п. Этому делу ЦК придавал первостепенное значение:

„Центральной задачей, стоящей сейчас перед партией, является организация партийной печати. В полосу жестокого перелома, когда выявляются итоги российской революции, когда в рабочем классе стихийно нарастает потребность в самозащите и сознание его полно настроений разочарования, вопросов и поисков выхода, с[оциал]-д[емократическое] слово должно возможно шире проникнуть в рабочую среду и именно сегодня дать ясный и плодотворный материал для ее политического и классового сознания.”²³

Последняя легальная меньшевистская газета была закрыта в 1919 г. До 1921 г. нелегальные листки распространялись редко, но с этого времени они часто появлялись и в Москве, и в провинции. В Москве были изданы листовки типографским путем или на гектографе о генуэзской конференции, голоде в России, едином фронте, репрессиях против РСДРП, тюремных голодовках, процессе эсеров и т. п. Петроградский комитет издал в октябре и ноябре 1921 г. три прокламации: к перевыборам Совета, о „победе” коммунистов на выборах и к четвертой годовщине Октябрьской революции.

Нелегальная издательская деятельность партии продолжалась в начале 1923 г. Среди листовок, изданных в это время, некоторые касались годовщины Февральской революции, 25-летнего юбилея партии и оккупации Рура; на некоторых из этих листовок имелась пометка „Типография Бюро ЦК РСДРП”. Такой типографии, конечно, не было. Листовки, изданные типографским путем, были изготовлены с помощью меньшевиков-печатников; так, для листовки о Февральской революции был использован шрифт части первого тома сочинений Ленина. Гектографированные издания

часто изготовлялись советскими служащими в их учреждениях на казенных пишущих машинках и бумаге.

Доклад, подготовленный Г. Кучиным для Заграничной делегации, следующим образом формулирует итоги деятельности партии в 1922-1923 гг.:

1. Интерес к партии у беспартийных, а иногда и коммунистов, есть, в частности, среди молодежи, но закрепить его организационно нет возможности.

2. За год очень изменилась психика с[оциал]-д[емократической] среды. Она, ставши замкнутой, насытилась новыми свежими настроениями активности, преданности и пр. Эти настроения, особенно у молодой части, росли параллельно с разложением легальной среды. Благодаря таким настроениям молодежи, в частности, среди петроградских студентов, появились новые преданные члены партии.

3. Партийные организации все больше превращались в подпольные группы из нелегальных, от которых тянулись нити к пунктам, в которых распространялась нелегальная литература.

В течение 1923 г. издание нелегальных партийных листов и бюллетеней продолжалось, но открытые выступления и даже подпольная работа в форме кружков возможна была только в исключительных случаях.

Союз молодежи

Первая группа социал-демократической молодежи возникла в мае 1920 года в Москве. Эта группа, состоявшая вначале из нескольких человек, вскоре оформилась в Социал-демократический союз рабочей молодежи. Союз проявлял молодую энергию, участвовал, где было возможно, на собраниях, вел борьбу с Комсомолом и в своей оппозиции коммунизму был радикальнее, чем РСДРП. Последнее обстоятельство вызвало беспокойство в партии, бережно охранявшей партийную легальность.

Союз пытался завязывать связи на фабриках и заводах, устраивал собеседования и вскоре привлек внимание ЧК. В августе 1920 г. Союз подвергся полицейскому разгрому, но через полтора месяца его организация была восстановлена и

возобновила свою деятельность. В это время еще была иногда возможность выступать на собраниях молодежи, на которых Союз вел острую дискуссию с Комсомолом. В этих дискуссиях Союз обычно имел успех среди беспартийной молодежи, но добиться слова и говорить было трудно и собрания нередко кончались избиением членов Союза и их изгнания с собрания. Наибольший успех Союз имел в профессиональном союзе печатников, который находился под влиянием меньшевиков.

Осенью 1920 г. организации Союза возникли в некоторых крупных городах, но центр его оставался в Москве; сношения между центром и местными организациями, по общим условиям того времени, были затруднены. В декабре московская организация приняла устав, согласно которому Союз представлял собою автономную организацию, принявшую программу РСДРП. Союз в общем и целом признавал руководство партии, вместе с ней подвергался полицейским репрессиям и поддерживал „Социалистический вестник”.

Среди своих членов Союз вел культурно-просветительную работу, устраивал дискуссии по вопросам политическим, экономическим и литературным, о социализме, рабочем движении и т. п. Вовне Союз устраивал по районам и предприятиям кружки, в которых участвовали молодые рабочие и интеллигенты. В 1921 и 1922 гг. Союз издал ряд листовок и изданий на гектографе: в Москве — „Юный пролетарий”, № 1, декабрь 1920 и „Бюллетень”, три номера в 1921; в Киеве — „Молодое дело”, № 1, 1923; в Одессе — „Бюллетень”, восемь номеров в 1921 и 1922; в Петрограде — „Клич молодежи”; в Харькове — „Юный социал-демократ”, № 1, 1922²⁴ и др. Многочисленные аресты, произведенные среди членов Союза в 1921 г., не уничтожили его. Его руководители, освобожденные в конце года, возобновили работу и создали новые организации в Харькове, Киеве и Одессе.

В тех узких пределах, в которых члены Союза могли работать, они проявляли преданность, даже энтузиазм к тому делу, которому они служили. Много юных социал-демократов, еще не достигших 20-летнего возраста, сидели подолгу в тюрьме, участвовали в голодовках и были отправлены в ссылку. В этом отношении Союз молодежи сильно отличался от комсомола, в котором с начала НЭПа происходил процесс

разложения. Число его членов, особенно из крестьян, падало; на Украине число ушедших, по советским данным, составляло от 30 до 40 процентов общего числа членов. По тем же данным в комсомоле развивалось стремление уйти от политики, перейти с производства в бюрократию и устроить свою личную жизнь. В Иваново-Вознесенске комсомольцы объявили себя „ерундистами” по принципу „все в жизни ерунда”; в резолюции, принятой комсомольцами в Ирбите, сказано: „Да здравствует Эрос и комсомол — носитель эротической жизне-радостности”; в Донбассе [среди комсомольцев] наблюдался большой процент заболеваний венерическими болезнями.²⁵ В одной из своих листовок Союз молодежи писал, что Комсомол существует „на казенных харчах”, но без живого духа.

В конце 1921 г. в деятельности Союза происходило оживление. В Москве союз участвовал в выборах на конференцию беспартийных печатников, на которой он образовал фракцию из 12 членов, за резолюцию которой было подано около четверти голосов. Происходивший в это время приток новых членов в Союз был оборван арестами. Союз выпустил несколько листовок о терроре, комсомоле и др., 1 мая устроил, по традиции царского времени, загородную маевку, но летом вынужден был перейти в подполье. За два года деятельности московской организации Союза 33 его члена подверглись арестам 52 раза и просидели в тюрьме в общей сложности 13 лет.²⁶

Осенью 1922 г. группа бежавших из ссылки членов Союза организовала в Киеве Центральное организационное бюро — руководящий орган Союза. Но мысль об автономном Союзе молодежи глубоких корней не имела. Сохранив внешние организационные формы и особый интерес к проблемам молодежи, Союз был идеологически и практически частью партии, тем более, что многие из его совсем юных членов уже были ветеранами подполья, в котором процесс созревания можно сравнить с таким же процессом, происходившим в первый период существования партии. Значительная часть аппарата, который вел всю партийную организационную работу и нес связанный с нею риск, состояла из членов Союза, из которых некоторые сыграли видную роль в партийных организациях; так, лидер Союза и секретарь Центрального организационного бюро А. Кранихфельд был связан с Бюро

ЦК партии, а в 1922 г. Л. Ланде был секретарем Главного комитета РСДРП на Украине, а Б. Сапир — одним из руководителей харьковской партийной организации. Тем не менее проблема „отцов и детей” не миновала партию. Старшее поколение, отдавая должное идеализму молодежи, считало ее слишком экспансивной и радикальной. Вот что писал об этом Кучин:

„В период разгрома во многих местах юношеские группы фактически начали вести партийную работу. Кое-где были конфликты со взрослыми. Юноши были порывисты и неконспиративны. Но они очень оживили работу... Все эти юноши проявляли удивительную склонность к внешним формам организационного размаха. Чтоб побольше только было групп, побольше изданий... У них у всех страшная потребность в деятельности, рядом с этим все они показались нам „мозговиками”, со склонностью к разного рода ревизионизму... Между собой спорили они до умопомрачения.”

Союз молодежи в большинстве своем состоял из интеллигентов и квалифицированных рабочих, в первую очередь печатников, с преобладанием интеллигентов. Как и партия, Союз видел свою главную задачу в том, чтоб „пробиться в массы”, т. е. найти массовую поддержку и таким образом выйти на широкую политическую арену. Поэтому Союз стремился установить и поддержать связи с рабочими, что ему в некоторой степени удавалось, особенно на Украине. С перерывами, вызванными арестами, Союз продолжал эту деятельность в течение всего 1923 года.

Июнь, 1961 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф. Дан. Два года скитаний. Берлин, 1922, с. 114
2. „Грозное предупреждение” и „Кронштадт”. – Социалистический вестник [в дальнейшем: СВ], 1921, №№ 4, 5.
3. В ЦК в это время входили: Ф. Дан, Б. Николаевский, И. Рубин, О. Ерманский, А. Плесков, А. Трояновский, И. Юдин, А. Югов, С. Ежов и Ф. Череванин.
4. Передовая. – СВ, 1921, № 20.
5. Ю. Мартов. На пути к ликвидации. – СВ, 1921, № 19.
6. Передовая. – СВ, 1921, № 6.
7. Полный текст тезисов напечатан в СВ, 1921, № 21.
8. Ф. Дан, указ. соч., с. 70.
9. Заря (Берлин), 1922, № 4.
10. СВ, 1923, № 1 (47).
11. СВ, 1922, № 5 (27).
12. О Генуэзской конференции см. Р. Абрамович. Пределы Генуи. – СВ, 1922, № 8 (30); Р. Абрамович. Россия в Генуе. – СВ, № 10 (34); Ф. Дан. Итоги Генуи. – СВ, № 11 (33).
13. Полный текст резолюции в СВ, 1922, № 4.
14. В. Ленин. Сочинения, т. 32, с. 171.
15. Там же, т. 33, с. 253.
16. СВ, 1922, № 1 (23).
17. СВ, 1922, № 6 (28).
18. СВ, 1922, № 21 (43).
19. СВ, 1921, № 7.
20. СВ, 1921, № 11.
21. СВ, 1922, № 1 (23).
22. СВ, 1922, № 15 (37).
23. Письмо Бюро ЦК РСДРП местным организациям от 23 августа 1922 г. – СВ, 1922, № 18 (40).
24. Б. М. Сапир. Андрей Кранихфельд. – в сб. Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959, с. 143.
25. Данные из советской прессы приведены в статье „Распад” – СВ, 1923, № 4 (50).
26. СВ, № 23-24 (45-46). См. также СВ, 1921, № 8.

К ИСТОРИИ ПРАВОГО ТЕЧЕНИЯ СРЕДИ МЕНЬШЕВИКОВ

1. Введение

1. Задача настоящей работы — проследить процесс формирования и развития так называемого правого течения в меньшевистской социал-демократии со времени октябрьского переворота 1917 г. Это правое течение не было организационно единым. Напротив, в нем было много различных группировок, ведших раздельное существование. Эта организационная пестрота в иных случаях сложилась исторически еще до Первой мировой войны, окрепла во время войны и сохранилась в период Февральской революции.

Организационные рамки РСДРП (в меньшевистской ее части) всегда отличались чрезвычайной зыбкостью. Элемент принудительный в меньшевизме (так называемая партийная дисциплина и пр.) даже в полосу легальности и полуполюгальности почти не имел реальной силы. Понятие иерархии, субординации, тем более авторитарности и вождизма, ни в какой мере не были характерны для меньшевизма.

2. Когда вскоре после октября 1917 г. на декабрьском съезде РСДРП определилось новое большинство, и составленный на съезде Центральный комитет сделал попытку потребовать от оппозиции подчинения, ему фактически это не удалось. Небольшая группа правых, впоследствии принявшая наименование „внутрипартийной оппозиции”, в известной степени признала „законность” создавшегося на декабрьском съезде положения в партии и приняла на себя бремя лояль-

ности, не переставая отстаивать „право на партию” других группировок правых меньшевиков, которые никогда не признавали официальных партийных инстанций, поскольку не разделяли проводимого ими политического курса. Напротив, они неоднократно и открыто выступали против них и оспаривали их право говорить от лица РСДРП. Достаточно назвать группы правых меньшевиков, которых представлял Г. В. Плеханов со своей организацией „Единство”, А. Н. Потресова, возглавлявшего актив рабочих меньшевиков в Петрограде или Степана Ивановича [Португейса], в эмиграции выпускавшего социал-демократический журнал „Заря”.

3. Вместе с тем важно подчеркнуть характерную почти для всех течений на правом крыле меньшевизма черту: все они, расходясь в основном с так называемой официальной партией, а в оттенках и между собою, неизменно считая себя принадлежащими не только к меньшевистскому направлению в социал-демократии, но и к РСДРП, дорожили фирмой партии, цепляясь за нее, не согласные кому-либо ее уступить. Получалось явление весьма парадоксальное: все правые группировки в меньшевизме, расхивившиеся с ЦК РСДРП (а впоследствии с Заграничной делегацией и центральным органом партии „Социалистическим вестником”), — все оставались патриотами РСДРП, и этот партийный патриотизм в течение долгих лет самостоятельного организационного существования не уменьшался. Все группировки правых меньшевиков, независимо от своих взаимоотношений с официальными инстанциями РСДРП, принадлежат истории меньшевизма.

4. Правое течение в меньшевизме по своим воззрениям не совпадает с тем направлением в международном социализме, которое известно под названием реформистского. В применении к России после октября 1917 г. правых меньшевиков нельзя отождествлять с ревизионистами, бернштейнцами, жоресистами. Напротив, почти без исключения руководители правого меньшевизма считали себя ортодоксальными марксистами, обвиняя и большевиков, и левое крыло в меньшевизма — в отступлении и искажении марксизма. Так, Плеханов или Потресов до конца дней считали представляемое ими течение строго марксистским, а правые меньшевики в профессиональном рабочем движении — предсе-

датель ВЦСПС М. Г. Гриневиц в 1917 г., руководители союза печатников и др. — неизменно оставались на позициях классовой борьбы и под углом зрения борьбы за сохранение чистоты классового пролетарского движения давали отпор и большевикам, и левым меньшевикам.

Правый меньшевизм в целом надлежит рассматривать, как новое и своеобразное явление, вызванное к жизни в результате октябрьского переворота 1917 г. Его специфичность, т. е. правизна этого течения является условной постольку, поскольку за коммунизм и за лево-социалистическим движением закреплено наименование условной левизны. В действительности, вопрос выходит за пределы этих условных и лишенных всякого содержания обозначений. Течение правого меньшевизма явилось выражением наиболее последовательной непримиримости, наибольшего отталкивания в идеологии и в практической политике как от террористической диктатуры и квазисоциалистического экспериментаторства большевистской власти, так и от левого меньшевизма, пошедшего на ряд концессий перед восторжествовавшим большевизмом.

5. На всех течениях в меньшевизме после октября несомненно лежал отблеск эпохи мировой войны и раскождений, окрасивших собою международный и русский социализм, — тем более, что в течение первых месяцев после прихода к власти большевиков война еще продолжалась. Как левый меньшевизм периода 1917-20 гг. носил на себе печать циммервальдизма и интернационализма, в лоне которых он был зачат, — так и правый меньшевизм следует считать в большой мере преемственно связанным с оборонческим направлением со всеми теми коррективами, какое внес в оборончество (и в интернационализм) опыт февральской революции. Этим последним объясняется эволюция фракции так называемых революционных оборонцев, возглавляемых Ф. И. Даном и другими, которая привела к далеко идущему сближению с меньшевиками-интернационалистами (Ю. О. Мартова) после октября. Аналогичное явление, может быть, в меньшей мере, наблюдалось и среди меньшевиков-интернационалистов, когда П. Б. Аксельрод, деятель Циммервальда, после октябрьского переворота радикально разошелся со всем строем мысли меньшевиков-интернационалистов и

стал одним из руководителей правого меньшевизма, — непримиримым не только к большевистской диктатуре, но и к левым в меньшевизме. Правое течение в меньшевизме возникло после октября и явилось в большой степени новой главой в истории меньшевизма. „Контрреволюция, пришедшая через левые ворота”, по выражению И. Г. Церетели, вызвала к жизни правый меньшевизм.

б. По свежим следам октября не только среди правых, но и среди левых меньшевиков господствовало безоговорочное отталкивание от социальной демагогии большевиков, от возвещенного ими плана построения казарменного, „аракчеевского” социализма, и расхождения между правыми и левыми меньшевиками носили преимущественно тактический характер. В то время, как левые меньшевики искали способов воздействия на вызванную к жизни большевиками матросско-солдатскую и рабочую стихию и в этих целях переходили от лозунгов борьбы и непримиримости к поискам политического компромисса с новой властью — правые меньшевики видели в политике Ленина насильственное удушение основ молодой русской демократии, завоеванных ею свободных учреждений и политических гарантий и стремились мобилизовать все силы демократии для защиты поставленных большевиками под угрозу гибели государственных интересов России. Это тактическое расхождение, т. е. расхождение по отношению к октябрьскому перевороту и созданной им власти, на первых порах получило свое выражение в расколе ЦК партии по вопросу о переговорах с большевиками об образовании однородной социалистической власти.

В начале ноября 1917 г. по инициативе руководителей так называемого Викжеля начались совещания, в которых была выдвинута идея соглашения с большевиками под лозунгом создания правительства „от большевиков до энесов”. Меньшинство ЦК решительно высказалось против решения ЦК принять участие в этих переговорах и в подробно мотивированном документе — обращении к партии — заявило о своем выходе из состава ЦК, тем самым заложив основы складывающегося внутри партии правого течения. Ввиду безрезультатности переговоров в Викжале и отказа ЦК партии большевиков пойти на какие-либо уступки, вышедшие из состава ЦК меньшевиков правые вернулись в него с тем,

чтобы дать бой против соглашательских тенденций на Чрезвычайном съезде партии, созванном на декабрь.

7. Отсрочка полосы расколов в меньшевизме была облегчена вследствие почти единодушной оценки со стороны правых и левых меньшевиков ближайших перспектив большевистской власти. Дело в том, что как накануне октября, так и в первый период после октября все антибольшевистские политические организации и группировки, в том числе и все меньшевики, были убеждены, что Ленин — калиф на час, что большевики продержатся у власти недели, максимум месяцы. Раз пребывание большевиков у власти является преходящим, кратковременным эпизодом, то вся проблематика организации власти совместно с большевиками реального значения не имеет. Согласно этой довольно распространенной концепции не столько большевики опасны, сколько опасны те, которые придут им на смену. Именно большевики своей попыткой захвата власти усиливают шансы контрреволюции в стране — контрреволюции, которая недавно (в корниловские дни) получила сильный удар от объединенных сил революционной демократии, но которую сейчас вызвали к жизни большевики. Эта навязчивая мысль о контрреволюции, которая минимализировала опасность большевизма сейчас и центр внимания переносила на то, что будет завтра, когда силы реакции утопят в крови и большевизм, и демократическую революцию, и русский социализм во всех его разветвлениях, эта идея о завтрашней контрреволюции была лейтмотивом речей Ф. И. Дана в Предпарламенте, И. Г. Церетели — на Земском соборе и, дезориентируя меньшевистскую среду, отодвинула внутреннюю борьбу в партии на декабрь 1917 г. К этому времени выяснились дальнейшие очертания и политических и идеологических разногласий в меньшевизме.

8. Центральным вопросом, расколовшим меньшевизм на правое и левое крыло, явился вопрос, издавна доминировавший в меньшевистской проблематике — вопрос о характере русской революции: буржуазная или социалистическая революция. В то время как левые меньшевики, особенно мартовского толка, объясняя приход большевиков к власти, видели в нем даже некую „историческую необходимость” (т. е. оправданность) — как результат ошибок, пассивности, бессилия и безвластия коалиции социалистических и буржуазных эле-

ментов во Временном правительстве февральской революции, неспособной справиться с задачей выхода из войны, вести политику мира, осуществить назревшие социальные реформы, закрепить сочувствие рабочих, крестьян, солдат за демократической революцией и считали своей задачей после октября принять все меры к прекращению „гражданской войны внутри пролетариата” — и найти компромисс с большевиками — правые меньшевики объясняли октябрьский переворот прежде всего экономической, политической и культурной отсталостью России, недостаточным развитием капиталистических отношений, слабым развитием государственного и гражданского начала в революции, облегчившим большевикам демагогическое использование солдатских масс, в первую очередь, и считали, что большевики у власти, уничтожая основы молодой демократии в стране, только усилят дезорганизацию и хаос в хозяйственной жизни и увеличат роль деструктивных элементов в городе и деревне. Поэтому правые меньшевики решительно отказывались разделить идею соглашения с большевиками, принятую большинством Чрезвычайного декабрьского съезда партии 1917 г., отказывались войти в ЦК — чем было положено начало и формального существования правого течения и внутри меньшевизма.

9. После разгона Учредительного собрания большевиками, в течение 1918 г. внутрипартийные разногласия то выросли, то потухали. Но с началом гражданской войны, длившейся в течение полутора лет, и особенно после революций в ноябре 1918 г. в Центральной Европе, расхождения между правым и левым крылом приняли глубокий, частью непримиримый характер. Под влиянием указанных событий, а отчасти в связи с определившейся стабилизацией большевистской власти, левый меньшевизм в лице официальных партийных центров стал все больше определяться как направление, хотя и расходящееся с большевизмом в путях и методах, но имеющее с ним общие цели и поэтому склонное далеко идти в поддержке существенных моментов его практической политики. С конца 1918 г. партийное совещание при ЦК сняло лозунг Учредительного собрания. В гражданскую войну ЦК провел мобилизацию своих членов в Красную армию и этим самым стал на сторону большевистской власти.

В 1919 г. ЦК принял платформу, в которой признал основы национализации народного хозяйства. В марте-апреле 1920 г. в развернутом документе, принятом по предложению Ю. О. Мартова партийным совещанием, была дана оценка послевоенной эпохи как эпохи мировой социалистической революции, в орбиту которой входит и советская Россия. Был признан социалистический характер советской власти, объявлена поддержка социалистической перестройки общества, национализаций и социализаций. Официальная партия высказалась за систему Советов, за самоограничение демократии, за предоставление свобод в первую очередь рабочим и трудящимся. Тогда же партия осудила и частью поставила вне рядов партии те организации и группы, которые проводят несогласную с ЦК политику, выступила из Второго Интернационала, отозвав П. Б. Аксельрода, как своего представителя, высказалась против участия меньшевиков во фракциях „независимости” в профессиональном рабочем движении. Вся официальная позиция партии в 1918-20 гг. вырыла пропасть между левым и правым меньшевизмом как в области идеологии, так и в политической борьбе. И эта пропасть не могла быть засыпана тем, что левые меньшевики продолжали подвергать критике ряд сторон большевистской политики в городе и деревне, как и систему террора и диктатуры.

10. С окончанием гражданской войны, с ликвидацией военного коммунизма и введением НЭПа, вырванного Кронштадтским восстанием и крестьянскими волнениями у советской власти, расхождения между правым и левым крыльями меньшевизма ослабли. Уступки капитализму создали новую социальную обстановку в стране, высвобождая рабочие массы от якобы им присущих прокоммунистических иллюзий и в то же время лишая власть ореола социалистичности и рабочелюбия, которым диктатура до того маскировалась. Лево-социалистическая концепция со времени первых переговоров о соглашении с большевиками в рамках Викжеля сильно полиняла в период НЭПа, ибо сейчас уже нельзя было воспринимать борьбу с диктатурой как „гражданскую войну внутри пролетариата” и звать к поддержке террористической власти на том основании, что она есть воплощение власти рабочего класса. Внутрипартийное правое течение в меньшевизме, реалистически оценивая международную и внутрен-

ную обстановку, довольствовались принципиальным признанием прав народа на восстание и, учитывая реакционный характер всякого рода интервенционистских планов по отношению к советской России, пытались на основе принципов демократии искать компромисса при выработке платформы РСДРП. Это не удавалось, ибо в левом крыле были очень сильны воззрения, сложившиеся под влиянием эсхатологических ожиданий мировой социалистической революции, тяготение к идеям „трудовластия” и отталкивания от ориентации на какие-либо элементы буржуазной демократии, воспринимаемой как сплоченная реакционная масса, и ожидания демократизации режима от введения в действие советской конституции.

11. Правое крыло меньшевизма развивалось в другом направлении. Оно отвергало концепцию мировой революции, не видело никаких возможностей социалистической переделки для советской России, решительно отбрасывало тактические просоветские формулы, которые могли служить мостом к соглашению и считало, что внутреннее развитие большевистской революции политически вернее всего упирается в перспективу термидорианства или бонапартизма. Особое и принципиальное значение для круга идей правого течения имел вопрос об отношении к буржуазно-демократическим элементам. По этому вопросу высказался П. А. Гарви в статье, напечатанной в дискуссионном сборнике „Проблемы революции”, в которой он намечал „третий выход” для России между коммунизмом и бонапартизмом, а именно „собрание демократических сил города и деревни для борьбы под знаменем народовластия, как против террористической диктатуры большевиков, так и против возможной монархической реакции”. „Близоруко недооценивать новую советскую буржуазию, — писал он в 1926 г. — Недальновидно игнорировать старую дореволюционную буржуазию”. Нельзя „всю буржуазию, без разбора, заносить в лагерь монархической, буржуазно-помещичьей реакции... Либеральная или демократическая группировка может вырасти в крупную политическую силу, поскольку ей удастся политически возглавить широкие круги собственнического крестьянства.”

12. Победа сталинизма, пришедшего к власти с планом „интегрального социализма”, сопровождавшаяся разгулом

террора и истреблением всех инакомыслящих даже в рядах правящей партии, подорвала в левых меньшевистских кругах надежды на возможность сговора и соглашения с той или другой фракцией коммунизма — с левой или правой коопозицией, и в то же время вызвала в официальных партийных инстанциях — в Заграничной делегации и журнале „Социалистический вестник”, единственных духовных центрах меньшевистской мысли к тому времени, значительные организационные сдвиги, а именно раскол левого течения, так называемого мартовского крыла, и образование „центра”. Вместе с правыми меньшевиками „центр” отверг предложения левых, сводившиеся к тому, чтобы в коллективизации деревни, несмотря на чудовищно-насильственный ее характер, и в сверхиндустриализации, осуществляемой с жесточайшей эксплуатацией, видеть базис социализма и соответственно формулировать отношение к коммунистической власти в духе, близком к „апрельским тезисам” 1920 года. Расхождения по этим вопросам определили дальнейшую судьбу заграничного представительства меньшевиков. Что касается меньшевиков, оставшихся в России, в тюрьмах и концлагерях, то к началу Второй мировой войны сталинская диктатура, по-видимому, всех почти подвергла расстрелам. Идейная борьба в меньшевизме оказалась уделом только эмиграции.

2. Возникновение правого течения после октябрьского переворота 1917

Русский меньшевизм на всем протяжении февральско-мартовской революции не выходил из полосы идейных и организационных расколов. В основе их лежали разногласия, возникшие с начала войны и в большой степени отражавшие раскол во всем международном социалистическом лагере на оборонцев и интернационалистов. Так, с 1914 г. возникшая группировка „Единство”, связанная с именем Г. В. Плеханова, была на крайнем правом фланге оборончества. Более умеренное, но определенно-оборонческое течение меньшеви-

ков, группировавшихся вокруг А. Н. Потресова, П. П. Маслова, В. О. Левицкого и выпустившее сборник „Самозащита”, пользовалось большим влиянием в рабочих кругах, сплотившихся вокруг Военно-промышленных комитетов во главе с К. А. Гвоздевым, Б. О. Богдановым и др. Социал-демократическая фракция Государственной думы во главе с Н. С. Чхеидзе и связанная партийно с представителями ОК (ЦК) меньшевиков, в который входили в годы войны Б. С. Батурский, П. А. Гарви, Г. М. Эрлих, в начале войны выражавшая некоторую склонность к идеям циммервальдизма, вошла в революцию 1917 г. с настроениями, оформившимися затем (особенно по приезду из ссылки И. Г. Церетели, Ф. И. Дана, К. Ермолаева, М. И. Либера) в качестве направления „революционных оборонцев”. В меньшевизме в Петрограде были и до революции представлены циммервальдисты (литературным представителем их был О. Ерманский), чрезвычайно усилившиеся после революции, когда прибыли из эмиграции руководящие силы интернационализма — П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, Р. А. Абрамович, И. С. Астров и др.

Но плацдарм разногласий в меньшевистской среде в краткую эпоху демократической революции все увеличивался: не замыкаясь рамками проблемы войны и мира, разногласия обнаружили тенденцию окрасить собой и охватить все актуальные политические вопросы. В центре внутривнутрипартийной борьбы стоял вопрос о коалиции буржуазных и социалистических кругов во Временном правительстве, за которым скрывался вопрос о той или другой политике революционной России: в вопросах социальных и хозяйственных, особенно больно затрагивавших интересы народных масс в городе и деревне. Оборонческое крыло господствовало в партии и накладывало свою печать на деятельность Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и играло руководящую роль в меньшевистско-эсеровском блоке, который являлся гарантом коалиции во Временном правительстве. Интернационалисты, беспощадно критиковавшие деятельность коалиции в правительстве, выступали противниками социалистического блока в Советах и оборонческого влияния в партии. Наличие двух борющихся фракций, оборонческого большинства и интернационалистского меньшинства в РСДРП (объединенной), с трудом обеспечивало единство (да

и то чисто формальное) в партии и фактически парализовало ее. После съезда партии в августе 1917 г. в сознании многих членов партии потеряла свое первоначальное значение опасность, подкарауливавшая демократическую революцию: опасность наступления большевиков, раздавленных даже в их собственном сознании неудачей июльских дней. Попытка после Московского государственного совещания выступления генерала Корнилова, воспринятая как заговор контрреволюции, была в короткий срок отброшена объединенными силами всей демократии. Избегнув обеих опасностей, партия, однако, не была в силах найти компромисс в раздиравшей ее внутренней борьбе. Напротив, эта борьба с новой силой разгорелась в тех новых формах демократической государственности, которые были созданы в сентябре-октябре по соглашению ВЦИК Советов и Временного правительства: на Демократическом совещании в Петрограде и вышедшем из него Временном совете Российской республики (Предпарламенте) борьба шла по всем основным вопросам — о войне и мире, коалиции и т. д. В связи с составлением списков кандидатов в Учредительное собрание по Петрограду произошел раскол, ибо, когда интернационалистское большинство петербургской организации отказалось включить оборонцев (сторонников А. Н. Потресова) в официальный список, оборонцы выступили со своим самостоятельным, конкурирующим списком. Раскол также произошел среди меньшевиков в Предпарламенте, и 11 октября в „Рабочей газете” было опубликовано постановление ЦК следующего содержания:

„Обсудив вопрос о выходе интернационалистов из фракции РСДРП (объединенной) Временного совета республики и образования ими самостоятельной фракции меньшевиков-интернационалистов, ЦК признал представляющей партию только фракцию РСДРП (объединенной). Вместе с тем ЦК признает представляющими партию в каждом избирательном округе только те списки, которые выставлены официальными органами местных организаций.”

13 октября в той же „Рабочей газете” появилась горестная статья Ф. И. Дана „Торжество кружковщины”, в которой он выступает против расколов слева (интернационалистов) и справа (оборонческого крыла, группировавшегося вокруг Потресова в газете „День”).

Хотя к этому времени было совершенно очевидно, что большевики готовятся к выступлению, но в сущности и в меньшевистских рядах, как и в русском обществе той эпохи вообще, существовала недооценка большевистской опасности, убеждение в том, что главный враг демократической революции — это не большевики, а контрреволюция справа и еще убеждение в том, что победа большевиков, если бы она имела место, будет кратковременна и скоро будет заменена победой генеральской контрреволюции. Наиболее ярко все указанные тенденции получили выражение в выступлениях одного из самых ярких представителей большинства партии того времени — Ф. И. Дана. Воззвание 17 октября, выпущенное от имени ВЦИК Советов, где тон давал Дан, отражает характерные для тех дней меньшевистские настроения:

„Темные силы усиленно работают над тем, чтобы вызвать... беспорядки и погромы, чтобы получить возможность потопить в крови все революционное движение. Под предлогом восстановления нарушенного порядка... они надеются водворить ту самую корниловщину, которую революционному народу удалось раздавить недавно... Торжествующая контрреволюция уничтожит Советы и войсковые комитеты, сорвет Учредительное собрание... Будет преступным легкомыслием всякая попытка организовать в эти дни выступление или демонстрацию хотя бы с самыми революционными целями.”

В заседании Предпарламента 24 октября, непосредственно перед восстанием, обещая поддержку Временному правительству, Ф. Дан вплетал в это обещание мотив о контрреволюции, когда говорил: „Мы хотим бороться с большевиками, но мы не хотим очутиться в руках контрреволюции, которая себя покажет в подавлении большевистского восстания.”¹

То же ощущение грозящей контрреволюции справа передал Ф. Дан в своем выступлении в ночь с 24 на 25 октября в экстренном заседании ВЦИК Советов:

„Вооруженные столкновения на улицах Петрограда означают не торжество революции, а торжество контрреволюции, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но все социалистические партии... Никогда контрреволюция не была еще так сильна, как в данный момент. Большинство рабочих и солдат индифферентно к

политическим вопросам. На фабриках, заводах и казармах гораздо более значительным успехом пользуется черносотенная печать, чем социалистическая... Массы, обманутые большевиками, низвергнут эту власть столь же быстро, сколь быстро она будет захвачена... Если Петроградский совет осуществит захват власти, то это поведет к срыву Учредительного собрания... к гибели всех Советов... Большинство рабочих относится равнодушно к судьбам революции, настроение этих масс может изнасиловать всякий контрреволюционер.”

И, заканчивая свою речь призывом к большевикам, оратор повторяет свою основную мысль: „В последний раз призываю вас — не делайте ничего, что может послужить торжеству контрреволюции.”

Резолюция, принятая ВЦИКом в духе предложений Дана, привела к немедленному образованию Комитетов общественной безопасности при участии местного самоуправления, органов революционной демократии (т. е. Советов) и социалистических партий².

Следует отметить, что этот лейтмотив о грозящей контрреволюции, о новом выступлении Корнилова, поддерживаемого „контрреволюционным” Временным правительством, усердно и более эффективно эксплуатируется во всех обращениях Военно-революционного комитета большевиков, уверяющего, что именно поэтому, для избежания контрреволюции, и необходимо поддерживать выступление большевиков.

Покидая Второй съезд Советов, фракция РСДРП (объед.) не только сняла с себя „всякую ответственность за действия большевиков”, но и заявила, что новая власть, опирающаяся „на все слои демократии”, должна быть построена на основе переговоров с Временным правительством. И от имени меньшевиков-интернационалистов тогда же, 25 октября, был выдвинут план создания демократического правительства, а не однородного социалистического, как это было через несколько дней.

По свежим следам октябрьского переворота, после ареста Временного правительства, после первых террористических актов большевиков, ЦК РСДРП дал в своей резолюции политическую оценку ситуации в духе приведенных выше выступлений Ф. И. Дана. „Считая захват власти большевиками путем военного заговора насилием над волей демократии и

узурпацией прав народа, — читаем мы в этой резолюции, — ЦК РСДРП (объединенной) считает основной задачей момента сплочение всех пролетарских демократических сил для предотвращения разгрома революции и полного торжества анархии и противодействия натиску контрреволюции.” И далее, в согласии с решениями ВЦИК Советов, резолюция повторяет: „Органами такого сплочения должны быть Комитеты общественного спасения для защиты республики из представителей городских Дум, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и всех остальных демократических организаций, политических, профессиональных и армейских. Центральными политическими лозунгами должны быть: созыв Учредительного собрания в назначенный срок, приступ к переговорам о заключении мира.”³

С более ярким с оборонческой точки зрения воззванием выступил Петроградский комитет меньшевиков-оборонцев:

„Преступление совершилось: большевики соблазнили, опутали темную часть солдат и рабочих. В страшную минуту для родины подняли они междоусобицу, подняли руку на правительство, поставленное народом, дерзко, как царские городовые, ворвались они в Совет республики, нанесли оскорбление старым борцам с царской властью — товарищам социалистам. Перед лицом врага Вильгельма и подстерегающей нас черной сотни они рвут в клочья нашу родину и свободу. Спасайте революцию, спасайте республику! Знайте: голод задавит Петроград, германская армия затопчет нашу свободу, черносотенные погромы захлестнут Россию, если все мы, сознательные рабочие, солдаты, граждане, не сплотимся вокруг Временного правительства и не отстоим его. Не верьте обещаниям большевиков — все это обман, хитрость, сказки. Идите и разъясните темному народу: ужас, гибель, смерть несет нам их безумное восстание. Спасайте республику, пока не поздно.”⁴

ВЦИК Советов в воззвании 25 октября признал необязательным решения Второго съезда Советов, покинутого всеми оппозиционными партиями (кроме левых эсеров и объединенных интернационалистов) и вручившего власть большевикам „в момент, когда на улицах Петрограда пролилась братская кровь и началась гражданская война”⁵. Воззвание Всероссийского Комитета спасения родины и революции, в состав кото-

рого вошли вместе с представителями городской Думы, Временного совета республики, ВЦИКа Советов, эсеров, народных социалистов и др. еще и представители ЦК РСДРП (объединенной) и плехановской группировки „Единство”, вменяет в задачу Комитета спасения воссоздание Временного правительства и обеспечение созыва Учредительного собрания. Такова была непосредственно под впечатлением захвата большевиками власти реакция большинства меньшевиков.

Позиция интернационалистского крыла РСДРП лучше всего характеризуется обращением, сделанным накануне октябрьского переворота и направленным против большевистского выступления:

„Мы считаем своим долгом обратиться с убеждением не поддаваться искусной провокации, умело пользующейся отчаянием народных масс, и отказываться следовать чьим бы то ни было призывам к вооруженным выступлениям в данный момент... Подобное выступление ни к чему, кроме бессмысленного кровопролития и ухудшения положения народа, привести не может. Знайте, что малейшее нарушение правильности... передвижения должно оставить районы без хлеба... что всякое потрясение в Балтийском флоте... сделает возможной высадку германских войск вблизи столицы... что вооруженное столкновение... разнуздает черносотенные и монархические шайки и создаст подходящие условия для торжества той контрреволюции, той корниловщины, с которой мы хотим раз навсегда покончить. Добиться демократической народной власти необходимо, и рабочий класс добьется. Но нельзя пытаться насильственным путем свергнуть правительство в такой момент, когда столь велика опасность, что революционное выступление будет захлестнуто волной погрома и анархии. Ибо такая попытка может только породить междоусобную войну внутри самой демократии. ...Наш долг сказать рабочим и солдатам, что они держат в руках судьбу революции. Никто не имеет права легкомысленно, в азартной политической борьбе ставить судьбу революции на карту. Мы призываем... немедленно принимать постановления об отказе от участия в каких-либо вооруженных выступлениях.”

Обращение это заканчивается призывом отдать все силы „делу успокоения стихийного возбуждения масс”. Подписано

оно было от имени фракций меньшевиков-интернационалистов и ВЦИКа Советов в Совете Республики, Петроградского комитета РСДРП и редакции „Искры” Ю. Мартовым, Н. Сухановым, А. Мартыновым, С.Семковским, В. Мандельбергом, И. Астровым и О. Ерманским⁶.

28 октября ЦК РСДРП (объединенной), обсуждая вопрос о деятельности Комитета спасения, имел возможность наметить в следующем виде его задачи:

„1. Впредь до полной ликвидации большевистской авантюры никакое соглашение с партией большевиков относительно совместной с ними организации власти совершенно недопустимо.

2. Всероссийский Комитет спасения родины и революции должен немедленно вступить в переговоры с Временным правительством, Советом республики и рабочими организациями о такой реконструкции Временного правительства, которая сделала бы его способным к осуществлению следующих задач: а) быстрой ликвидации большевистской авантюры методами, обеспечивающими интересы демократии; б) энергичного подавления всяких контрреволюционных попыток и погромов; в) созыва в установленный срок Учредительного собрания; г) энергичной внешней политики в целях скорейшего начала совместных с союзниками мирных переговоров.

3. Всероссийский Комитет спасения родины и революции должен обратиться к Военно-революционному комитету с предложением немедленно сложить оружие, отказаться от захваченной власти и призвать идущие за ними воинские части к подчинению власти Временного правительства, взамен чего всем участникам восстания должна быть гарантирована личная неприкосновенность впредь до разрешения вопроса об организации суда над ними Учредительным собранием.

4. В интересах обеспечения успешности выполнения всех изложенных выше задач и полной самостоятельности и независимости демократии необходимо работать над теснейшим сплочением рабочего класса и широких слоев демократии вокруг Комитета спасения революции, который должен оставаться на страже впредь до созыва Учредительного собрания.”⁷

Такова была линия, намечаемая ЦК РСДРП примерно до 29-30 октября. К этому времени произошел ряд серьезных

событий, повлиявших на перемену тактики большинством, правда, незначительным, Центрального комитета. В Петрограде произошло выступление юнкеров, которое было жестоко подавлено большевистскими отрядами. Керенский, выехавший в окрестности Петрограда и апеллировавший к войскам, расположенным там, на предмет поддержки Временного правительства, хотя успеха не имел, но тем не менее на подступах к Петрограду начались военные столкновения. Но самое главное, что произвело впечатление на сторонников новой тактики в ЦК меньшевиков, это выяснившееся обстоятельство, что, собственно, еще уцелевшие верхушечные органы февральской революции, как Временное правительство, ВЦИК Советов [первого созыва] (не признающий решений Второго съезда Советов), Совет республики, Совет крестьянских депутатов, ЦК партии эсеров и т. д. никакой военной силой, готовой дать серьезный бой большевикам в столице, не располагают, что „соотношение сил” складывается не в пользу демократии и что власть большевиков понемногу стабилизируется.

Как раз в это время появилась на авансцене инициатива „Викжеля”, выдвинувшего предложение о переговорах социалистических партий с большевиками о создании однородной социалистической власти. Не только интернационалисты подхватили эту мысль, но и часть революционных оборонцев перешла на эту линию окопов. В ЦК образовался блок Мартова и Дана, и утром 31 октября большинством в двенадцать голосов против одиннадцати ЦК принял решение о переговорах с большевиками. Вот текст резолюции ЦК:

„Обсудив создавшееся положение и признав, что все другие соображения должны отступить на задний план перед необходимостью во что бы то ни стало не допустить продолжения кровопролития, междоусобия в рабочей среде и разгрома рабочего движения, ЦК РСДРП (объед.) постановляет принять участие в попытке организовать однородную власть, включающую в себя социалистические партии от народных социалистов до большевиков.”⁸

Для обоснования этой тактики, которая впоследствии окрасила собою деятельность меньшевистской партии на протяжении долгих лет большевистской революции, приведем характеристику ситуации, данную Ф. Даном в его

дополнении к немецкому изданию книги Мартова „История РСДРП”. Вот что пишет Дан, в тот период оказавшийся наиболее ответственным представителем нового большинства в ЦК партии:

„Уже первые дни большевистского господства ознаменовались гражданской войной и террором. Под знаменем Керенского, министра президента арестованного большевиками Временного правительства, выступила часть солдат с фронта против Петрограда, в непосредственной близости которого начались бои. В самой столице происходил ряд убийств и расстрелов; начались и первые покушения на свободу собраний и печати. Социал-демократия видела себя вынужденной срочно решать вопрос, примет ли она во имя демократии, под знаменем, под которым борется Керенский, участие в гражданской войне. Центральный комитет решил вопрос в отрицательном смысле. После учета реальных сил он пришел к заключению, что, независимо от субъективных намерений наступающих на Петроград элементов, победа последних будет означать триумф худшей контрреволюции. Ибо пограничная линия гражданской войны проходила в рядах демократии и рабочего класса, и обострение гражданской войны должно неизбежно привести к такому ослаблению этих элементов, что ничто уже не могло удержать победное продвижение реакции. Исходя из такой оценки положения, социал-демократический ЦК заявил уже в первые дни большевистского господства и начавшейся гражданской войны, что задача социал-демократии в новой большевистской фазе революции заключается в первую очередь в том, чтобы отстранить взаимную истребительную войну внутри пролетариата; поэтому необходимо стремиться к установлению мира внутри демократии и рабочего класса на путях компромисса и образования объединенного правительства из представителей всех социалистических партий и под условием, чтобы большевики отказались от методов террора. Это решение ЦК определило всю дальнейшую политику социал-демократии под большевистской диктатурой.”⁹.

Достигнуто это было в ЦК только после острой внутренней борьбы и только после того, как часть революционных оборонцев (Дан и др.) объединилась с группировкой Мартова

и таким образом обеспечила в партии большинство вновь образованному левому курсу.

В связи со ссылкой Дана на угрозу „истребительной войны внутри пролетариата”, избежание которой стимулировало и объясняло новую тактику социал-демократии — мысль, которая не раз ложилась в оправдание тактики викжелизма, а затем и идеи соглашения с большевиками — уместно будет выяснить, в какой мере рабочие были активными сторонниками октябрьского переворота. Был ли „Октябрь” рабочей революцией? Поддержали ли его рабочие в Петрограде? Вот вопрос. Ф. Дан, коснувшись этого вопроса в цитированной работе, сам определенно писал:

„Незначительно было активное участие рабочей массы в большевистском перевороте. Только небольшие относительно группы рабочих, главным образом из рабочей молодежи, принимали деятельное участие в образовании Красной гвардии.”¹⁰

Московская социал-демократическая газета „Вперед”, говоря о московских боях, давала ту же картину:

„В эти безумные дни, когда от имени рабочего класса самозванно грохотали пушки, рабочий класс молчал. Лишь незначительная часть его, вступившая в Красную гвардию, на деле показала сочувствие большевистской затее.”¹¹

Любопытно, что, в цитированной работе касаясь гражданской войны, Ф. Дан должен был признать, что как раз к антибольшевистскому движению, вызванному эсерами на Волге и в Сибири, „примкнули не только крестьяне, но также значительные массы рабочих в Воткинске, Ижевске и в других индустриальных центрах Урала”, а летом 1918 г., когда вспыхнул мятеж в Ярославле, в нем также „приняла участие часть местных рабочих”¹².

Но вернемся к вопросу, в какой мере большевики в октябре опирались на „рабочую стихию” и можно ли определить, что в Петрограде шла „гражданская война внутри рабочего класса”. Весьма существенно иметь в виду, что в Петрограде 25 октября работа на заводах и фабриках шла полным ходом, что на Путиловском заводе вместо мифических 1500 красногвардейцев, которыми оперировали в своей пропаганде большевики, оказалось только... 80. Никак не

были за большевиков — напротив, требовали прекращения гражданской войны — все крупнейшие заводы Петрограда: Путиловский, Балтийский судостроительный, Патронный, Орудийный и др., когда на них были устроены 29-31 октября массовые митинги. Почему же надо было драматизировать положение в большей степени, чем оно было? Большевики при помощи двух тысяч матросов захватили власть. Руководители февральской революции оказались генералами без армии. Но большевики не только не были вынесены на поверхность рабочей стихией, но даже „солдатская стихия” их поддержала весьма пассивно: солдаты, проголосовав за большевистские резолюции, уходили в казармы¹³. Где же были основания для построения концепции о том, что октябрьский переворот принес с собой угрозу „гражданской войны внутри рабочего класса”?

Решение большинства ЦК РСДРП вступить в переговоры с большевиками вызвали взрыв возмущения прежде всего в значительной части ЦК: 11 членов тотчас заявили протест. Этот протест прошел при поддержке довольно широких кругов партии, в результате чего и получило свое начало новое течение в РСДРП, которое вышло из оборонческих источников, но в своем развитии обросло и другими элементами, вербуя себе сторонников среди наиболее непримиримых противников большевизма: достаточно назвать таких видных деятелей интернационализма, как П. Б. Аксельрод, И. С. Астров, Г. О. Биншток (в начале февральской революции оказавшийся вместе с Ю. Лариным на крайнем циммервальдском фланге).

Это непримиримое крыло социал-демократии, сложившееся после октябрьского переворота в качестве меньшевистской правой (внутрипартийной и внепартийной), на протяжении долгих лет большевистской революции самоопределилось идеологически и практически, как последовательный принципиальный противник большевизма. Первый шаг на пути оформления этого правого течения в меньшевизме имел место 1 ноября 1917 г., когда 11 членов ЦК из протеста против принятой ЦК большинством в один голос резолюции о переговорах с большевиками, выступили из состава ЦК.

Проследим более тщательно историю этого конфликта в ЦК. Как сообщает „Рабочая газета” от 2 ноября, 31 октября в 10 часов вечера 11 членов ЦК подали в ЦК следующее заявление:

„Мы, нижеподписавшиеся, члены ЦК РСДРП (объед.), находя гибельным для рабочего класса, для дела революции и для нашей партии принятое Центральным комитетом сегодня утром решение о переговорах с большевиками относительно совместного с ними образования правительства, предлагаем Центральному комитету немедленно прекратить такие переговоры с большевиками о каком бы то ни было соглашении с ними об образовании совместно с ними власти и созвать на завтра в 12 часов дня общее заседание ЦК для пересмотра этого решения. В случае отклонения настоящего предложения мы все выходим из состава ЦК.”

1 ноября состоялось новое заседание ЦК, которое отказалось пересмотреть решение, принятое накануне. Поэтому протестанты подтвердили свое заявление о выходе из ЦК и решили обратиться к партии с объяснением своего поведения. На следующий день, 2 ноября, было составлено ими заявление, оглашенное в „Рабочей газете” 3 ноября. Вышли из состава ЦК следующие лица: М. Гольдман-Либер, Б. Цетлин (Батурский), Л. Гольдман (Аким), Ф. Юдин, К. Гвоздев, А. Смирнов, П. Гарви (П. Бронштейн), К. Ермолаев, С. Зарецкая, П. Колокольников, М. Скобелев, П. Голиков, Б. Богданов (трое последних обозначены, как кандидаты в члены ЦК. А среди членов ЦК перечислены 10, а не 11).

В своем обращении „Ко всем членам РСДРП (объед.)”, вышедшие члены ЦК приводят подробную мотивировку своего шага. По мнению представителей нового правого течения, большинство ЦК своим решением вступить в переговоры с преступными авантюристами-большевиками, не только обнаружило недопустимые „колебания и шатания”, но вошло в противоречие со всей политической линией, которую партия при всех „оттенках и разногласиях” проводила в течение 8 месяцев февральской революции. РСДРП-меньшевики „всегда боролись против тактики, ведущей к изоляции пролетариата и против той идеи, что наша революция может непосредственно перейти в революцию социалистическую...”

Когда большевикам, против воли большинства демократии, удалось путем чисто военного заговора... проделать свой опыт якобы пролетарской диктатуры" и запятнать себя преступлениями, большинство ЦК решило капитулировать перед ним и образовать „совместно с ними социалистическое правительство”.

Это решение, по мнению ушедших членов ЦК, губительно для рабочего класса, для революции и для социал-демократии. Создание социалистического правительства губительно для рабочего класса, потому что, изолируя рабочий класс от всей демократии, оно обрекает его на неизбежное поражение. Оно губительно для революции, потому что углубит гражданскую войну в стране, „находящейся накануне полного разгрома” со стороны немцев, и „отталкнет в ряды контрреволюции огромные пласты народа”.

„Окруженное атмосферой скрытой враждебности”, социалистическое правительство „или неизбежно погибнет или вынуждено будет поддерживать свою власть при помощи безграничного террора и подавления всех гражданских свобод”. Решение ЦК губительно для социал-демократической партии, потому что, „покрывая авантюру большевизма и все преступления его”, партия „берет на себя ответственность”, и „презрение и ненависть” населения будут перенесены на все социалистическое движение и на движение рабочего класса. „На долгие годы имя «социалист» станет ненавистным широким народным массам”.

Подписавшие это обращение к партии также уверены, что стремление большинства ЦК с помощью переговоров содействовать прекращению кровопролития не только „не приостановит кровопролития даже в Петрограде, но... дедает неизбежным кровопролитие и разгром рабочего движения в грандиозном масштабе во всей стране”. Не желая нести ответственность за пагубный шаг большинства и считая неправильным „взрывать все его решения изнутри: как это систематически практикует интернационалистическое крыло”, 11 членов ЦК выходят из ЦК и настаивают на созыве партийного съезда, который разрешит возникший конфликт в партии.

К декларации правого течения уже в течение ближайших дней стали присоединяться видные социал-демократи-

ческие деятели, заявляя о своей полной солидарности с ушедшими цекистами. 4 и 5 ноября в „Рабочей газете” появились такого рода заявления от членов ЦК П. Н. Колокольникова и В. Н. Крохмаля, от С. Л. Вайнштейна-Звездича, А. Дюбуа-Горского, Д. Кольцова, М. Панина, С. Зборовского. Из состава сотрудников „Рабочей газеты” вышел ряд видных меньшевиков: В. Левицкий, Е. Маевский, В. Мирон-Иков, П. Голиков, д-р М. Хейсин, Степан Иванович [Португейс]. В печати появилось сообщение о том, что „собрание меньшевиков-оборонцев в количестве 225 человек, ознакомившись с декларацией членов ЦК, покинувших его ряды вследствие капитуляции большинства его перед стихией большевизма, приветствует мужественный шаг товарищей и выражает твердую уверенность, что единение всех сил меньшевизма, верных его основным и испытанным началам, выведет рабочее движение России и социал-демократическую партию из того тяжелого положения, в которое они поставлены ошибками одних и преступлениями других”¹⁴.

С большой долей вероятности можно считать, что большая часть организации в Петрограде, во всяком случае ее авангард, стояла на позиции 11 ушедших членов ЦК. Это довольно ясно обнаружилось на собрании социал-демократического актива, созванного 3 ноября по свежим следам конфликта. Как видно из газетного отчета, на собрании присутствовали, кроме членов ЦК, меньшевистские фракции Совета республики, ВЦИКа Советов, Петроградского совета, т. е. в сущности весь штаб меньшевистской партии. К сожалению, в газетном отчете, тщательно зафиксировавшем ряд ответственных голосований, не указано, сколько человек участвовало на соединенном собрании. Тем не менее ясно, что значительное большинство этого собрания было на стороне ушедших членов ЦК. Собрание заслушало обе точки зрения: от большинства ЦК выступили Ф. И. Дан и Р. А. Абрамович, позицию ушедших цекистов представляли С. М. Зарецкая и С. Л. Вайнштейн-Звездич.

Ф. Дан, объясняя решение ЦК вести переговоры с большевиками, заявил, что „в первые дни заговора была надежда, что он может быть ликвидирован военной силой. Но попытка оказалась неудачной, нападение на Петроград сделало защиту Петрограда делом пролетариата... Поэтому мы

встали на точку соглашения. Соглашение невозможно без раскола в большевизме". Вайнштейн развивал позицию правого течения: „Гражданская война — факт, тактика соглашения безжизненна. В Москве она не дала никаких результатов. Если демократия не подавит большевизм даже военной силой, это сделают за нее другие". Как и С. М. Зарецкая, Вайнштейн призывал к сплочению вокруг центра всей демократии, вокруг Комитета спасения родины и революции, созданного по инициативе ЦК. „Надо собрать все в демократии, готовое на борьбу против большевиков, изолировав политически большевиков”.

Для характеристики настроений на этом ответственном собрании следует привести итоги голосования. „Голосуется общий вопрос, разделяет ли собрание позицию ЦК по вопросу о соглашении с большевиками. Собрание дает на этот вопрос отрицательный ответ большинством всех против 14 или 12 воздержавшихся, из которых 6 членов ЦК. Затем т. Дан вносит резолюцию: «Собрание находит, что, несмотря на разногласия, 11 ушедших членов должны вернуться в ЦК». Резолюция эта отклоняется большинством всех против 18 при 12 воздержавшихся. Большинством всех против 15 при 9 воздержавшихся принимается следующая резолюция т. Богданова: «Собрание одобряет поведение 11 членов ЦК, вышедших в виду разногласий, и предлагает ЦК изменить свою позицию, после чего 11 членов должны вернуться в ЦК».”¹⁵

В это время большинство ЦК принимало деятельное участие в совещаниях Викжеля. Меньшевизм там был представлен весьма полно. Газетные отчеты отмечают, что от ЦК участвуют Дан и Эрлих, от меньшевиков-интернационалистов — Мартов, Мартынов, Абрамович, Семковский. Зарегистрировано также участие Вайнштейна от Комитета спасения, правда, выступающего против всякого соглашения с большевиками. Судя по повременной печати, можно получить представление, что совещания при Викжеле в течение нескольких дней как бы стали единственным центром притяжения для всех социалистических группировок (для правых эсеров, для представителей городской Думы и т. д.), независимо от того, делают они ставку на соглашение с большевиками или нет. В эти дни, когда происходили совещания при Викжеле, новая власть довольно определенно показала не

только свой лисий хвост, но и волчий зуб. Не только кадетская „Речь” и право-оборонческий меньшевистский „День” были закрыты, но и „Рабочая газета” — официальный орган меньшевиков (вместо которой стал выходить „Новый луч”). По Петрограду шли аресты. Банды матросов нападали на квартиры. Г. В. Плеханов подвергся насилию в Царском Селе. Арестован был Б. С. Войтинский, затем член ЦК меньшевиков Филипп Юдин. Искали для ареста Н. Д. Авксентьева и А. Р. Гоца и т. д. и т. д. На заседаниях при Викжеле Дан и другие то и дело выдвигали требование о прекращении террора, ставили это требование „прелиминарным условием” для дальнейших переговоров. Представители меньшевиков добивались устранения Ленина и Троцкого из будущего социалистического правительства. Одно время казалось, что удалось внести серьезную трещину в ЦК большевиков, когда ряд членов ЦК и народных комиссаров подали в отставку. Но эта трещина была Лениным скоро замазана. Расколоть большевиков не удалось. Выяснилось также, что все труднее становится планировать создание социалистического правительства, ибо народные социалисты и Совет крестьянских депутатов, т. е. умеренные социалисты, как и правые меньшевики, решительно отвергают мысль о соглашении с большевиками¹⁶.

Становилось ясно, что глава „Викжель” закончилась, переговоры оборвались. На заседании от 7 ноября ЦК подвел итоги взятой на себя миссии и постановил пригласить вышедших членов ЦК вернуться. Вот текст резолюции:

„Констатируя, что в настоящее время переговоры с большевиками оборваны, ввиду отклонения последними требования о прекращении с их стороны террора, ЦК подтверждает, что готов будет вновь принять участие в переговорах для мирного разрешения конфликта путем создания общедемократической власти, если только требование об отмене террора будет фактически осуществлено. ЦК приглашает всех вышедших членов ЦК вернуться для совместной работы до съезда.”

Одновременно ЦК постановил „сохранить в Комитете спасения родины и революции представительство партии лишь с совещательным голосом”, дабы в этом комитете отстаивать точку зрения ЦК на организацию власти и инфор-

мироваться о мнениях и настроениях других партий и организаций, представленных в Комитете спасения¹⁷.

Вышедшие члены ЦК, обсудив положение, решили вернуться в ЦК. Вот текст коллективного письма:

„Ввиду того, что в настоящее время переговоры между ЦК нашей партии и большевиками прерваны, мы, нижеподписавшиеся, оставаясь на позиции, изложенной в нашем обращении к членам партии, считаем нужным вернуться в ЦК, чтобы внутри него отстаивать нашу точку зрения о создании власти, а также, чтобы противодействовать уклонению политической линии партии, намеченной на августовском съезде в сторону т[ак] н[азываемого] интернационализма.”

Подписали это письмо С. М. Зарецкая, П. А. Гарви, Б. С. Батурский, Л. И. Гольдман, А. Н. Смирнов, Ф. А. Юдин, К. М. Ермолаев, К. А. Гвоздев. К нему присоединились затем М. И. Скобелев и М. И. Либер. Уклонился, однако, по принципиальным мотивам вернуться в ЦК П. Н. Колокольников. „Я не считаю для себя возможным войти обратно в состав ЦК, который своим участием в переговорах с большевиками о совместной организации власти содействовал затяжке большевистской авантюры, губящей революцию и ведущей страну к позорному сепаратному миру, и который до сих пор считает возможным соглашение с большевиками по вопросу о власти”, — гласит его заявление.

Следующий поединок между сформировавшимися левой и правой фракциями разыгрался на партийном съезде, открывшемся 30 ноября. Прибыло до 100 делегатов, ожидалось еще около 40, главным образом с Кавказа. Соотношение сил определилось по основному вопросу — при обсуждении текущего момента. Съезд выслушал три доклада — М. И. Либера, Ю. О. Мартова и А. Н. Потресова и, после прений, принял резолюцию Мартова — за нее было подано 55 голосов против 31. Обращает на себя внимание наличие двух группировок правых меньшевиков. Одно более тесно связанное с партией, с членами ЦК, ранее ушедшими из ЦК и затем вернувшимися в него — от их имени главным оратором на съезде был М. И. Либер. Другая правая группировка, выразителем которой был на съезде А. Н. Потресов, отличалась от первой не только своей большей резервированностью от партийных

инстанций, но также более ярко подчеркнутой оборонческой позицией, насколько можно судить по содержанию речей и резолюций. Так, по текущему моменту в начальной стадии были внесены отдельные резолюции Либером и Потресовым, но к моменту окончательного голосования Либер выступал от имени обеих группировок правых — меж ними образовался единый фронт, противопоставлявший себя блоку Мартов-Дан и объединивший на съезде правое меньшинство.

В проекте резолюции, внесенной Либером от имени правых меньшевиков, дано исчерпывающее изложение политических взглядов представленного им течения. Большевистская партия развязывает гражданскую войну в стране, дезорганизует тыл и фронт, уничтожает свободы и демократию, ставит под угрозу созыв Учредительного собрания. Большевики „играют фактически на руку контрреволюции и прокладывают путь для полной реставрации”. Демагоги, эксплуатирующие „стихийное недовольство масс”, провозгласили приступ к социалистической революции, которая неосуществима в отсталой стране с малокультурным населением. Большевики не опираются на пролетариат, „в массе своей не игравший никакой активной роли в октябрьском перевороте, а на солдатские штыки”, что может только „скомпрометировать самую идею социализма”. Поэтому правое течение предлагает РСДРП призвать пролетариат „отказаться в признании и поддержке партии, захватившей власть... и мобилизовать силы рабочего класса вместе со всей демократией для... борьбы с захватчиками власти под лозунгом Учредительного собрания”. Заключительный аккорд резолюции Либера гласит:

„Лишь решительно отмежевавшись от большевистской авантюры, грозящей гибелью революции и кровавым подавлением рабочего класса, лишь высвобождая рабочие массы из-под влияния большевистского максимализма и сплачивая наиболее сознательные элементы его вокруг социал-демократического знамени, лишь втягивая его в самую активную борьбу для защиты демократических завоеваний революции и завоеванных собственных классовых позиций, социал-демократия сможет в наибольшей степени предотвратить грозную опасность разгрома пролетариата при неизбежной ликвидации большевистского восстания.”¹⁸

В тезисах, предложенных по докладу о мире и перемирии, выступавший А. Н. Потресов изложил свою точку зрения:

„Сепаратное перемирие, сейчас заключаемое большевиками с правительством Вильгельма, неизбежно приведет к миру, который отдаст Россию на поток и разграбление мирового и прежде всего германского империализма, прекратив ее политическую и экономическую самостоятельность и превратив ее в немецкую колонию, в объект жестокой эксплуатации и полицейского гнета... Русская социал-демократия, во имя спасения России от гибели, во имя избавления европейской демократии от тяжелой реакции, во имя спасения идеи революции от надругательства, обязана всеми силами способствовать низвержению большевизма и, объявив войну сепаратному миру, апеллировать к социалистическим партиям всех стран в целях скорейшего заключения мира. Не ограничиваясь этим, социал-демократия должна принять участие и, если понадобится, взять на себя инициативу по созданию из неподвергнувшейся еще разложению части армии и лучших элементов демократии боеспособного ядра, которое могло бы, буде это потребуется, с оружием в руках отстаивать честь и доблесть русской революции, не желающей никого поработать, но не допускающей превращения в рабов своих собственных сыновей.”¹⁹

Для того, чтобы дать более отчетливое представление о позициях правых на партийном съезде конца 1917 г. и о политических настроениях выступавших на нем представителей правого меньшевизма, мы, за отсутствием официального отчета о съезде, вынуждены ограничиться газетными, неизбежно отрывочными сообщениями. Марк Либер говорил на съезде:

„Большевистская контрреволюция более страшная, чем контрреволюция из Ростова-на-Дону. Нельзя считать, что там, где рабочие, это фронт революции. Таким образом мы сами можем стать проводниками контрреволюции. Никаких компромиссов не должно быть с контрреволюционным большевизмом. Нам нужно отколоть от большевизма рабочие массы, но прежде всего мы должны отколоть от большевизма самих себя. Мы должны признать за народом право на восстание против большевиков. Мы не должны быть гасителями

борьбы. Многие считают 25 октября — шагом вперед для русской революции. Россия, мол, выступает в роли мирового революционного авангарда. На деле мы не впереди, а позади Европы. Как наиболее отсталую страну война истощила Россию раньше всех остальных стран. Главной действующей силой революции у нас является не рабочие, а солдаты... в этом состоит несчастье нашей революции. Наша задача никак не сводится к „углублению” революции. Нам надо бороться за сохранение ее завоеваний — за свободу, за всеобщее избирательное право, за органы самоуправления, за Всероссийское Учредительное собрание.”

Касаясь политики левого крыла, Либер говорит, что эта политика знаменует разрыв со всем строем идей меньшевизма, со всей системой его воззрений по вопросу о прогрессивности буржуазии. Конечно, мы должны сохранить самостоятельность позиции. Но мы не должны бояться поддерживать те партии, которым с нами по пути. Как не поддержать нам кадетов в их борьбе за политические свободы? Мы должны создавать общенародные органы, которые и будут центрами нашей борьбы с большевиками. Не путем военных заговоров и авантюр следует идти, а широким политическим фронтом. И оратор предупреждал левых меньшевиков: „Соглашение со Смольным вынудит его и многих других социал-демократов покинуть ряды партии”.

А. Н. Потресов, подчеркивая в свою очередь солдатский характер октябрьского переворота, утверждал, что несчастье революции было в том, что не было у нас национальной спайки, не было уверенности в необходимости коалиции у власти — не было для этого условий ни у буржуазии, ни в рядах пролетариата. Правда, мы, меньшевики, говорили пролетариату о буржуазном характере революции, но наряду с этим твердили ему, что вот-вот начинается мировая социальная революция. Эти максималистские идеи и победили. Партия потеряла лицо. Мы расплачиваемся за преступные соглашения с большевиками. Партия стерта с политической арены.

С. М. Зарецкая, касаясь формулы однородного социалистического правительства „от энесов до большевиков”, восклицает: „Когда придется рассчитывать перед своим и другими классами, мы будем прокляты вместе с большевиками, как предатели демократии”.

В. О. Левицкий в своей речи настаивает на том, что большевики — контрреволюционеры. Соглашение с ними возможно только на компромиссе, но не следует забывать, что это будет компромисс с контрреволюцией.

По вопросу о мире и перемирии съезд заслушал доклады Р. А. Абрамовича и А. Н. Потресова. Принята была резолюция, предложенная Ф. И. Даном. В первом голосовании она получила за 51, против 47, 1 воздержался, но окончательное голосование, судя по газетным отчетам, дало другой результат: за 62, против 7, воздержались 10. Такое же голосование имело место по резолюции Ю. О. Мартова о единстве партии: за 58, против 5, воздержалось 20. В этой резолюции закреплены права меньшинства в партии в следующем виде:

„Всякому меньшинству должна быть предоставлена полная возможность отстаивать свои взгляды внутри партии и в с[оциал]-д[емократической] печати. Вне партии абсолютно недопустимы самостоятельные политические выступления против решений соответствующих правомочных партийных организаций.”

По-видимому, к этому времени правые меньшевики не только убедились в победе левого большинства на съезде, но в их рядах стали укрепляться сомнения, в какой мере возможна дальнейшая совместная работа. Эти сомнения приводили их к абсентизму во время голосований: они перестали в них участвовать.

Волна левизны в это время заметно подымалась на съезде: левые меньшевики начали ощущать себя хозяевами положения. П. Н. Колокольников, выступая против А. А. Мартынова по вопросу об участии в Советах, заявил, что считает абсолютно невозможным, чтобы меньшевики входили в советские организации. Колокольников считает очередной задачей партии группировку сил вокруг комитетов спасения для борьбы с большевиками. Когда слева выступил О. А. Ерманский, рекомендуя вернуться во ВЦИК Советов с тем, чтобы там вместе с левыми эсерами и объединенными социал-демократами интернационалистами создать противовес большевикам, Ю. О. Мартов резко отмежевался от него, заявив, что ВЦИК является „ширмой, прикрывающей самодержавие народных комиссаров”. Принятая съездом резолюция о вхождении в Советы одинаково дистанцирует и от Военно-револю-

ционных комитетов и от Комитетов спасения родины и революции и вызывает реплику Либера: „вы толкаете партию к гибели”.

Как известно, в состав нового Центрального комитета правые меньшевики отказались войти²⁰.

3. Под знаком гражданской войны

Нет сомнений, что даже в лево-социалистическом крыле меньшевизма, одержавшем победу на декабрьском съезде 1917 г., сосуществовали „две души”. Большевистская революция своим если не пролетарским, то плебейским, простонародным характером, вызвала прилив революционных иллюзий, в которых идеализация действительности вскармливала надежды на „выпрямление линии”. И тот факт, что возглавляла и направляла линию этой революции социалистическая партия, пусть заговорщически-бланкистская, брутальная, охотно опиравшаяся на солдатско-матросскую вольницу — питала в левом крыле социалистические иллюзии о том, что, наперекор марксизму, во взбудораженном войной мире возможны какие-то зачатки, быть может, успешного строительства социализма — особенно если передовые страны демократического Запада будут искать выхода из войны на путях социализма, а не в лоне гниющего капитализма. Такова была одна душа левых меньшевиков, но ей противопоставлялась другая душа, которая не могла никак — ни идеологически, ни практически — мириться с вакханалией террора, с затаптыванием свобод, с разгоном молодых демократических учреждений, с разнуздыванием зоологических инстинктов в той стихии, на которую большевики делали ставку. Эта другая душа в лево-меньшевистском стане не могла в себе подавить не только чувств возмущения, но не могла скрыть сомнений насчет основного замысла большевиков — вогнуть слишком отсталую, крестьянскую страну в социалистический рай.

И тем не менее, очутившись у власти при бойкоте правого течения, не желавшего и не могшего разделить ответ-

ственность за лево-социалистический курс, Центральный комитет, избранный большинством декабрьского съезда, ощутил себя как бы монополистом партийного общественного мнения и, будучи вполне осведомленным о наличии в партийном активе значительных кадров не только несогласных, но решительных и непримиримых противников новой тактики — тактики, в непосредственном политическом аспекте рассчитанной на соглашение с восторжествовавшими авторами октябрьского переворота, на компромисс с ними — вступил в организационной области на тот путь, который когда-то в старые эмигрантские времена ассоциировался с режимом так называемого „осадного положения” для инакомыслящих.

Неслучайно поэтому А. Н. Потресов в одном из первых своих откликов на съезд²¹ возражал „фетишистам организации”, призывавшим ограничить свою борьбу „пределами партии”, оставаться „лояльными” по отношению к ЦК и его деятельности. Нет, это могут делать только люди, не видящие той подлинной „исторической драмы”, в которой мы участвуем. И это означало бы, что мы (т. е. правые меньшевики) обрекаем себя „на политическое ничтожество, на политическое самоубийство”. Нет, мы партии никому не собираемся уступать, и не позволим никому монополюльно говорить от ее имени! — таков был смысл статей Потресова после съезда, когда, по его мнению, левый меньшевизм получил возможность „направлять партийный корабль к берегам большевизма”.

Против „большевизации” и „циммервальдизации” партии правые меньшевики решительно боролись и на съезде, и после съезда, когда, по-видимому, были ими созданы, главным образом в Петрограде, группы „активной борьбы за восстановление независимости и демократического строя России”. ЦК в специальной резолюции (23 марта 1918 г.) грозил меньшевистских „активистов” поставить „вне партии”. Впоследствии, с ранней осени 1918 г., эта организационная политика ЦК, острием направленная против правого течения, укрепилась и окрасила собой ряд дальнейших лет. Но поскольку мы касаемся конца 1917 — начала 1918 года, мы должны констатировать, что и в области борьбы внутри партии сказывалось охарактеризованное нами выше психологическое состояние победителей в партии: „две души” и тут

давали о себе знать, и объяснялось это не столько идеологической шаткостью нового курса в партии, сколько общей политической обстановкой первых месяцев господства большевизма.

Положение признанного лидера левосоциалистического курса Ю. О. Мартова было к тому же и в его собственном лагере довольно сложно. Так, в одном отчете о собрании петроградских меньшевиков-интернационалистов 30 ноября 1917 г. мы наталкиваемся на сообщение о том, что предложение Мартова о невхождении во ВЦИК, пока последним не будет отменен террор и не будут признаны верховные права Учредительного собрания, было собранием *отвергнуто*. Постановлено было признать бойкотистскую тактику ошибочной. Меньшевикам, согласно резолюции, следовало вернуться во ВЦИК и, если будет предложено, войти и в Совнарком, т. е. в правительство октябрьского переворота²².

Политическая обстановка первых месяцев большевизма лила воду на мельницу активных элементов правого течения в меньшевизме. Всюду, во всех существовавших еще формах сопротивления большевизму, правые меньшевики принимали энергичное участие. В конце декабря 1917 г. руководители союза печатников, возглавлявшегося правыми меньшевиками М. С. Кефали, А. Г. Бовшовским, А. Б. Романовым, И. С. Кибриком и др., поставили на Всероссийской конференции союза вопрос о создании Комитета борьбы за свободу печати. Это решение было принято всеми голосами против 12 (от большевиков выступал Бухарин) и был создан Комитет, куда вошли представители ЦК РСДРП, ЦК ПСР и Петроградской городской Думы. При той же Думе, явившейся политическим центром демократических групп, действовал Комитет спасения родины и революции, в котором участвовали правые меньшевики. В забастовке служащих министерств в Петрограде — в популярной акции саботажа того времени — также принимали участие правые меньшевики, как и в Комитете защиты Учредительного собрания.

В ночь с 5 на 6 января 1918 г. было разогнано большевиками Всероссийское Учредительное собрание. В этот же день была расстреляна демонстрация в его защиту и также разогнаны городские самоуправления, вышедшие из всеобщего избирательного права. Против учреждений демократической

революции большевики пошли походом. Шли насилия, облавы, обыски. Закрытие газет всех несогласных с большевиками направлений, покушения на свободу печати приняли повседневный характер. Начались расстрелы. Происходили убийства. Большевики приступили к проведению массовой акции террора. Наконец, весной был заключен похабный Брест-Литовский мир, сопровождавшийся оккупацией немецкими войсками Украины, Белоруссии. Казалось, худшие опасения, высказываемые правыми меньшевиками и пророчества Потресова о неминуемом закабалении России и революции немецким империализмом близки к осуществлению. Бессистемная демобилизация солдат усиливала всеобщий хаос. Хозяйственное разорение городов шло крещендо. Росла безработица. Нужда и голод стали невыносимы. Не только средние классы, остатки буржуазных слоев, интеллигенция, но и рабочие, за которыми большевики (на словах) ухаживали, были охвачены глубоким недовольством.

Особенно активную роль сыграли правые меньшевики, когда, стремясь политически оформить недовольство широких масс петроградского пролетариата, были созваны конференции и собрания уполномоченных от фабрик и заводов. Инициатива движения принадлежала правым меньшевикам, среди которых мы назовем видных рабочих деятелей, как А. Н. Смирнов, Ф. А. Юдин, К. А. Гвоздев, М. С. Кефали, П. Голиков, Борисенко, Г. Е. Брейдо и др., а также известных деятелей меньшевизма, как Б. О. Богданов, Б. С. Батурский, Г. О. Кучин, К. М. Ермолаев, А. Э. Дюбуа, Ю. П. Денике, С. М. Зарецкая и др. Уже в январе и феврале происходили собрания, на которых были представлены делегаты Путиловского, Обуховского заводов, Сименс и Шуккерта, с Петроградской стороны, с Охтинского завода. С марта по июнь происходили на ряде заводов массовые митинги. Движение уполномоченных от заводов, шедшее под лозунгом: хлеба, свободы и созыва Учредительного собрания, вскоре вышло за пределы Петрограда, перенеслись в Москву, Сормово, Тулу, Коломну, в промышленные и крупные провинциальные центры. В порядок дня был поставлен вопрос о созыве рабочего съезда и предъявлении требований правительству большевиков, которые должны быть поддержаны, в случае необходимости, всеобщей политической забастовкой. Недовольство

рабочих, получившее отчетливое выражение даже в выборах в Советы, которые к тому времени уже были достаточно скомпрометированы, но в которых вновь начали меньшевики и эсеры конкурировать с большевиками.

Для характеристики политических настроений рабочих, от имени которых с полным основанием могли говорить правые меньшевики, приведем резолюции, подготовлявшие общественное мнение к предстоящей рабочей забастовке, как способу воздействия на власть. 23 мая на собрании уполномоченных в Петрограде была принята следующая резолюция:

„Советская власть, как всякая власть меньшинства, опирается на штыки, и в каждой независимой демократической организации видит своего врага. Мы, представители петроградских рабочих, считаем свободу союзов неотъемлемым правом народа и одним из драгоценных завоеваний революции... Это свое право мы будем отстаивать всеми доступными нам средствами, вплоть до организации всеобщей политической забастовки.”²³

Другая резолюция от 29 июня ярко передает отношение рабочих к режиму власти:

„Нас душит голод. Нас мучит безработица. Наши дети валяются с ног от недоедания. Наша печать раздавлена. Наши организации уничтожены. Свобода стачек упразднена. А когда мы поднимаем голос протеста, нас расстреливают и выбрасывают за ворота, как тт. обуховцев. Россия вновь превращена в царский застенок. Наша страна отдана врагам на расстрел и разграбление. Так долгие жить невогноту... Мы, уполномоченные петроградских рабочих, зовем вас к однодневной политической забастовке протеста. Стачка 2 июля покажет, что... рабочие ведут борьбу за народовластие, за гражданские свободы, за единую независимую республику. Долой смертную казнь! Долой расстрелы и гражданскую войну! Долой локауты! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует свобода слова и союзов! Да здравствует свобода стачек!”²⁴

Мы остановились более подробно на движении уполномоченных, ибо именно правые меньшевики с самого начала сделали это движение своим делом. Программа движения на одном из первых собраний была предложена Г. Д. Кучиным. К движению были привлечены и эсеры, и В. М. Чернов на

одном из собраний выступал с докладом. Отношение ЦК партии, и в частности его руководителей Ю. О. Мартова и Ф. И. Дана, было если не отрицательным, то скептическим. Одно время официальные инстанции партии противопоставляли лозунг участия в пере выборах Советов идее беспартийных рабочих конференций. Старая аксельродовская идея рабочего съезда, некогда бывшая наиболее ярким меньшевистским кредо, сейчас не встречала уже единодушия. Напротив, мысль о растворении социалистической политики в беспартийной рабочей среде вызвала опасения в левом секторе. Однако эта позиция не устояла перед лицом нараставшего недовольства в рабочей среде и развивавшегося движения уполномоченных от фабрик и заводов. Ко времени майской конференции РСДРП в Москве холодок со стороны левых был разбит. 16 мая Московский комитет РСДРП признал желательным созыв широкой рабочей конференции, а когда созревшее движение вылилось в форму Всероссийской конференции, арестованной ВЧК 23 июля 1918 г., на ней в качестве представителя ЦК РСДРП участвовал один из руководителей левого крыла Р. А. Абрамович.

В феврале по следам декабрьского съезда шла острая полемика между правыми и левыми. „Новый луч” бросал по адресу единомышленников Потресова словечко „полукалединцы”. Потресов отвечал сдержанней, но по тогдашнему времени тоже остро, обзывая сторонников Мартова-Дана „полумарксистами”. „Теперь у нас нет взаимного понимания” даже о том, что „еще вчера представлялось азбукой нашему общему марксистскому сознанию”, — писал Потресов своим оппонентам слева. „Одно из двух — или вы принимаете с большевиками, что Россия совершает социалистическую революцию — пролог революции мировой, и тогда скажите это прямо, не стесняясь, и тогда вы будете правы и последовательны, отвергая всякую мысль о совместном действии с той буржуазией, которая этой революцией обрекается на уничтожение. Или вы этого принять — в меру своей социалистической совести — не можете, и тогда вы... прежде всего должны констатировать, что Россия страдает сейчас не от избытка капиталистического развития, а наоборот, от его недостаточного развития.” „Роковой чертой” революции, по мнению правых меньшевиков, было прежде всего это недоста-

точное развитие, которое сказывалось и в слабости буржуазии, и в крестьянском характере пролетариата, „в стихии его максималистского бунтарства, напоминающего не движение европейского рабочего класса, а нашу разиновщину или пугачевщину”. Общая заинтересованность и пролетариата, и буржуазии в поступательном капиталистическом развитии страны, особенно важным перед лицом германской опасности, предопределяет и делает неизбежным их политический союз²⁵.

Эти принципиально общие для всей идеологии правого меньшевизма воззрения, выраженные А. Н. Потресовым, послужили основой для вхождения отдельных представителей правых меньшевиков в Союз возрождения (в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Симферополе) — в политический антибольшевистский блок с эсерами, энесами, кадетами. Насколько известно, в Союз возрождения входили А. Н. Потресов, В. Н. Розанов, В. О. Левицкий, Ст. Иванович и некоторые другие. Для правого крыла меньшевиков не было ничего „криминального” в постановке вопроса об общенациональном фронте, писал Потресов в цитированной выше статье. Напротив, он и его единомышленники были убеждены, что единственным спасением, единственным способом мобилизации сил демократии для сопротивления большевизму является мысль „перекинуть мост между т[ак] н[азываемой] революционной демократией и той прогрессивной частью русского буржуазного общества, которая способна была бы сойтись с революционной демократией на платформе признания суверенитета Всероссийского Учредительного собрания”. И на этом пути их меньше всего занимал вопрос об оглядке на „княгиню Марью Алексеевну” из Центрального комитета партии.

Да и там, в недрах победившего левого течения, стал постепенно наблюдаться процесс некоторого поправения. В „Новой заре”, в органе Московского областного комитета РСДРП, зазвучали новые ноты в статьях Ю. О. Мартова. На заседаниях ВЦИК весной 1918 г., представители РСДРП Мартов, Дан, Абрамович выступали систематически с протестами, разоблачениями и острой критикой диктатуры в буквальном смысле слова отравляли существование Ленину и его народным комиссарам. После майского партийного сове-

шания, где произошло заметное сближение между правым и левым крылом, все меньше оставалось надежд на эволюцию большевиков и на смягчение режима, надежд, питавших новую тактику декабрьского меньшевистского съезда. В это время большевики решили разрушить последние иллюзии левых меньшевиков, и 14 июня 1918 г. последовало исключение из ВЦИКа Советов меньшевиков и эсеров. От советской „легальности“, на которую было затрачено немало усилий, почти ничего не оставалось. Вскоре, в июле, в Москве состоялось выступление левых эсеров, и произошел разрыв большевиков с единственными союзниками извне, которых они имели. Блестящая изоляция большевиков подчеркивалась всем ходом развития.

Некоторый интерес представляет собой вопрос о взаимоотношениях меньшевиков и эсеров в гражданскую войну. Б. И. Николаевский²⁶ приводит обильный материал по этому вопросу весной 1918 г. и за более поздний период, когда гражданская война уже была в разгаре. Ссылаясь на совместную организацию меньшевиками и эсерами собраний уполномоченных от фабрик и заводов весной и летом 1918 г., Б. И. Николаевский утверждает, что существенных разногласий между обеими партиями тогда не было. „Когда эсеры встали во главе восстания, вспыхнувшего на Волге, в нашей (т. е. меньшевистской) среде не могло быть и речи о «протягивании руки» большевикам для борьбы против этого восстания.” Даже в этот период Мартов считал, что „их программа в основе и наша программа”, но он опасался перевеса в антибольшевистском стане сил реакции — что в значительной мере и оправдалось. Интересно отметить, что контакты с эсерами были у меньшевиков и гораздо позже. В этом отношении следует зафиксировать сообщение Николаевского, что „в марте 1920 г. ЦК нашей партии принял решение устроить совместное заседание с ЦК эсеров..., которое состоялось на квартире автора этих строк. По конспиративным условиям от нашего ЦК была выделена делегация в составе, кажется, пяти лиц с Мартовым во главе; такой же делегацией были представлены и эсеры, во главе ее [эсеровской делегации] был В. М. Чернов”.

Но вернемся к характеристике майского совещания партии. На нем представлены были 52 организации. Значение

этой конференции заключалось в том, что „острые фракционные разногласия... значительно сгладились”. После Брестского мира и оккупации немецкими войсками значительных территорий страны, „задача национального возрождения”, задача собирания русской земли стала вновь достоянием всех социал-демократов. „Благодаря преступной политике большевистской власти появление иностранных вооруженных сил в пределах России становится фактом”, читаем мы в резолюции, призывающей рабочих оказывать давление на либеральные и революционно-демократические группировки с тем, чтобы побудить их отказаться опираться на иностранные штыки и дать им отпор при попытке их вмешательства во внутренние русские дела. На совещании преобладало настроение разочарования в социалистических возможностях большевистской революции, говорили об „утопической цели” октября. В дискуссиях о Советах правые настаивали на том, что Советы превратились в „бонапартистские клубы, вокруг которых группируется деклассированный сброд” и единодушно был выдвинут лозунг, по которому „вся власть в государстве должна принадлежать Учредительному собранию, на местах — демократическим органам городского и земского самоуправления”. Необходима, читаем мы в решениях совещания, „ликвидация насильнического и противонародного режима и замена советской власти властью, сплывающей силы всей демократии”. Совершенно естественно было, чтобы в этой новой внутривластной обстановке представители правого течения решили войти в ЦК — вошли М. И. Либер и Г. Д. Кучин, и на некоторое время в партии воцарился мир и лад.

Этот мир и лад был сорван при первых признаках начавшегося на Волге и в Сибири в связи с выступлением чехословаков движения сопротивления, созданного эсерами вокруг комитета членов Учредительного собрания. Среди деятелей разных направлений ощущалась тяга к активному участию в событиях. На Волгу, в Самару потянулся и ряд меньшевиков. Среди них были люди не только правого толка, но и представители „центра”, как например, Майский, прошедший в ЦК по списку фракции Дана, и в Самаре, с согласия местных меньшевиков, вошедший министром труда при Директории, избранной на Уфимском совещании. Государственное сове-

шание в Уфе открылось в сентябре 1918 г., но уже 18 ноября совершился в Омске переворот адмирала Колчака, были арестованы Авксентьев, Зензинов, Аргунов. А спустя месяц (22 декабря) был арестован и расстрелян офицерами среди девяти других лиц редактор социал-демократической газеты в Челябинске „Власть народа” Маевский-Гутовский, видный меньшевистский деятель. К этому времени очаги гражданской войны пылали во всех концах страны. В Крыму создано кадетское правительство, получившее одобрение земско-городского съезда в Симферополе (декабрь 1918 г.), в котором участвовало немало меньшевиков. В Архангельске еще в августе было создано Н. В. Чайковским „Верховное управление северной области”. Процесс вытеснения не только социалистических, большей частью, эсеровских, но и демократических элементов из этих правительств подвигался с большой быстротой. Белое движение, как правило, не только отбросило знамена Учредительного собрания, но все явственней стало обнаруживать свою антикрестьянскую, реакционную, подчас реставрационную сущность. Генералы, рассчитывавшие на помощь иностранцев, привели к вырождению движения сопротивления большевистской диктатуре. Деморализованные военные отделы прославились погромами против демократической интеллигенции и евреев, экзекуциями в деревне. Один из идеологов Белого движения, В. Шульгин, впоследствии писал о нем: „Начатое «почти святым», оно попало в руки «почти бандитов».”

На территориях гражданской войны, занятых правительствами сопротивления, действовали социал-демократические организации и выходили меньшевистские газеты. Из хроники этого времени мы знаем, что в Крыму выходила газета „Прибой”, орган Севастопольского и Таврического комитетов РСДРП, в Казани — „Рабочее дело”, в Архангельске — „Северный луч” и „Рабочий севера”, в Самаре — „Вечерняя заря”, в Оренбурге — „Рабочее утро”, в Уфе — „Голос рабочего”, в Тюмени — „Рабочая жизнь”, в Одессе — „Южный рабочий”, в Киеве — „Искра”, в Харькове — „Начало”. Выходила „Заря”, как орган краевого Сибирского объединения организаций РСДРП. Ни учета этой печати, ни характеристики ее деятельности нельзя сделать на основании скудных, почти единственно большевистских источников,

имеющихся об этой печати. Даже за более ранний период, например, о конференции Сибирских организаций РСДРП, состоявшейся в Томске 31 августа — 6 сентября 1918 г. (присутствовали делегаты Средней и Западной Сибири), нет заслуживающих доверия данных.

Тем не менее надо предположить, что активными участниками рабочего движения на территориях гражданской войны были меньшевики правого крыла — те, кто шли вместе с эсерами, частью входили в Союз возрождения и, во всяком случае, были непримиримыми противниками соглашения с большевиками. И можно признать, что на опыте гражданской войны и всего пережитого у всех социалистов, и в частности у меньшевиков, выветрились последние иллюзии, которые они питали в отношении тех или других видов антибольшевистского движения, в которых они участвовали или которые им пришлось наблюдать. Характерно в этом отношении, что Девятый съезд партии социалистов-революционеров уже видел в происходивших событиях борьбу большевизма с реставрацией и выдвигал лозунг: ни Ленин, ни Колчак.

Это разочарование в Белом движении испытали эсеры уже в дни Омского переворота. Для них было ясно, что политически поддерживать можно только такое правительство, которое ставит себе задачей возродить в России демократию, т. е. созвать Учредительное собрание на основе четыреххвостки и восстановить демократическое самоуправление. Но такого правительства не было ни на Севере, ни на Юге, ни на Волге, ни в Сибири. Разочарование в антибольшевистском движении охватило меньшевиков, переживших гражданскую войну повсюду — в Киеве, в Одессе, на Волге, в Сибири.

С большой определенностью выяснилось, что в собиравшемся именовании буржуазия или „цензовые элементы”, по терминологии февральской революции, демократический сектор оказался весьма слабым, что соотношение сил благоприятствовало перевесу реакционных элементов, неспособных противопоставить большевизму ни народные массы, ни даже вербующей эти массы пропаганды. На горьком опыте в этом очень скоро убедились и правые меньшевики. Позже к этому убеждению пришли те представители правых меньшевиков, которые жили на территории большевистской революции и сами в гражданской войне не участвовали. В этом

отношении поучителен и интересен рассказ А. Н. Потресова об опыте своего вхождения вместе с группой единомышленников в „Союз возрождения России”.

В письме к Ф. И. Дану от 25 июня 1927 г., находясь, следовательно, уже за границей, Потресов осветил этот эпизод и свое отношение к нему:

„Это было в Петербурге с конца 1918 и до конца весны или раннего лета 1919 г., когда преследование всей моей семьи и лично меня, принужденного скрываться, оборвали мою политическую деятельность задолго до моего ареста, случившегося 1 сентября того же года. В „Союз возрождения” в Петербурге входили тогда социалисты разных толков и кадеты. Допустимо ли было с принципиальной точки зрения такое участие в борьбе против уже консолидировавшейся деспотии? Конечно, да; конечно, оно было допустимо; конечно, оно было законно. Ошибка моя заключалась лишь в том, что движение, которое каждый из нас, входивших в „Союз возрождения”, представлял, сходило на нет, постепенно замирало, и в центре всего антибольшевистского движения постепенно становились элементы реакционно-монархические, а я этого не замечал, ибо в первые месяцы 1919 года в Петербурге, при тогдашней его изолированности, этой метаморфозы не было видно. Социальная борьба, идущая с Востока и Юга, по слухам того времени, слыла все еще борьбой крестьянства в союзе с мещанством и частью рабочего класса. Это была ошибка оценки, ошибка ориентации.”

Было бы неправильно здесь не отметить, что, сознавая ошибочность своей политической линии в 1918-19 гг. и откровенно говоря о ней, Потресов в своем письме к Дану переходит от обороны к нападению. Он отдает себе отчет, что Белое движение, частью которого являлся Союз возрождения, стало орудием в руках контрреволюции, но в то же время у него не было никаких оснований считать, что этому движению, этой контрреволюции справа противопоставлялась в лице большевизма контрреволюция слева, и поиски соглашения и компромисса с этой разновидностью контрреволюции не лучше, а даже хуже именно потому, что она консолидировалась и упрочилась и грозит надолго остаться у руля. Вот почему для правильного понимания позиции Потресова уместно продолжить цитирование его письма к Дану:

„Но такие ошибки, всегда возможные в период революционного хаоса, это, разумеется, ничто в сравнении с тем преступлением, которое совершили Вы, капитулируя перед определившейся советской деспотией. Это был Ваш смертный грех и в отношении к марксистскому социализму и в отношении к судьбам русского пролетариата и всей страны в ее целом. И добро бы этот грех Ваш локализовался моментом революционной неразберихи... Неужели Вы думаете, что Вашей диверсией в сторону моей старой тактической ошибки Вы отвлечете чье-либо внимание от этой роковой для социал-демократии капитуляции, которая на некоторое время поддержала Ваши организационные ячейки (в этом Ваше неоспоримое преимущество перед т[ак] н[азываемым] „правым“ течением), но зато — убило Ваш дух. Я то своих ошибок не скрывал и еще в 1920 г. говорил об ошибках своего участия в Союзе возрождения покойному Мартову в Москве. Ну, а вы? Найдете ли Вы когда-нибудь в себе мужество признать ложь своей... позиции?!”²⁷

Эти заключительные строки из письма Потресова возвращают нас к вопросу о взаимоотношениях между правым и левым крылом меньшевизма на территории советской России в начальный период гражданской войны. Это было время роста активистских настроений в кругах правых меньшевиков. ЦК партии решил заблаговременно парализовать эти настроения, и 2 августа 1918 г. принял резолюцию, запрещающую не только партийным организациям, но и отдельным членам партии „принимать участие в местных восстаниях для свержения советской власти”, — никакой „свободы действий” не предоставляется ни организациям, ни отдельным членам партии „в подготовке и проведении подобных авантюр”²⁸.

На основе этой резолюции был исключен из ЦК И. М. Майский, 31 июля выехавший в Самару и ставший министром труда при Директории. В „Утре Москвы”, органе печатников, от 9 сентября 1918 г. было напечатано об этом следующее „заявление”:

„Нас просят сообщить, что бывший член ЦК социал-демократической рабочей партии И. М. Майский, по сообщению официальных газет занявший ответственный пост в Самарском правительстве, отныне членом ЦК РСДРП не со-

стоит и принял ответственный пост без ведома и согласия ЦК партии.”

Правда, Майский получил свой мандат на вхождение в образованное на Волге правительство Комитета Учредительного собрания от Самарской меньшевистской организации, подтвержденный затем Волжско-Уральским областным партийным комитетом. Это обстоятельство дало основание довольно значительной группе правых меньшевиков заявить протест в ЦК против исключения Майского. Но к этому времени в ЦК уже стали вновь складываться левые настроения. Во всяком случае ЦК в письме, разосланном по организациям 16 октября и посвященном Государственному совещанию в Уфе, занял отрицательную позицию к участию представителей РСДРП на совещании. „Самое участие представителей нашей партии в собрании, созванном для организации правительства, черпающего фактически свою силу в иностранных штыках, могло быть признано целесообразным только при ограничении этого участия чисто информационными целями”, читаем мы в этом письме. При сложившейся обстановке „ЦК должен решительно протестовать против пользования именем нашей партии, как целого, для санкционирования совершенного в Уфе акта... Текст «акта об образовании Всероссийской верховной власти» не оставляет никакого сомнения в том, что на Уфимском совещании восторжествовал такой компромисс между демократическими и либерально-буржуазными элементами, за который партия ни в коем случае на себя ответственности взять не может.”

Приводим полноты ради заключительную часть письма ЦК, в котором изложен взгляд его на Учредительное собрание до и после Уфимского совещания:

„Учредительное собрание, избранное в ноябре, было выражением поступательного революционного развития, начавшегося в февральские дни. То обстоятельство, что ему противопоставила большевистская власть, созданная октябрьским переворотом, отодвинуло его естественно на более правые позиции, с которых оно пыталось остановить развал страны и задержать прыжок в область утопических экспериментов. Но и на этих правых позициях оно оставалось детищем народной революции и носителем его духа, ставя своей задачей революционно разрешить аграрный и национальный вопросы, про-

вести коренную демократизацию страны на республиканских основах, дать пролетариату все социальные реформы, совместимые с основами капиталистического строя, и добиться всеобщего демократического мира, исключаяющего разгром одной из воюющих сторон. Такое Учредительное собрание социал-демократия поддерживала и обязана была поддержать даже против части трудящихся масс, увлеченных утопией немедленного коммунизма и мнимо классово-диктатурой. Такое Учредительное собрание социал-демократия готова поддерживать и впредь. Но правительство, которое под флагом Учредительного собрания выражает собою факт завоевания власти общественными группами, не стоящими на почве демократической революции или сошедшими с нее, — ширма, за которой партия, получившая победу на выборах, отказывается от власти ради компромисса с внешними Учредительному собранию контрреволюционными силами капитализма и милитаризма, — не может, разумеется, претендовать на поддержку социалистического пролетариата... Социал-демократия должна сохранить свою полную политическую самостоятельность по отношению к коалиции неустойчивых мелкобуржуазных демократических партий с партиями контрреволюции и, борясь с этой коалицией, стремится разрушить ее и увлечь демократические массы на путь строительства подлинной демократической республики...”

Не успели высохнуть чернила, возвещающие, что ЦК в принципе готов стоять на почве Учредительного собрания и демократической революции, как произошли события политического значения, вызвавшие сильный рецидив левизны в руководящих кругах партии. В ноябре 1918 г. на почве военного поражения вспыхнули революции в Германии и Австрии, в которых на первых порах пришли к власти социалистические партии. В свете этих событий ЦК РСДРП принял декларацию-тезисы, в которых он признал за этими революциями начало мировой социальной революции и одновременно подверг пересмотру свое отношение к большевистской революции. С этих тезисов, в сущности, в левом течении в меньшевизме укрепляется мысль о наличии социалистических возможностей и для отсталой России. Если на декабрьском съезде 1917 г. для победивших левых кругов поиски соглашения с большевизмом были продиктованы убеж-

дением, что октябрьский переворот представляет собой плебейскую революцию, то сейчас большевики стали излучать социалистическую благодать в неизмеримо большей степени, чем раньше.

Тезисы ЦК сейчас провозгласили октябрь „исторически необходимым”, выразившим освободительные стремления трудящихся. „Русская революция является гигантским бродилом, приводящим в движение весь мир” и ведет напрямик „к социальной пролетарской революции”. Эти левые тезисы ЦК вызвали возмущение среди правого течения меньшевиков. Внутрипартийные меньшевики, пытавшиеся вести сосуществование с ЦК на основе лояльности и признания организационных норм, увидели, какие опасности подкарауливают социал-демократию, усваивающую язык большевизма. Внепартийные правые поспешили публично отмежеваться от ЦК и снять с себя ответственность.

Так, Петроградская группа социал-демократов издала в декабре 1918 г. под фирмой РСДРП листок, специально направленный против ЦК партии:

„Последняя резолюция ЦК, которая, несмотря на ряд отрицательных характеристик советской власти, фактически является признанием этой власти и, что еще хуже — неприкрытым предложением своих услуг тем, кто в течение года своего господства не принесли ничего России, кроме разрушения всех материальных и моральных ее сил, побуждает нас, группу членов РСДРП, уже и раньше заявлявших о своем отрицательном отношении к официальной политике ЦК за последние годы, поднять наш голос и на этот раз, чтобы протестовать против попытки навязать всей партии тактику, превращающую ее в безвольного исполнителя большевистских предначертаний и планов и сложить с себя всякую ответственность за эту губительную для интересов пролетариата позицию.”

Таков текст этого протеста, выраженного „единым духом” (одной фразой!) и отразившего все возмущение правых — в сущности не только тактикой новой, но и новой идеологией, до этого чуждой меньшевизму.

Но ни требования внутрипартийных правых, ни, тем менее, протесты внепартийных, все более отчуждавшихся от официальной партии, хотя неизменно фигурировавших под

общей фирмой — РСДРП — не могли приостановить того стремительного полевения, которое началось в конце 1918 г.

27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г. состоялось в Москве партийное совещание, которое пошло дальше тезисов ЦК и на ближайшие годы закрепило за партией лево-социалистическое направление. „Всемирная война приведет к предсказанному социал-демократией крушению капиталистического общества” — провозглашается в резолюциях совещания. Приобретает актуальность вопрос о „переходе политической власти в руки рабочего класса, уже осуществляющемся в передовых капиталистических странах, потерпевших военный разгром”. „Успехи мировой социальной революции самым тесным образом зависят от укрепления и развития... революции российской.”

Таковы исходные положения нового кредо официального меньшевизма. В соответствии с ним звучали и принятые решения тактического порядка, и прежде всего снятие лозунга Учредительного собрания. Мы приводили выше письмо ЦК, в котором говорилось все же о готовности при известных условиях поддержать идею Учредительного собрания. Но за коротких два месяца произошел крутой поворот. Теперь партийное совещание решило вопрос пересмотреть, так как „в настоящее время лозунг Учредительного собрания мог бы быть использован как знамя и прикрытие прямой контрреволюции, и даже новые выборы, произведенные в теперешней обстановке, грозили бы сделать Учредительное собрание не органом революции, а органом контрреволюции”.

Одновременно партийное совещание, фактически отбрасывая требование демократии для России, стало на советскую платформу, признало „за исходный пункт своей борьбы советский строй”, правда, „не как принцип, а как факт действительности” — фактически с тех пор РСДРП как бы стала партией „советской”. Следующим шагом партийного совещания явилось решительное размежевание с правыми меньшевиками, особенно с так называемыми внепартийными. Вот текст постановления:

„Совещание заявляет, что образовавшиеся внутри группы «активной борьбы за восстановление независимости и демократического строя России» вели прямую борьбу против курса партийной политики, отстаивая союз с контрреволю-

ционной либеральной буржуазией и с империалистскими правительствами Согласия, и что, стоя по общему правилу вне работы местных партийных организаций, члены этих групп внесли своей деятельностью элементы разложения в ряды с[оциал]-д[емократического] пролетариата и дискредитировали партию своими публичными выступлениями. Поэтому совещание одобряет резолюцию ЦК об «активистах» от 23 марта, предупредившую «активистов», что дальнейшая деятельность их групп поставит их вне партии.”

Ответом на левосоциалистический курс совещания, а, быть может, и на угрозу поставить вне партии правоменьшеvistские группы, явился шаг, предпринятый петроградскими правыми. Как сообщает Степан Иванович²⁹, „в начале 1919 г. группой товарищей с участием А. Н. Потресова была выработана платформа «группы демократов-социалистов», которую даже удалось отпечатать в единственном номере выпущенной в провинции (Воронеже — Г. А.) рабочей газеты”. ЦК в одном из своих документов („К процессу над В. Н. Розановым и др.”) относит образование „группы демократов-социалистов” к осени 1918 г., когда эта группа „призвала своих единомышленников” организовать для образования новой партии в противовес РСДРП” и когда ЦК „при полном одобрении большинства партии объявил вне партии как петербургскую, так и все вообще „активистские” группы, стоящие на одной с ней позиции и считал все организационные счета с ней раз навсегда поконченными”.

Насколько нам известно, образование „группы демократов-социалистов”, в своем названии подчеркивающей приоритет демократии в формулировке целей своей борьбы в советской России, имело эпизодическое значение. И Потресов, и его единомышленники, главным образом из представителей петербургской рабочей интеллигенции, связанной с Потресовым еще со времен ликвидаторства — все они не только не отрекались от РСДРП, но не переставали дорожить этой фирмой и связью с ней³⁰. Даже не входя в петроградскую, а потом московскую организацию (не желая „регистрироваться”, как этого требовал левый Московский комитет РСДРП), они никогда не уходили из партии. Даже сознавая, какие осложнения это вносит в деятельность официальных партийных учреждений, они продолжали считать себя в

партии, не признавали за ЦК хозяйских прав в партии и никогда не переставали бороться за партию. Большой интерес представляет собою другой документ „Проект основных положений платформы”, датированный декабрем 1918 — январем 1919, изданный группой социалистов-демократов, старых партийных работников, меньшевиков-оборонцев РСДРП.

В течение 1919 г. левый курс в ЦК и в его периферии продолжал усиливаться. На территориях гражданской войны местные социал-демократические организации и отдельные социал-демократические деятели вели, в согласии с местными рабочими организациями, свою самостоятельную политическую линию, оторванные от партийных центров, действовавших в Москве. Центральный комитет, оставался на почве советской реальности и боролся за призрачную легальность; призрачную потому, что большевистское правительство и ВЧК, не отличая правых меньшевиков от левых, в равной мере всех подвергало репрессиям и сажало в тюрьмы. Время от времени в интересах самой советской легальности ЦК распускал или реформировал неудобные ему партийные организации (Одесса, Ростов-на-Дону, Саратов и др.), посылал своих эмиссаров для наведения порядка и даже публиковал об этих мерах в советской печати. В 1919 г. ЦК принял платформу „Что делать”, обращенную ко всем рабочим и социалистам, эсерам и беспартийным, но также и к коммунистам. В платформе выдвинуты были требования отмены смертной казни, отмены ЧК и террора, но одновременно защищалась идея „власти трудящихся классов” на основе советской конституции, а блага свободы печати, собраний и союзов должны были быть, по платформе, распространены только на партии трудящихся.

1 октября 1919 г. было принято решение о мобилизации в общепартийном масштабе в Красную армию. А к весне 1920 г., когда на смену неудавшемуся походу Добровольческой армии началась польско-советская война, и ЦК проводил мобилизацию меньшевиков в Красную армию, весной, в марте-апреле 1920 г., состоялось в Москве новое партийное совещание, которое продолжило новый курс и приняло так называемые „апрельские тезисы” („Мировая социальная революция и задачи социал-демократии”), сформулированные

Ю. О. Мартовым, как программа мирового левого социализма.

Согласно этим тезисам мир вступил в полосу „социальной революции, заканчивающей эру капиталистического развития и начинающей эпоху социализма”. „Рычагом социальной революции является свержение политического господства буржуазии и восхождение к власти трудящихся во главе с пролетариатом”. „Новая рабочая демократия, возникающая из крушения политического общества, есть демократия участников общественного производительного труда. Поэтому демократической сущности диктатуры в принципе не противоречит лишение прав гражданства или ограничение этих прав для социальных групп, стоящих вне этой демократии, т. е. вне общественного производительного труда.”

Этой идеологической и тактической эволюцией не ограничились решения весенних совещаний 1920 г. Среди организационных решений весеннего совещания 1920 г. ударило по правому меньшевизму решение, обязывавшее меньшевиков образовывать в профессиональных союзах партийные фракции. Для тех немногих профсоюзов, как печатники, отчасти служащие, где меньшевики сохраняли влияние, это решение означало большой ущерб, ибо только под флагом независимости возможно было эффективно организовать беспартийных членов союза для отпора попыткам большевиков захватить профсоюзы. Но даже тогда, когда партийное совещание высказывалось за независимость союзов, интерпретация этой независимости ничего общего не имела с тем, что понималось до того о ней. Так, мы читаем в формулировках совещания:

„Независимость... профсоюзов не означает ни нейтральности союзов по отношению к капитализму и социализму, ни нейтральности их по отношению к социалистической (советской) власти в ее борьбе против контрреволюции и в ее попытках наладить хозяйственную жизнь на социалистических началах. Напротив, профсоюзы должны стать на сторону советской власти в ее борьбе против контрреволюции и капитала”.

И общая мотивировка резолюции о задачах профессиональных союзов варьировала те же идеи. В обстановке „начинающейся международной социальной революции все

задачи пролетариата должны быть подчинены... стремлению отстоять государственную власть в руках трудящихся классов под гегемонией пролетариата и содействовать всеми мерами... пропитыванию народного хозяйства в возможно большей мере социалистическими началами”.

Партийное совещание подтвердило также решение о создании нового, левосоциалистического Интернационала и об организации представительства партии за границей — вместо П. Б. Аксельрода, с которым, как это было уже тогда ясно, у левых меньшевиков имеются глубокие политические расхождения. И, конечно, было бы упущением всей левосоциалистической позиции, если бы не вспомнили о необходимости лишней раз отмежеваться от правого крыла партии, которое чем дальше, тем определеннее выступает в качестве непримиримого противника концепции о социалистическом характере русской революции и продолжает считать советскую диктатуру чудовищной формой деспотизма, прикрывающегося социалистической фразеологией. Партсовещание, продолжая традицию, упрочившуюся с конца 1918 г., выразило пожелание, чтобы „ЦК распустил организации, систематически противившиеся партийной линии”³¹.

В связи с левосоциалистическим курсом, принятым ЦК, в Москве не раз циркулировали слухи о якобы идущих, по инициативе большевиков, переговорах с меньшевиками о вхождении последних в состав советского правительства. Упоминания об этом кое-где рассеяны. Глухо сообщает Д. Ю. Далин о зондировании Лариным почвы в этом отношении в 1919 г.³²

В начале 1919 г. в связи с революциями, вспыхнувшими в Центральной Европе и под влиянием революций, приветствовавших начало мировой социалистической революции, наметилось какое-то сближение между меньшевиками и большевистской властью. В это время было разрешено издание меньшевистского органа в Москве „Всегда вперед”, а вскоре последовали переговоры о вступлении меньшевиков в состав советского правительства.

Об этом между прочим передает Р. Абрамович в своих воспоминаниях, опубликованных на еврейском языке³³. По его словам, пытался сосватать меньшевиков и большевиков Карл Радек, передавший предложение через Лапинского. В

случае, если бы меньшевики выступили с надлежащей политической декларацией, стало бы возможно возвращение их во ВЦИК Советов (откуда они были исключены в июне 1918 г.). Было бы возможно также включение некоторых подходящих для этого меньшевиков в состав правительства. „Это полуофициальное предложение было нами обсуждено, — сообщает Р. Абрамович, — и отклонено”. Отклонено по принципиальным соображениям. Р. Абрамович дополняет это сообщение еще одним глухим указанием: „В последующее время мы вновь получили аналогичное предложение, но мы его опять отклонили”.

Приводим информацию по этому вопросу, опубликованную П. Н. Милюковым в книге „Россия на переломе”³⁴, относящуюся к 1920 г.:

„По нашим сведениям из вполне достоверного источника, — пишет Милюков, — такие переговоры с меньшевиками действительно велись незадолго до НЭПа. Для переговоров с меньшевиками Сталин избрал Трояновского, своего многолетнего близкого друга и видного члена коммунистической партии, перешедшего к меньшевикам после октябрьского переворота и бывшего членом меньшевистского ЦК. Сталин предложил через него меньшевикам войти в правительство. Получив доказательства полномочий Сталина, Трояновский заявил ему, что меньшевики не войдут в правительство, пока не будет ликвидирован „социалистический эксперимент”. Сталин отвечал, что необходимость такой ликвидации не вызывает сомнений, что и сам Ленин совершенно убежден в этом, и весь вопрос — в методах и в темпе ликвидации, так как спуск невозможен без тормозов. Сталин спрашивал при этом Трояновского, что, по его мнению, должно было быть предпринято в первую очередь. Трояновский набросал проект декрета о продналоге (получивший впоследствии осуществление) и наметил другие меры, составившие частично содержание НЭПа. Ленин горячо стоял за соглашение, но наткнулся на оппозицию, с которой он не мог совладать. Со своей стороны, ЦК меньшевиков в лице сидевшего в тюрьме Дана предъявлял политические требования („демократия”). Переговоры оборвались.”

Возлагая ответственность за это сообщение на автора и его источник, мы считаем нужным подчеркнуть, что инициа-

тива переговоров принадлежала большевикам и что без твердых гарантий политических уступок никогда ЦК меньшевиков не принял бы участия в переговорах. Попутно нужно отметить, что информация Милюкова включает ряд неточностей, в частности, о Трояновском, который, насколько мы знаем, не был „близким другом” Сталина, ушел от большевиков еще в 1914 г. (отчасти в связи с делом Малиновского). Меньшевиком он покинул весной 1921 г., после чего началась его дипломатическая карьера у большевиков.

Кстати, в одном из писем из России, напечатанных много лет позже в „Социалистическом вестнике” (в октябре 1926 г.), упоминалось по этому вопросу кое-что любопытное:

„В частных беседах Сталин еще в 1921 г. считал дело социалистического строительства в России бесповоротно проигранным. Тогда он прямо заявил, что компартия не может взять на себя работу по восстановлению буржуазного строя в России и предлагал передать власть какой-нибудь другой группе. Тогда он с благословения Ленина делал даже конкретные шаги в этом направлении.”

Было бы неправильно однако представлять себе даже в период торжества левосоциалистических идей в ЦК, что там царило полное и нерушимое единство настроений. По-видимому, отношение к большевистскому экспериментаторству в социально-экономической области и в частности к опытам сплошной национализации и социализации в области индустрии вызывало большие сомнения у некоторых членов ЦК, хотя и поддерживавших политическую и тактическую линию Мартова-Дана. Иллюстрацией наличия такого „уклона” в ЦК может служить тот факт, что однажды на квартиру московского правого меньшевика Г. А. Кипена во время совещания правых, созванного для обсуждения экономической платформы, явились члены ЦК Д. Ю. Далин и А. А. Трояновский, и оба они весьма солидарно с правыми обсуждали экономическую политику большевиков. К тому времени, примерно зимой 1919-1920, в недрах ЦК появился проект тезисов по экономическим вопросам, намечавших программу довольно широкой денационализации промышленности. Автором этих тезисов был член ЦК, подписавший их псевдонимом Фрей. Автор этих строк участвовал в упомянутом

выше совещании правых меньшевиков у Г. А. Кипена и лично докладывал упомянутые тезисы о денационализации, полученные им в ЦК в Москве среди других текущих партийных материалов, в Харькове — на заседании Главного комитета РСДРП на Украине поздней осенью 1920 г.

В порядке отступления позволю себе зафиксировать по личным воспоминаниям некоторые данные о правых меньшевиках в Москве.

В 1918-1920 гг. одной из главных баз меньшевизма в советской России, в особенности в Москве, оставались считанные профессиональные рабочие союзы: печатники, химики, служащие. Меньшевистское влияние давало о себе знать и в других союзах — и в Московском совете профсоюзов, и в ВЦСПС, но там меньшевики были в ничтожном меньшинстве, ибо при помощи ЧК, террора, арестов и других разнообразных средств воздействия, остальные профсоюзы были захвачены большевиками, все формы демократии в союзах (например, делегатские собрания) были упразднены, а верхушки (ЦК, комитеты и правления) превратились в послушное орудие коммунистической партии.

В этой обстановке, помню, как мне удалось выступить с докладом на конференции уже обольшевиченного союза кожевников в Москве. Это считалось большим достижением, хотя сторонники независимости там были в ничтожном меньшинстве. К тому же и они себя держали очень осторожно. И если на Всероссийских съездах союзов еще оказывалось несколько десятков сторонников независимости профсоюзов, обычно руководимых меньшевиками, противопоставленных сплошной массе делегатов в несколько добрых сот человек — голосующему по указке большевиков стаду — то нужно удивляться не тому, что меньшевиков и независимцев было на этих съездах так мало, а тому, что их было так много; ибо нужно было обладать исключительной энергией, верой в правоту своего дела и личным мужеством, чтобы не только сохранить свое достоинство, но открыто и публично перед враждебным, улюлюкающим и культурно-примитивным миром выступать, заставляя себя слушать и порой прислушиваться к оппозиционным социалистическим речам.

История сопротивления союза печатников большевистскому террору еще до сих пор не рассказана. Между тем союз

печатников в течение двух с лишним лет сумел сохранить себя от проникновения большевистской бациллы внутри и от давления извне, и рассказов о том, какими средствами и способами ему удавалось отстоять свою независимость от государства и партии, вооруженных до зубов, представлял бы собой первостепенный интерес к характеристике рабочего движения 1918-1920 годов. Союз печатников самим фактом своего существования и борьбы сумел вызвать признание и уважение даже в некоторых кругах правящей партии, особенно в прослойке ее профсоюзных деятелей (назовем М. Томского или Н. [Д. Б.] Рязанова). Союзу удавалось в течение довольно долгого времени выпускать свою газету („Печатник”), хотя большевикам было известно, что возглавляют союз не просто независимцы и меньшевики, но именно правые меньшевики, не согласные с левосоциалистическим курсом официальных инстанций партии. Эта руководящая группа правых меньшевиков одерживала оглушительные победы на референдумах в московском отделении союза печатников, парализуя волю большевиков и готовность их расправиться обычными средствами террора. К маю 1920 г., после митинга печатников в Москве, устроенного в честь Британской рабочей делегации и превратившегося в грандиозную антикоммунистическую рабочую демонстрацию, правительство Ленина уже больше не могло терпеть происходящее, и союз печатников был подвергнут разгрому и был уничтожен: правление и актив его надолго были брошены в тюрьмы. С тех пор под видом союза печатников в СССР существует что угодно, но только не классовая, самостоятельная, свободная организация.

В связи с подготовкой упомянутого митинга печатников в Москве в честь Британской рабочей делегации правые меньшевики переживали большой подъем. Правление союза печатников создало инициативную группу, на совещание которой были приглашены А. Н. Потресов, М. И. Либер, члены Бюро правых меньшевиков, внутрипартийных и внепартийных. На этом совещании обсуждалась политическая декларация, с которой должен был выступить союз печатников. Намечались на этом собрании выступления оппозиционных политических деятелей, а также и речь представителя независимцев в союзе служащих.

Как известно, митинг печатников превзошел все ожидания. В зале собрания было 5-6 тысяч рабочих, среди которых 200-300 коммунистов чувствовали себя чужеродным телом и вскоре убралась подобру-поздорову. Председательствовал А. Ф. Девяткин, а пространный политический доклад делал М. С. Кефали — оба правые меньшевики. Сенсационным событием на этом митинге явилось выступление лидера эсеров и председателя Учредительного собрания, разыскиваемого чекистами В. М. Чернова, которое сломило порядок дня и усилило в нем элемент политической демонстрации. Приглашенный печатниками из побуждений партийной лояльности официальный представитель ЦК (им был Ф. И. Дан) в создавшейся обстановке и перед лицом дружно-враждебной большевикам рабочей аудитории произнес краткую речь в правоменьшевицком стиле без упоминания тех левосоциалистических положений, которые незадолго до того получили особенно яркое оформление на партийных совещаниях в марте и апреле 1920 г.

Среди этих решений мы уже упоминали решение, направленное против той деятельности, которую меньшевики под лозунгом независимости проводили в профессиональном движении и принятое под влиянием левых меньшевиков, представлявших Украину и Главный комитет РСДРП в Харькове. В согласии с этим на Третьем Всероссийском съезде профсоюзов (апрель 1920 г.) и была образована меньшевицкая фракция, в которую, разумеется, сторонники независимости, не меньшевики, войти не могли. На таких политических форумах, как съезд профсоюзов, эта новая тактика официальной партии не могла породить существенные последствия, но, перенесенная в массовую организацию, попытка подчинить партии даже органы профсоюзного руководства были восприняты в частности правыми меньшевиками как удар по борьбе профсоюзов за свободу и независимость, как ослабление позиций профсоюзов в борьбе с большевицкой диктатурой. Единственным выходом из положения было игнорирование этого постановления партии и печатниками, и служащими.

Особую остроту вопрос приобретал в практике союза служащих (к этому времени в соответствии с условиями, созданными советской системой, превратившегося из союза

торговых служащих в союз советских служащих), объединявшего в одной Москве уже не десятки, а сотни тысяч людей. Даже в профсоюзных органах преобладали беспартийные — возможно, бывшие эсеровские элементы; и меньшевики, почти исключительно правого толка, еще находили себе прибежище в верхах. Автор этих строк с конца 1918 г. по 1921 г. занимал выборные посты в президиуме ЦК союза и в Московском правлении, входил от меньшинства ЦК в ВЦСПС, а от одного из крупных учреждений был депутатом Московского совета рабочих депутатов. Таким образом, я был довольно хорошо знаком с настроениями массы профсоюза служащих и с той борьбой за свободу и независимость против вмешательства большевиков, которая тогда шла в центре и на местах. Для характеристики положения достаточно отметить, что в 1920 г. шли не только массовые аресты членов союзов по всей России, но около 20 союзов служащих были закрыты и распущены ЧК, военными органами и другим начальством. Что означала попытка партии участвовать в союзе служащих в качестве социал-демократической фракции? Могу привести поучительную иллюстрацию этому.

Летом или осенью 1920 г. была созвана московская губернская конференция союза служащих. Соотношение сил на ней было почти равное: примерно по 80 делегатов приходилось на большевиков и независимцев. Московский комитет партии счел правильным в связи с этой конференцией провести в жизнь решение о выступлениях меньшевиков под фирмой партии и с этой целью командировал на конференцию двух членов комитета (один из них был Б. Л. Гуревич-Двинов). Когда оба комитетчика прибыли на конференцию, они быстро убедились в том, что если образовать на ней меньшевистскую фракцию, то можно с трудом набрать в нее 7-10 человек и только, т. е. даже лишить себя возможности выступать на конференции. Поэтому они без труда признали необходимым образование фракции независимости. За это „правонарушение“, кстати, оба комитетчика были преданы суду партийного комитета, в котором крайняя левая добивалась исключения их из партии за такое поведение. Эти партийные тенденции, враждебные идее независимости, вызывали в рядах правых меньшевиков-профессионалистов особое отталкивание от ЦК. Помню, что в качестве секретаря

комиссии при ЦК партии по профессиональному движению (среди членов ее были Д. Ю. Далин, печатник И. М. Буксин, И. И. Рубин и др.) я вел переговоры о вступлении в комиссию наших самых выдающихся профессионалистов — М. Г. Гриневича и П. Н. Колокольниковца. Но оба они категорически отказались работать совместно с ЦК и, кстати сказать, отказались „перерегистрироваться” в московской организации партии после принятых в марте-апреле 1920 г. на партийных совещаниях левосоциалистических решений.

В этот период деятельность правых меньшевиков в Москве сосредоточивалась на попытке подвести политические итоги заканчивающейся фазе большевистской революции — военного коммунизма и гражданской войны — и выработать свою политическую платформу. С этой целью устраивался ряд совещаний правых, в которых участвовали кроме печатников и служащих-профессионалистов Потресов, Либбер, Вайнштейн-Звездич и др. Помню появление на таком собрании В. О. Левицкого-Цедербаума, только что освобожденного из тюрьмы. Наше собрание происходило в каком-то отделе кооперации, где, как видно, происходил ремонт, не было стола и стояли в беспорядке огромные некрашенные скамьи. После дискуссии была выбрана комиссия для составления платформы, проект которой составил Колокольников. Мы потом зачитывали этот проект в тот день, когда в Москве происходили похороны Кропоткина, и нашу редакционную встречу пришлось прервать. Но платформе этой не посчастливилось: размноженный текст ее прибыл на собрание 25 февраля 1921 г. в клуб „Вперед”, но это было последнее легальное собрание партийной организации в Москве; туда явился отряд чекистов и всех арестовали, и сотню экземпляров правой платформы пришлось — во время разгрома собрания — спешно уничтожить. Есть основания думать, что ни одного экземпляра платформы так и не уцелело.

Накануне этого разгрома московской организации меньшевиков и ареста почти всего ядра ЦК партии в Москве почувствовался перелом. В моих тюремных записях я касаюсь атмосферы февральских дней 1921 года:

„В воздухе повеяло новым. Заговорили о сдвиге в настроении рабочих районов Москвы. Зашевелились заскорузлые красноармейцы и курсанты. Беспартийные конференции

рабочих и красноармейцев устраивают неприятные сюрпризы властям... Конференция металлистов объявила оппозицию и в свою делегацию выбрала даже одного меньшевика. Огромная волна крестьянских восстаний в Тамбовской и Воронежской губерниях подавляется с неслыханной жестокостью артиллерией и броневыми поездами... А в Москве рабочие Рязано-Уральской железной дороги обсуждали текущий момент в институте имени Карла Маркса. И на Высших женских курсах шли оживленные рабочие собрания. Луначарский и Калинин с трудом добивались слова. Весь вечер с двумя товарищами я пробродил в Замоскворечьи, отыскивая связи и прислушиваясь к робким признакам нарастающих событий."³⁵

Сейчас, расшифровывая эти записи накануне Кронштадта и вскоре вырванного им НЭПа, я вспоминаю оживленную фигуру С. Л. Вайнштейна-Звездича, одетого в высокие сапоги и рабочую блузу, который при первых звуках оживления тряхнул стариной и поспешил на рабочие собрания и уже готовился там „потребовать слова” и попытаться политически, по-меньшевистски, оформить рабочую стихию. Он побывал и на Высших женских курсах, и в Институте Карла Маркса, и передавал свои впечатления мне и Б. С. Васильеву, и мы вместе пошли в Замоскворечье, где у нас была „связь” с рабочими электрической станции Епифановым, меньшевиком правого толка. Попав вскоре в тюрьму, мы еще долго хранили след этих новых для большевистской России ожиданий.

Хочу коснуться еще одного вопроса, относящегося уже к более позднему времени. Я был выслан за границу в составе небольшой группы меньшевиков после голодовки в Бутырской тюрьме в январе 1922 г. и непосредственного участия в работе партийного подполья не принимал. Из нашего прекрасного далека, от Заграничной делегации и редакции „Социалистического вестника”, мы знали о массовых арестах в Москве, Петрограде и в провинции, особенно на юге и северо-западе, о разгроме нашего утлого меньшевистского подполья и поразительных попытках возрождения его объединенными усилиями представителей разных течений (в том числе и правых меньшевиков, еще недавно чуравшихся партийной организации). В это время до нас начинали доходить вести о новых явлениях, наблюдавшихся вначале НЭПа среди некото-

рых элементов партии, в том числе и среди правых меньшевиков. Эти явления сопровождались отодвиганием политических вопросов на второй план и порой отходили от партии, во всяком случае от практического участия в ее делах.

Сейчас, задним числом (в свое время мы, эмигранты, не задержались на этом), нужно признать, что в связи с НЭПом, с надеждами и иллюзиями, возбужденными им в области оздоровления народного хозяйства, доведенного до последней черты военным коммунизмом, гражданской войной, антикрестьянским террором, бессмысленным экспериментаторством большевиков и голодом, среди меньшевиков, в том числе и среди правых меньшевиков, сохранивших случайно свои легальные позиции, стало наблюдаться не только положительное отношение к НЭПу, но порой даже увлечение новыми возможностями в области хозяйственного возрождения. Иные из увлеченных работой в рамках НЭПа даже пытались сочетать эти свои настроения с участием в нелегальной партийной деятельности.

Впервые мы в эмиграции услышали об этом от С. Л. Вайнштейна-Звездича, приехавшего в Берлин весной 1923 г. и отразившего в своих рассказах настроения какого-то подъема среди интеллигенции в Москве, что несколько, однако, не пошатнуло лично у него принципиально-непримиримого отношения к режиму диктатуры. Были и другие показатели этого нового явления. В. Г. Громан, в 1920 г. входивший в качестве „советника” по экономическим вопросам в ЦК партии, в первые годы НЭПа, приезжая за границу, был в большой мере охвачен манией планирования народного хозяйства, но все же оставался решительным противником диктатуры, утверждая, что „мозгов у них нема”, — отсюда, мол, и все чудовищные противоречия НЭПа.

Вполне возможно, что за увлечение НЭПом некоторым меньшевикам пришлось заплатить отходом от политической деятельности (неизбежно нелегальной). Однако в условиях диктатуры, как это показал процесс так называемого „Меньшевицкого центра”, состряпанный Сталиным в 1931 г., меньшевики — правого и левого толка — не спаслись тем, что отошли от непосредственного участия в политике. Диктатура прекрасно отдавала себе отчет в том, что меньшевики при всех условиях являются потенциальной политической оппо-

зицией и поэтому жестоко расправлялась с ними. В группе обвиняемых по этому процессу, к правым меньшевикам в разное время принадлежали В. К. Иков (Миров), В. В. Шер, А. М. Гинсбург (Наумов), И. Г. Волков и др.

Из области фракционных внутрипартийных отношений мы приведем два факта в качестве иллюстрации к царившей тогда атмосфере напряженной борьбы. 16-20 августа 1920 г. суду Верховного революционного трибунала были преданы 28 лиц по методу амальгамы — среди них были известные меньшевистские деятели В. Н. Розанов и В. О. Левицкий-Цедербаум, обвиненные в участии в 1918-19 гг. в Союзе возрождения. Судя по речи обвинителя Крыленко³⁶, Левицкий „информировал Союз о настроении рабочих и о положении в меньшевистских кругах”, а Розанов „состоял членом петроградской группы Союза, которая выясняла возможность возникновения деятельности городской Думы после прихода Юденича и несколько раз приезжал в Москву для связи с главными руководителями Союза”.

ЦК, в связи с показаниями Розанова и Левицкого на процессе, проявлял большую активность. В частности, имеются два обширных заявления ЦК, одно от 21 августа 1920 г. — „К процессу над В. Н. Розановым и др.” и другое от 8 сентября — „По поводу писем В. Розанова и В. Левицкого”, адресованных последними в ЦК. В ответе на эти „резкие письма” ЦК счел нужным со всей определенностью отметить, что ни у кого не может быть ни малейшего сомнения в том, что ни Розанова, ни В. Левицкого, ни подобных им бывших товарищей по партии, отдавших десятки лет своей жизни делу рабочего класса и революции, ЦК не считает и не может считать ни сознательными „агентами контрреволюции”, ни людьми, ставящими себе целью создание „генеральской диктатуры”.

И тем не менее ЦК счел нужным и возможным через своего секретаря 19 августа 1920 г. прислать заявление в заседание Военно-революционного трибунала, снимающее с ЦК „всякую политическую ответственность” за деятельность Розанова и Левицкого и запрещающее им „пользоваться партийным именем и знаменем”:

„Участие в Союзе возрождения... за спиной партии, являясь грубым нарушением доверия партии и действием,

враждебным всей партийной политике, вело бы в случае обнаружения к исключению из партии. ЦК просит о приобщении к делу и оглашении настоящего заявления.”

Разумеется, Крыленко с удовольствием это сделал и использовал это выступление ЦК как против обвиняемых, так и против партии.

Другой факт относится к внутривнутрипартийным делам. Перед нами протест из Бутырской тюрьмы 11 членов Донского комитета РСДРП и 4 членов организации против постановления ЦК о замене старого названия „Донской комитет” новым: Ростово-Нахичеванская организация. С первого взгляда вопрос имеет чисто организационное и локальное значение. Но по уверению авторов письма это переименование имеет сугубый политический смысл, ибо „ЦК, вслед за ростовскими интернационалистами, признает, что Донской комитет настолько скомпрометировал партию”, что необходимо отречься от его старого имени. Это тем более несправедливо, пишут протестующие, что сам ЦК в резолюции 14 июня 1920 г. заявил, что он „отвергает с презрением попытку ЧК использовать против ростовских товарищей их политическое расхождение с ЦК РСДРП, ибо как бы значительно не было это расхождение, оно касается вопроса о методах борьбы за классовые интересы пролетариата и ничего общего не имеет с обвинениями в содействии Деникину и другим реакционным генералам”.

Опираясь на эту резолюцию ЦК, члены Донского комитета РСДРП пишут из Бутырской тюрьмы, что, „идя навстречу ростовским интернационалистам, значительная часть руководителей которых во главе с председателем группы уже перешла к коммунистам... постановление ЦК не может быть рассматриваемо иначе, как новое проявление политики осадного положения в партии...”

В этот период усиление большевистского террора, острием направленное против социал-демократии (в равной мере против правых и левых), привело довольно скоро к уничтожению скромных позиций, какими располагал меньшевизм в советской легальности и бросило большинство деятелей партии в советские тюрьмы. Крестьянские волнения 1920 г., Кронштадтский мятеж 1921 г., вызвавшие к жизни НЭП, сопровождались почти полным разгромом меньшевистских

организаций. В 1922 г. стало ясно, что если в советской России возможна еще какая-нибудь социал-демократическая деятельность, то только в подполье. В это же время стало наблюдаться некоторое сближение враждующих крыльев, и в состав русского Бюро ЦК по соглашению с Заграничной делегацией РСДРП, уже выпускавшей с февраля 1921 г. „Социалистический вестник“, были введены правые меньшевики: М. М. Либер, Б. С. Васильев, Г. Д. Кучин.

Деятельность меньшевиков в России была строго законспирирована. Была поставлена нелегальная типография, выпускавшая листки и впоследствии журнал „Социал-демократ“. Надо поражаться, как в тягостных условиях удалось представителям правого течения, внутрипартийным меньшевикам, разработать свою развернутую платформу. Этот документ как выражающий мнение внутрипартийных правых социал-демократов, принимающих участие в партийной работе, орган внепартийных социал-демократов „Заря“ (Ст. Ивановича) получил в марте 1923 года из Москвы („Социалистический вестник“ не опубликовал этих тезисов).

Исходным моментом документа является оценка эпохи. Кризис капитализма в результате мировой войны, процессы социального распада и деклассирования „совершенно исключают возможность для ближайшей эпохи непосредственного перехода к социалистическому строю“. Вместе с тем авторы тезисов считают, что в мире нет возврата к эпохе органического развития к классическому капитализму. Тем более важно для рабочего класса в его дальнейшей борьбе быть готовым к отпору реакции, и в этой борьбе „обеспечение демократического строя“ является основной предпосылкой успеха. Большевицкая революция в России, вынужденная пойти на НЭП, не только заранее исключила успех социалистического производства, но вновь поставила проблему возвращения на капиталистические пути развития. Этот путь должен неминуемо привести к гибели режим олигархической партийной диктатуры. В новую свою платформу РСДРП, по мнению авторов тезисов, должна включить требование постепенной денационализации промышленности, защиту интересов рабочих и крестьян. „Существующий строй явно враждебен интересам рабочего класса и демократии и нахо-

дится в непримиримом противоречии с потребностями хозяйственного развития. Выбор средств борьбы определяется соотношением сил и учетом реальной обстановки.”

В кратких словах мы остановимся на процессах внутрипартийной жизни и борьбы в еврейском социал-демократическом Бунде в первые годы революции, тем более, что оставшаяся верной социал-демократическому знамени часть бундовского движения тесно примыкала к меньшевизму. Непосредственно после октябрьского переворота ЦК Бунда в общем поддержал линию на Викжель, на переговоры с большевиками, на поиски компромисса. Состоявшийся в ноябре 1917 г. Восьмой съезд Бунда прошел под знаком этих настроений. Представители правого течения в Бунде, М. И. Либер и другие, остались в незначительном меньшинстве; политическую ориентацию Бунда определило левое крыло во главе с Р. Абрамовичем, к которому примкнул ряд деятелей центристского направления.

В дальнейшем, под влиянием революций в Центральной Европе, а также ввиду сдвигов, имевших место в европейских массах Украины и Белоруссии в период гражданской войны и кровавых погромов, которыми ознаменовало себя Белое движение, в Бунде начался процесс радикализации и стали расти просоветские, прокоммунистические настроения. Уже в марте 1919 г. на Девятой конференции в Минске большинство делегатов Бунда шло гораздо дальше левых меньшевиков в своих политических решениях, а на Украине в результате раскола в Бунде образовались самостоятельные социал-демократические меньшевистские и коммунистические фракции. С каждым месяцем усиливался в головке Бунда уклон в сторону коммунизма. Вслед за недавним оборонцем М. Рафесом, А. Чемеринским и др., действовавшими на Украине, стали готовить раскол Бунда М. Фрумкина, А. Вайнштейн, Я. Левин в Белоруссии и других пунктах советской России.

Для того, чтобы дать отпор прокоммунистическим настроениям в Бунде и удержать позиции социал-демократической меньшевистской части Бунда, образовалось в 1919 г. в Москве „Бюро социал-демократических организаций Бунда” на основе соглашения представителей левого и правого течения. Во главе левых находились Р. Абрамович, А. Литвак,

И. СВЕЦИЦКИЙ и др. Среди правых приняли активное участие в этой борьбе М. И. Либер, И. Л. Юдин, Р. Левит, А. Браун, Г. Аронсон, Т. Гейликман, И. Герцык, Евгения Гурвич, И. Харлаш, Л. Эткин, М. Бабин и др. В апреле 1920 г. в Москве на Двенадцатой конференции Бунда произошел окончательный раскол Бунда. Большинство приняло коммунистическую платформу и объявило Бунд коммунистической организацией, которую год спустя под давлением РКП и Коминтерна пришлось ликвидировать. Социал-демократическое меньшинство конференции во главе с Р. Абрамовичем образовало социал-демократический Бунд, выбравший свой ЦК, куда вошли представители левого и правого течения (от правых — И. Юдин, Р. Левит, А. Браун, Г. Аронсон и др.). Судьба социал-демократического Бунда оказалась в буквальном смысле судьбой меньшевизма. Более того, с 1920 г. деятели социал-демократического Бунда стали неизменными и активными участниками меньшевистской работы и в советской легальности, и в подполье. Кроме М. И. Либера в центральном аппарате меньшевистского подполья принимали участие бундовцы В. М. Драбкин, И. В. СВЕЦИЦКИЙ, Иосиф Хайкинд (Эльчик) и др.

4. Плеханов и Аксельрод после октября 1917 г.

Заслуживает особого рассмотрения позиция, занятая после октября 1917 г. основоположниками русской социал-демократии Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом, неприимимость которых к большевистской революции дает основание включить их в орбиту правого меньшевизма.

Г. В. Плеханов как-то, шутя, сказал, что меньшевики порой „согласны между собою разве только в том, что меньшевизм лучше большевизма”. Если это замечание попадает не в бровь, а в глаз меньшевизму вообще, то оно также характерно и для правого течения в меньшевизме. Там тоже было сколько угодно оттенков, чуждавшихся друг друга, и политических тенденций, отрицавших друг друга. Это явление уже отчетливо существовало, например, в оборончестве с

самого начала Первой мировой войны. Между „агрессивно-национальным” оборончеством Плеханова и оборончеством, окрашенным в интернационально-социалистические цвета Потресова, было уже мало точек соприкосновения.

Казалось бы, в эмиграции, после переворота, когда большевики уже прочно сидели у власти, только организационные разногласия служили водоразделом между внутрипартийными и внепартийными правыми меньшевиками. Нет, порой оказывалось, что П. А. Гарви расходится с А. Н. Потресовым в вопросе об отношении к большевизму. В „Социалистическом вестнике” (№ 13, 1929) Гарви выступил против взглядов Потресова на реакционную сущность большевизма. „Большевизм есть несомненно фаза нашей революции, — писал он. — Признание этого факта не исключает допустимости революционного отношения к большевистской диктатуре.” По этому вопросу были у Гарви расхождения и с ближайшими единомышленниками, не разделявшими никаких иллюзий насчет революционной ипостаси Ленина, не говоря уже о его наследниках, в этом вопросе полностью солидарными с Каутским, Потресовым, Аксельродом.

В цитируемой статье П. Гарви очень скупно изложил свою точку зрения. Но этого было достаточно, чтобы Ф. Дан тут же в „Социалистическом вестнике”, приветствуя заявление Гарви, подчеркнул противоречивость его позиции. Из слов Гарви вытекает, что он относится к большевизму принципиально по-иному, нежели к старому режиму. А раз так, то „революционное отношение”, т. е. свержение, превращает отношение к большевизму в антиреволюционное, писал Дан.

Обозревая деятельность правых меньшевиков и в России, поскольку там еще можно было продержаться, и в эмиграции, следует констатировать, что в правом крыле меньшевизма были группы и отдельные деятели, последовательно и прямолинейно проводившие свою линию непримиримости, и были элементы, по своему политическому и душевному складу склонные занимать позиции „правого центра”. Идеологически наиболее ярко выраженный противник большевизма П. Б. Аксельрод, например, в вопросах практической политики представлял собой тип деятеля умеренного, не только никогда не поддерживавшего темпераментного и активно настроенного Степана Ивановича, но порой даже не одобряв-

шего, например, планов выпуска самостоятельного органа внутрипартийными правыми, хотя отдавал себе отчет в том, что и для них, и фактически для него самого трибуна „Социалистического вестника” была очень мало доступна.

К характеристике правого течения любопытно отметить, что Ст. Иванович, бывший на крайнем фланге этого течения, сотрудник милюковских „Последних новостей”, „Новой России” Керенского и „Современных записок”, считал себя до кончиков ногтей марксистом. Он как-то писал в „Записках социал-демократа” (№ 19, 1933) по поводу одного выступления Ф. Адлера в „Кампфе” против Каутского, что хотя представители правого течения „вырабатывали свое отношение к большевизму самостоятельно... работы Каутского углубили это отношение и дали ему научный базис последовательно-марксистского мышления”.

А Потресов воспользовался случайным поводом, чтобы заявить протест против попытки обозначить его и представляемое им течение как „крайне правое”. „В международной социалистической среде понятие „крайне правого” в социализме имеет совершенно определенное социально-политическое содержание, — писал он в „Записках социал-демократа” (№ 11, 1932). Европейский социалист не обязан знать, что у нас, русских социал-демократов, тот в обиходной речи считается более правым, кто более непримиримо относится к большевизму у власти, и, наоборот, тот сходит за более левого, кто больше большевизанит...”

И, тем не менее, „каутскианец” Степан Иванович и отрекавшийся от крайне правого направления Потресов входят в историю социал-демократии органически, как представители правого меньшевизма — ранее в России, а затем — в эмиграции. И хотя они оставались, в отличие от внутрипартийной оппозиции, вне рядов официальной партии, оставались потому, что для них были закрыты даже столбцы „Социалистического вестника”, надо констатировать, что с годами диапазон политических и тактических расхождений между ними и, скажем, Заграничной делегацией, все время уменьшался.

В двадцатые годы, по окончании гражданской войны, вопрос о свержении большевизма, о восстании масс против режима большевистской диктатуры, тем более — о праве на

восстание, потерял актуальное значение. Споры носили характер если не абстрактный, то теоретический. Споры были не о настоящем и даже не о близком будущем, а о прошлом. В сущности несколько отвлеченный характер носили и дискуссии по другой линии тактических проблем: о соглашении с большевистской партией или с композициями, о возможности демократической эволюции диктатуры, самоликвидации ее и т. д.

Другое дело — область идеологических расхождений. Конечно, они переплетались с вопросами политики и тактики. Но для социал-демократии, для русского меньшевизма особенно, еще до сих пор проблемы мирозозерцательного порядка, как бы предопределяющие политику и тактику, сохраняют свое особое значение, независимо от реальных возможностей действия. Все вопросы дня как бы упирались в выработку идеологии. В идеологическом разрезе вставал вопрос о характере русской революции: буржуазная или социалистическая. В каком обличье будет Россия „на другой день“, после падения большевистской власти: крестьянская, буржуазно-демократическая, на капиталистической основе, или Россия социалистическая с гегемонией в ней рабочего класса? Вступили мы в „переходный период“ эпохи мировой социальной революции или, даже учитывая наличность глубокого кризиса в мире, мы остаемся в лоне капиталистической системы? И отсюда вытекающая принципиальная проблема: мыслим ли мы, что социализм при всех условиях сможет быть осуществлен на основе демократии или мы допускаем для некоторых стран (и для России) диктаторский путь? Одним словом проблема: демократия или диктатура? Над этим кругом вопросов, получивших особую остроту в свете исторической драмы, разыгрывающейся в России, бились сотни и тысячи голов в мировом социалистическом движении. Естественно, они лихорадили меньшевизм и стояли в центре напряженного внимания всех течений в меньшевизме, вызывая вечные дискуссии, а порой и отколы.

Особое место в выработке основ правого течения, его принципиального подхода к большевизму у власти, занимают Плеханов и Аксельрод. Плеханов — крайний оборонец и Аксельрод — интернационалист эпохи Первой мировой войны. На платформе правого течения в меньшевизме они встрети-

лись после октябрьского переворота. Это было новое течение, вызванное к жизни приходом к власти большевиков. Об этом говорит и Потресов в передовой в первом номере „Записок социал-демократа” (1931):

„Борьба с диктатурой... идейно сблизила представителей до того различных оттенков социал-демократической мысли — и некоторых сторонников Циммервальда, и прежних оборонцев.”

И тут хочется подчеркнуть один общий штрих в деятельности Плеханова и Аксельрода — этих первых русских учеников Маркса, до конца дней своих оставшихся верными ортодоксальному марксизму: марксизм нисколько не помешал им протянуть руку традиционным противникам марксизма — социалистам-революционерам, не помешал элиминировать расхождения и создать с ними общий фронт, когда, по их мнению, обстоятельства этого повелительно требовали. Плеханов в самом начале Первой мировой войны вступил в тесную коалицию с эсерами, национально настроенными оборонцами, и марксисты с народниками (Авксентьевым, Аргуновым, Бунаковым и др.) сообща стали издавать в Париже журналы „Почин” и „Призыв”. В свою очередь Аксельрод в 1917 г., очутившись в Стокгольме в составе международной советской делегации, выехавшей для созыва социалистической конференции, лишь только узнал о захвате большевиками власти в России и об установленном ими террористическом режиме, тотчас стал вместе с эсерами выпускать на иностранных языках антибольшевистские издания. А ведь в России до октября Аксельрод далеко не был в восторге от коалиционной политики Временного правительства, ни от меньшевистско-эсеровского блока в Совете рабочих и солдатских депутатов.

Плеханов больше чем кто бы то ни было другой в оборонческом лагере был принципиальным и политическим противником большевизма. В его тактических концепциях эпохи Первой мировой войны и февральской революции доминировала идея обороны России от германского империализма. Для него враг № 1 была Германия, Ленин — его пособник, а интернационалисты — „полуленинцы”. Отстаивавшаяся им внешняя политика для России была проникнута национализмом, и под этим углом зрения Плеханов ратовал за сохра-

нение тесной связи с союзниками, за укрепление боеспособности русской армии и подчинение интересам обороны всей внутренней политики революции. Пацифизм был для него исчадием ада, а борьба за мир, по тогдашним формулам „без победителей и побежденных” — чуть ли не изменой. Созданная им еще в 1914 г. организация „Единство” (и одноименная газета — в 1917 г.) чуралась какого-нибудь общения с другими разветвлениями меньшевизма.

Тем не менее, Плеханова с его единомышленниками — В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и немногими другими — можно было считать на крайнем фланге меньшевизма, да и то с оговорками. Когда в февральскую революцию в оборонческих кругах возник план создания большой политической газеты с Плехановым — справа, Церетели — слева и Потресовым — в центре, этот план вызывал к себе недоверие прежде всего со стороны Плеханова. Он в сущности являл собой до конца трагический образ одиночества.

В своем органе, пользовавшемся очень скромным влиянием как в советских, так и в меньшевистских партийных кругах, Плеханов вел атаку не только против Ленина и „полуленинцев”, но и против советского большинства и блока меньшевиков и эсеров, руководимого Церетели, Даном, Либером, Авксентьевым, Гоцем — тщательно подмечая все слабости и противоречия их политики, с отличавшей его полемической беспощадностью. (Когда-то Вера Засулич метко сказала про Плеханова, что он полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своим противникам.) Незадолго до октября, в связи с выступлениями Керенского, Терещенко, Верховского в Предпарламенте, Плеханов обвинил Временное правительство в том, что и оно попало в плен к циммервальдско-кинтальским тенденциям.

В этих настроениях застал Плеханова октябрьский переворот. Он жил тогда в Царском Селе, и так случилось, что 31 октября в 4 часа дня в квартиру отца русского марксизма в поисках оружия ворвалась традиционная ленинская „тройка”: матрос, солдат, рабочий-красногвардеец. Вскоре „тройку” сменило новое лицо в матросском обличье, и, приставив револьвер к груди Плеханова, вновь потребовало выдачи оружия. Для Плеханова ничего в этом налете не было неожи-

данного. Жене, Р. М. Плехановой, считавшей совершенно „невозможным” обыск у Плеханова, он говорил: „Как ты мало знаешь этих людей! Они способны подослать наемного убийцу, а после убийства проливать крокодиловы слезы и объяснять случившееся разбушевавшейся стихией.” Плеханов переехал в Петроград, потом нашел убежище в санатории в Финляндии. Он был болен — у него открылся давний легочный процесс. Душевное состояние его было настолько подавленным, что друзья пытались скрыть от него известие об убийстве Шингарева и Кокошкина в январе 1918 г. Несмотря на это, он продолжал писать в своем „Единстве” почти до самой смерти, последовавшей 30 мая.

Исторически сложившиеся взаимоотношения Г. В. Плеханова с меньшевизмом были очень сложны и даже противоречивы. Достаточно вспомнить, что на Втором съезде РСДРП (1903) он вначале пошел с Лениным, что в революцию 1905-07 гг. он занимал крайнюю правую в меньшевизме позицию (выступал за соглашения с кадетами на выборах в Государственную думу). Он не только остался чужд самому характерному явлению в истории меньшевизма — ликвидаторству, но в борьбе с ним стал создавать собственную группировку „партийцев”, сблизившую его вновь с Лениным.

В последующие годы Плеханов никак не мог примириться с мыслью, что меньшевики после „августовского блока” (1912 г.) превратились из идейного течения в социал-демократии в самостоятельную партию. Нет, Плеханов считал меньшевизм только „фракцией”. Накануне войны, в Брюсселе, при Международном социалистическом бюро, в совещании всех течений социал-демократии, за исключением большевиков, Плеханов участвовал, но, по-видимому, считал это совещание фракционным. Он видел в нем только шаг к „восстановлению РСДРП”. В 1917 г. он писал, что война помешала этому восстановлению, но она „никоим образом не поставила меня и моих ближайших товарищей за пределы будущей нашей партии”³⁷.

Совершенно очевидно, что после октябрьского переворота меньше всех других мог Плеханов, говоря о будущей социал-демократической партии, рассчитывать на включение в нее каких-нибудь элементов большевизма. Он был полити-

чески изолирован, но всеми своими помыслами принадлежал меньшевизму, если не как партии, то как социал-демократическому направлению.

Литературное наследство Плеханова за те несколько месяцев, которые он прожил после октябрьского переворота, исчерпывается немногими его статьями в „Единстве”. Эта небольшая газета несомненно вела непримиримую борьбу с большевизмом — протестовала, разоблачала, возмущалась большевистскими насилиями. Любопытно, что статьи Плеханова посвящены не актуальным политическим событиям. В двух томах „Год на родине”, где собрано все, что он писал за последние 6-7 месяцев своей жизни, вы не без удивления наталкиваетесь на попытку каких-то теоретических „разъяснений” — объяснений Плеханова. В чем дело? По какому случаю Плеханову нужно объясняться в связи с захватом власти большевиками, с теми большевиками, которых он считал и пособниками немцев, и предателями социализма? А вот, оказалось, что нужно. Полноты ради, следует остановиться на этом эпизоде.

Печать разных направлений (в том числе и эсеровское „Дело народа”), в связи с большевистскими лозунгами о диктатуре пролетариата в России, вспомнила про знаменитое выступление Плеханова на Первом конгрессе Второго Интернационала в 1889 г. „Революционное движение в России восторжествует, как движение рабочего класса или совсем не восторжествует”, провозгласил тогда Плеханов. И вот торжествующие большевики эксплуатируют в свою пользу это выступление Плеханова, действительно, вскружившее немало голов в русской социал-демократии. Сейчас, разумеется, Плеханов — и не в первый раз — предостерегает русский пролетариат, составляющий меньшинство в стране, против иллюзий преждевременного захвата власти. „Наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти”³⁸.

Но в прошлом числилось за Плехановым еще выступление на Втором съезде РСДРП, когда он, поддерживая мысль другого будущего меньшевика, признал только относительную, а не абсолютную ценность политической свободы и допускал, что в интересах революции можно в две недели разогнать избранный народом парламент. Конечно, враждеб-

ной Плеханову печати было как нельзя кстати извлечь из забвения и эксплуатировать эти якобинские заявления. В статье „Буки-Аз-Ба”³⁹ Плеханов отвечает своим оппонентам. Но как отвечает? Он ясно говорит, что и разгон Учредительного собрания, и покушение на свободы со стороны большевиков никак не могут опираться на его суждения в 1903 г. Но ему казалось это недостаточным, и он призывает в свидетели и философию Гегеля, и высказывания Энгельса, и доводы о целесообразности, и аргументы против категории безусловности, и многочисленные исторические аналогии, и, очутившись в сетях диалектики, вновь повторяет ту же ошибочную мысль, которой он ушиб в свое время немало социал-демократов: „Высший закон — это успех революции”.

Ну, Ленин и его соратники руководствовались этим принципом во имя успеха организованной ими революции и действительно достигли успеха. Они разогнали Учредительное собрание, задушили молодую демократию. Они отравили последние месяцы существования Плеханова, который выпил до дна свою чашу политического одиночества.

Вся деятельность П. Б. Аксельрода после большевистского переворота прошла за границей. Самое известие о захвате власти большевиками застигло его в Стокгольме и побудило его немедленно приступить к проведению широкой акции в международных социалистических кругах, чтобы разъяснить им действительный смысл событий в России. Даже среди меньшевиков, хорошо знавших Ленина и его школу, может быть, не было политика, проницательного и осведомленного, который мог бы сравниться с П. Б. Аксельродом в этой взятой им на себя задаче. Этот интернационалист, циммервальдист эпохи войны, последовательный марксист по своему мировоззрению во время пребывания своего в России в 1917 г. близко стоявший к меньшевистскому течению, руководимому Ю. О. Мартовым, отнюдь не разделял ни революционных, ни социалистических иллюзий о большевистской революции. Для него с самого начала было ясно, что с Лениным у власти пришла и победила контрреволюция, пришедшая слева, и каждый шаг большевистской террористической диктатуры — уничтожение свобод, торжество насилия и произвола, ставка на отсталые и деклассированные элементы, использование темной солдатской стихии —

все это, вплоть до разгона Учредительного собрания и органов демократического самоуправления, все это было в глазах Аксельрода явной победой контрреволюции.

Помимо личных встреч с деятелями Интернационала и направления писем, адресованных отдельным социалистическим партиям, П. Б. Аксельрод уже на следующий день выступил с докладом о „Геростратах большевизма”, а с января 1918 г. стал выпускать „за личной ответственностью”, как он пишет, „Эхо России” (на французском языке), а с июня 1918 г. „Голоса из России” (на немецком языке), уже как официальный орган заграничных делегаций РСДРП и партии социалистов-революционеров. В первом номере этого совместного органа, выходившего под редакцией П. Б. Аксельрода и эсеров Н. Русанова и В. Сухомлина в Стокгольме, мы читаем:

„Теоретические и программные расхождения между российскими социал-демократами и социалистами-революционерами не являются препятствием для совместного руководства бюллетенем, ибо они согласны в вопросе о важнейших актуальных задачах революционной демократии в России и о своем отношении к большевистскому режиму.” Только собственными силами российской демократии должен быть ликвидирован большевизм. Ликвидация его внешней военной силой может привести только к увековечению легенды о большевизме, полагает Аксельрод.⁴⁰

Уже в 1918 г. Аксельрод формулировал свою мысль о так называемой социалистической интервенции, о посылке международной делегации в Россию для того, чтобы просветить умы и рассеять иллюзии, которых было немало в социалистических партиях за границей и для того, чтобы морально воздействовать на большевизм, поскольку это еще возможно. В обращении к социалистическим партиям Аксельрод формулирует те вопросы, которые должна международная комиссия выяснить и рассудить, кто прав, большевики или их противники:

„1. Правы ли мы или нет, утверждая, что большевистское господство фактически выродилось в жестокую контрреволюцию? Что правительство, которое выдает себя за исполнителя воли рабочих и крестьян, в действительности не останавливается перед насильственным подавлением рабочих

и крестьянских масс, доведенных до полного отчаяния политикой народных комиссаров?

2. Правы ли мы или нет, утверждая, что политика советского правительства определяется его волей к власти, стремлением сохранить эту власть в своих руках какой угодно ценой? Что оно с этой целью фактически ликвидировало все завоевания революции и ввело систему самого дикого, безудержного террора, который якобы направлен против буржуазии, а на самом деле направлен против страдающих рабочих и крестьянских масс, равно как и против социалистических партий, которые являются выразителями возмущения этих масс?.. Что советское правительство, сделав одну часть рабочего класса своими преторианцами, другие круги рабочих пытается всячески развратить, подкупить... и тем самым обеспечить его покорность себе?"

Это обращение к социалистическим партиям вводит нас в круг идей, определяющих отношение Аксельрода к восторжествовавшему в России большевизму. В другом месте Аксельрод варьирует свою мысль и с большой прозорливостью определяет большевистскую диктатуру, как „диктатуру маленькой группы, которая сотни тысяч людей... деморализует и превращает их в новое господствующее сословие, чтобы с его помощью господствовать над 150-миллионным населением”.

Будучи противником иностранной интервенции и военного вмешательства в ход гражданской войны, Аксельрод все свои усилия отдавал на организацию „социалистической интервенции”. С этой целью он использовал трибуну социалистической конференции в Берне (в феврале 1919 г.), где выступил с речью, призывавшей выбрать комиссию для обследования положения в России. Бернская конференция была созвана для того, чтобы содействовать восстановлению Интернационала, взорванного мировой войной. На ней было 96 делегатов из 26 стран. РСДРП была представлена Аксельродом, который привлек к себе на помощь двух меньшевиков — Г. О. Бинштока и С. Д. Щупака, под влиянием Аксельрода перешедших от интернационалистов к правому крылу меньшевизма и принявших затем участие в следующей конференции в Люцерне. На Бернской конференции большинство приняло предложение Аксельрода и образовало так называемое

мую „постоянную комиссию” для посылки делегации в Россию, но из этого ничего не вышло еще и потому, что меньшинство конференции оказало большое сопротивление идеям Аксельрода. „Вожди центристов, — писал потом Аксельрод в письме к Ю. О. Мартову, — упорно закрывали глаза и уши, чтобы не слышать истины об азиатском режиме”. Они „объявили все заявления о страданиях в России буржуазной фантастикой, бессовестной клеветой”. И „не случайно, — добавляет Аксельрод, — центристы вашу брошюру о терроре замолчали в своей прессе, когда мы ее опубликовали на французском языке”⁴¹.

Прежде чем мы вернемся к этому письму Аксельрода, занимающему видное место в литературном наследстве его за послеоктябрьский период, мы приведем из его брошюры „Кто изменил социализму? (Большевизм и социал-демократия в России)”, вышедшей в Нью-Йорке, в 1919 году, несколько соображений Аксельрода, выясняющих его отношение к большевизму:

„За несколько лет до войны можно было легко заметить, что большевизм был не что иное, как воскресший бакунизм. Теперь.... под прикрытием марксистской фразеологии мы имеем странную смесь противоречивых программ, грубую, доселе неслыханную фальсификацию марксизма, с помощью которой большевикам удалось... обмануть социалистический пролетариат почти всего мира и заручиться моральной и политической поддержкой... своему контрреволюционному режиму, который с варварской жестокостью погубил все демократические завоевания мартовской революции... Идеи бакунистов и бланкистов, — продолжает Аксельрод, — были основаны на иллюзиях, которые составляли часть их убеждений, — большевики не имеют и этого оправдания”⁴².

Аксельрод далее рисует обстановку, наступившую вскоре после октябрьского переворота. „Рабочие старой столицы России, став лицом к лицу с преступлением, совершенным большевиками против демократии и революции, отнеслись пассивно к совершившемуся факту. Но очень скоро, особенно после насильственного разгона Учредительного собрания и расстрела мирных демонстрантов... рабочий класс стал... высказывать свое глубокое недовольство большевистским режимом. С этого момента „рабоче-крестьянское правитель-

ство" сделалось антирабочим и антикрестьянским. Оно обратилось в олигархическую группу, власть которой держится благодаря хорошо оплачиваемой армии опричников, созданной для защиты этой группы от внутреннего врага и на многочисленной и также хорошо содержимой бюрократии... наемников и чиновников"⁴³. Аксельрод заканчивает свою книжку призывом к социалистам всего мира: „Пусть социалистические партии... выберут интернациональную комиссию, состоящую из представителей всех направлений и уполномочат ее исследовать на месте в России, что такое на деле большевистский режим. Тогда они будут в состоянии понять и увидеть, что большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог"⁴⁴.

Из этих цитат легко убедиться, что отношение Аксельрода к русским событиям шло в унисон с позицией, занятой правыми меньшевиками в России и что ЦК партии в Москве не находил с ним общего языка. Тем более, что сношения между советской Россией и западным миром были очень затруднены, особенно во время гражданской войны и блокады. В то время, как Аксельрод вел работу именно в духе своих правых воззрений среди партий Второго Интернационала и представлял РСДРП на конференциях этого Интернационала в Берне и Люцерне, ЦК принял постановление о выходе из Второго Интернационала и о создании нового левосоциалистического Интернационала. В марте 1920 г. наступил момент, когда на партийном совещании был фактически поставлен вопрос об отзыве П. Б. Аксельрода, о лишении его мандата представлять РСДРП за границей, и совещание приняло следующее постановление:

„Совещание считает неотложной задачей ЦК активное содействие скорейшему осуществлению решений французской и других социалистических партий, вышедших из Второго Интернационала, о создании нового Интернационала, объединяющего все революционные организации социалистического пролетариата. В целях такого содействия Центральному комитету необходимо в ближайшем же будущем организовать за границей свое представительство.”

На основе этого постановления и решений, принятых на совещании в апреле 1920 г., где была формулирована левосоциалистическая программа, вошедшая в историю меньшевиз-

ма, как „апрельские тезисы 1920 г.“, ЦК постановил направить за границу Ю. О. Мартова, к которому скоро был присоединен Р. Р. Абрамович. Это представительство в течение 1921-22 гг. было пополнено другими членами ЦК, оказавшимися за границей или высланными за пределы России, и оформилось в качестве Заграничной делегации РСДРП. Тогда же, 16 апреля 1920 г., ЦК принял следующее решение, непосредственно относящееся к Аксельроду:

„Принимая во внимание, что вследствие полной отрезанности России от Европы т. П. Б. Аксельрод в течение последних двух лет не мог поддерживать контакты с ЦК и не имел возможности, как он сам неоднократно указывал, быть осведомленным о действительной позиции партии в наиболее актуальных вопросах и что таким образом партия не имеет за границей действительного представительства, ЦК постановляет принять безотлагательные меры к организации временного представительства партии за границей“.⁴⁵

В 1921 г. отношение Аксельрода к большевистской революции получило выражение в „Социалистическом вестнике“ (№ 6-7) в ответе на полученное им письмо от Ю. О. Мартова. В более полном виде письмо это, написанное в конце 1920 г., появилось по-французски, а затем по-немецки (в „Социалистическом вестнике“ оно было приведено с большими сокращениями). Но и в этом извлечении оно не оставляет сомнений в позиции Аксельрода. „Большевистский якобинизм — это трагическая пародия на психологической основе геростратизма и «сверхчеловеческого» аморализма, — пишет Аксельрод. — Не из полемического задора, а из глубокого убеждения, я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую кампанию прямо, как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии. Такого же (по существу) характера методы и средства, при помощи которых ленинцы достигли власти и удерживают ее в своих руках.“

Касаясь вопроса о тактике социалистов в борьбе с большевизмом, Аксельрод продолжает:

„В борьбе с этой властью мы имеем право прибегать к таким же средствам, какие мы считали целесообразными в борьбе с царским режимом. Наше морально-политическое право на борьбу с большевиками всякими, хотя бы и воен-

ными средствами... является для меня предпосылкой, не требующей доказательств и вытекающей из того факта, что советская власть так же мало, как царская, или еще меньше, способна добровольно отказаться от своего деспотического режима и потому, как и последняя, осуждена на насильственное ниспровержение.”

Аксельрод отдавал себе отчет, что по окончании гражданской войны в советской России прошло время, когда вопрос о насильственном ниспровержении власти приобретает актуальность. Правда, в 1920-21 гг. в стране продолжалось великое напряжение, шли крестьянские восстания на Волге и в Центральной России, а вскоре Кронштадтский мятеж потряс до основания большевистскую власть и вырвал у Ленина экономическое отступление — НЭП. Свирепствовал голод. Неизбежность политических реформ висела в воздухе. Большевистская диктатура, однако, упорно отказывалась вступить на путь политического НЭПа. Террор развивался с новой силой, направляя свое острие с большой жестокостью по адресу меньшевиков и эсеров. Ю. О. Мартов отвечал в весьма сдержанной форме на письмо Аксельрода на столбцах „Социалистического вестника” (№ 8, 1921). Он пытался разъяснить недоразумение: „право на восстание” против большевистской власти и он признает, но считает, что организация такого восстания при нынешнем соотношении сил приведет к победе контрреволюции. А что касается прошлого и той тактики, которую проводила партия в гражданской войне и с которой Аксельрод был решительно не согласен, то мы в борьбе против контрреволюции и интервенции отстаивали большевизм, пишет Мартов, как „меньшее зло”.

П. Б. Аксельрод до самой смерти (в 1928 г.) проживал в Берлине. Он поддерживал тесный контакт с внутривластной оппозицией, с представителями правого течения в меньшевизме, но в правую фракцию не входил. Он стоял в стороне и от деятельности Заграничной делегации. Лишь один раз, в 1923 г., он согласился войти в делегацию РСДРП на Международный социалистический конгресс в Гамбурге. В связи с этим конгрессом он вместе с И. Г. Церетели принял участие в выработке проекта резолюции по русскому вопросу. К сожалению, этот проект редакция „Социалистического вестника” отказалась напечатать. Так, в сущности, на закате своих

дней П. Б. Аксельрод, как Плеханов и как Потресов, познал горечь политического одиночества в меньшевизме.

5. Внутривнутрипартийные правые меньшевики в эмиграции

Образование фракции правых, так называемой внутрипартийной оппозиции, в эмиграции относится к 1922-23 гг., когда в Германии очутились высланные большевистской властью и частью нелегально бежавшие из России меньшевики, активно участвовавшие в деятельности правого течения в России. Идею и организационное ядро правых меньшевиков в Берлине составили в первую очередь П. А. и С. С. Гарви, С. Л. Вайнштейн-Звездич, А. Э. Дюбуа, В. С. Войтинский, М. С. Кефали, Г. О. Биншток, Г. Я. Аронсон, С. Ю. Волин, Ю. А. Гринфельд, И. А. Виляцер, д-р Р. Я. Гинцберг, Г. В. Рабинович, Л. Я. Эткин, А. Ю. Браун и некоторые другие. В других городах были также правые, в частности, в Париже, был М. С. Зборовский, примкнувший к этому ядру в 1933 г., когда берлинская меньшевистская колония пересекла во Францию. Почти все названные лица были видными деятелями социал-демократическими партии в России. Среди них — долготелый член Центрального комитета П. Гарви, видные участники революций 1905 и 1917 гг. С. Л. Вайнштейн-Звездич, С. М. Зборовский, В. С. Войтинский, А. Э. Дюбуа, игравший выдающуюся роль в профессиональном рабочем движении М. С. Кефали и т. д.

Чрезвычайно большое моральное значение для правого течения имело то обстоятельство, что ряд влиятельных представителей меньшевизма, как П. Б. Аксельрод, И. Г. Церетели, один из основателей Бунда Владимир Косовский, сотрудник социал-демократических немецких изданий П. К. Ольберг, хотя организационно и не все входили во фракцию правых, но полностью разделяли их воззрения как в отношении большевистской диктатуры в России, так и в отношении левого уклона Центрального комитета РСДРП в России и „Социалистического вестника”, выходявшего с 1921 г. в Берлине. Существенным было, что правое течение сохраняло

постоянный контакт с некоторыми авторитетными идеологами международного социализма, как Карл Каутский и Эдуард Бернштейн, которые, в противоположность просоветским настроениям, господствовавшим во многих социалистических партиях в Европе и Америке, понимали истинную природу большевистской революции и непримиримо относились к советской диктатуре.

С весны 1922 г. в Берлине стал выходить под редакцией внепартийного меньшевика Степана Ивановича (С. О. Португейса) орган социалистической мысли „Заря”, который был близок к кругу идей Плеханова и Потресова. Никто, однако, из партийных меньшевиков в нем не участвовал, хотя нити, связывавшие внутрипартийных правых с „Социалистическим вестником”, тоже не были ни постоянными, ни прочными. Вообще взаимоотношения внутрипартийной оппозиции с Заграничной делегацией партии были весьма холодными. Так, в состав Заграничной делегации входил на первых порах только Г. Аронсон (кооптированный с совещательным голосом, как член ЦК Бунда, получивший решающий голос только в 1927 г. по соглашению с Бюро ЦК в России), а в „Социалистическом вестнике” сотрудничал, да и то не часто, только Г. В. Рабинович (Вейс). Другие — П. Гарви, Г. Биншток (Г. Осипов), С. Волин появлялись довольно редко, а к органической работе, пожалуй, никто из правых привлечен не был. Господствовавшие в партийных инстанциях левые тщательно ограждали входы.

В 1922-23 гг. проходили в начале новой фазы большевистской революции, когда на смену военного коммунизма под влиянием крестьянских восстаний и Кронштадтского мятежа Ленин вынужден был ввести НЭП. Казалось, что левые меньшевики, в годы гражданской войны делавшие ставку на социалистический характер революции, сейчас в изменившейся обстановке будут склонны вернуться к развернутой платформе политической демократии и к более реалистической оценке социально-экономических тенденций развития России. Поэтому основной задачей правой фракции было воздействие на руководителей Заграничной делегации и „Социалистический вестник” в сторону пересмотра платформы в направлении отказа от левосоциалистических установок. Такого рода пересмотр, по мнению внутрипартийных

правых, мог быть сделан прежде всего путем критики и самокритики прошлого, идеологии и практики левых в 1918-20 гг., поэтому дискуссия по платформе должна была на страницах „Социалистического вестника” обеспечить свободу высказывания всем инакомыслящим в партии и тем самым открыть возможность сближения и сговора с внепартийными меньшевиками и содействовать на широкой основе идейной и организационной консолидации меньшевизма.

Эти два вопроса: о ревизии левосоциалистической позиции ЦК („апрельских тезисов” 1920 г. и др. решений того времени) и об отношении к журналу „Заря” и к направлению, представленному Степаном Ивановичем, — и были поставлены на заседаниях Заграничной делегации. Надо сказать, что если вопрос о дискуссии был Заграничной делегацией внесен в узкие границы с самого начала, то попытка открыть двери организации (даже социал-демократического клуба в Берлине) для внепартийных меньшевиков встретила решительное сопротивление.

7 октября 1922 г. Заграничная делегация постановила по первому вопросу „пределы дискуссии по платформе ограничить рамками разногласий в области текущей политики и практики, разногласия прошлого времени можно поднимать лишь постольку, поскольку это необходимо для основной задачи. Статей, посвященных специально критике позиций партийных течений в прошлом, не помещать”.

Надо, однако, сказать, что полностью такой ригористической позиции провести Заграничной делегации не удалось, и в ноябре появилась статья Г. Аронсона, резко критиковавшая левосоциалистическое направление. Статья была перепечатана в „Заре” Ст. Ивановича и подхвачена общей демократической печатью — „Последними Новостями” и др. Она особенно муссировалась „Правдой” в связи с постановкой в статье вопроса о восстании и свержении режима. Приводим соответствующую цитату, определяющую подход автора к этой тактической проблеме:

„Мы отнюдь не закрываем глаз на слабость демократического движения в стране, на опасность стихийных народных движений, с которыми так легко расправляется железом и кровью деспотический режим, на падение удельного веса, численности и сознательности пролетариата. Мы, как и всег-

да, решительно должны отвергнуть заговорщические пути авантюры и вспышко пускательства и всячески предостерегать от подмены идеи восстания, т. е. идеи революции — идеей „технической организации и подготовки вооруженного восстания”, как известно, являющейся давней специальностью большевиков. Более того, мирный, бескровный исход, возвращение народу похищенных у него прав без насильственного свержения режима казался бы и нам наиболее желательным и экономным путем. Но все это построение окажется пустым и жалким резонерством, если реформирование режима окажется невозможным, если коммунисты, принужденные пойти на НЭП, откажутся дать политические реформы, если история откроет для народа, как единственный путь, путь революции, восстаний и кровавых жертв, если внутренние противоречия режима, постепенно обостряясь, вызовут уличное движение, и организованное массовое давление „всеми средствами” выльется в победоносное народное восстание, свергающее ненавистную власть. Что же, с[оциал]-д[емократическая] партия, организующая пролетариат и пролетарский авангард, возглавляющий народные массы в борьбе за демократию, должны уклониться от последовательной революционной тактики?”⁴⁶

Любопытно привести здесь цитату из статьи А. Н. Потресова, варьирующей эту мысль спустя семь лет:

„Только развертывая на своем знамени эти цели (ликвидация диктатуры и народовластия), — писал Потресов, — и только собрав вокруг себя достаточное количество сил, демократические партии могут, если предвидится случай, вырвать у власти уступки, и могут, буде власть на уступки не пойдет и буде час революции окажется приспевшим, влить свои организованные силы в стихийный процесс, тем самым уменьшая долю хаоса и увеличивая долю сознательности.”

Впрочем, Потресов к этому времени не питал надежды на близость событий в России: „До народной бури в России еще пока далеко”⁴⁷, писал он тогда же.

Редакция так и не провела сколько-нибудь развернутой ревизии прошлого меньшевизма и этим самым открыла возможность при выработке новой платформы сохранить в ней рецидивы ничем не оправданной и скомпрометированной жизнью левизны. Но это уже относится к 1924 г., когда была

формулирована платформа для периода НЭПа. Об этом будет сказано дальше.

Что касается группировки и журнала „Заря”, то Заграничная делегация не выражала никакого намерения пойти навстречу даже самым скромным домогательствам внепартийных меньшевиков. Ст. Иванович не был допущен в меньшевистский клуб из-за того, что в годы гражданской войны, находясь в Одессе, он входил в состав Союза возрождения. „Группа «Заря» не является ни организационно, ни идейно частью РСДРП”, постановила Заграничная делегация от 26 апреля 1923 г., и поэтому, когда представители этой группы, ссылаясь на полученные мандаты от своих единомышленников из России, хотели иметь представительство на Международном социалистическом конгрессе в Гамбурге (май 1923 г.), Заграничная делегация категорически отказалась не только включить их в состав своей делегации, но и содействовать ей в реализации представительства в другой форме.

В это же время Ф. И. Дан, как руководитель Заграничной делегации, вел переговоры с представителями внутрипартийных правых о возможности их участия в партийной работе и, в частности, в выработке партийной платформы. Дан ставил условия, и Заграничная делегация (в заседании 26 апреля 1923 г.) их формулировала: „Оппозиция за спиной партии не ведет переговоров с лицами, стоящими вне партии и ей враждебными и не делает шагов, ставящих партию перед лицом совершившихся фактов”, подчиняется решениям, когда остается в меньшинстве и т. д. Вопрос о пополнении Заграничной делегации представителем правых (с решающим голосом) откладывается, а пополнение редакции „Социалистического вестника” представителем оппозиции — отвергается „в интересах работоспособности редакции”. (Заседание Заграничной делегации от 27 сентября.) Внутрипартийная оппозиция участвовала в нескольких заседаниях, посвященных выработке новой платформы, но это не привело к каким-либо изменениям в организационном отношении. Участие в „Социалистическом вестнике” спорадически продолжалось, но в Заграничную делегацию входил только один Г. Аронсон, с совещательным голосом.

Некоторые перемены начались с весны 1924 г., когда по приезде за границу представителя русского Бюро ЦК Г. Д. Ку-

чина, активного деятеля революции 1917 г., состоялось совещание для выработки новой платформы партии. Г. Д. Кучин сам принадлежал в первые годы большевизма к правому течению и в опубликованных им статьях в „Социалистическом вестнике” подверг критике официальную позицию партии 1918-1920 гг. в тонах, настолько близких к дискуссионной статье Г. Аронсона, что Ю. О. Мартов не случайно объединил обоих авторов в своей последней, незадолго до смерти написанной статье „Ответ критикам”. К моменту партийного совещания в Берлине Г. Д. Кучин занимал позиции „центра”, что в большой степени облегчало осуществление поставленной им задачи по сближению правого крыла с официальными партийными инстанциями.

На партийное совещание было приглашено видное представительство внутрипартийной оппозиции: Г. Аронсон, Г. Биншток, В. Войтинский, П. Гарви, М. Кефали (Войтинского заменил потом А. Дюбуа). Несмотря на некоторый сдвиг, наметившийся в период НЭПа у Заграничной делегации, в новой платформе, принятой совещанием, то и дело звучали ноты, напоминавшие прошлое — эпоху первых лет большевизма. Формулировки ряда пунктов носили абсолютно неприемлемый для правых характер. Так, вернувшись к идее демократической республики (вытесненной в прежнее время лозунгом Советов), платформа оставалась на почве „трудовластия”. Отводя большую роль коммунистической оппозиции в период ликвидации диктатуры, платформа оставляла место для ориентации на соглашение с частью правящей партии. То же самое относится и к апелляции в платформе к мертворожденной советской конституции. Недостаточное выражение получило и отталкивание от идеи сплошной национализации промышленности. Что касается международной части платформы, то в ней преобладала критика господствующего в Интернационале „реформистского оппортунизма” и посылались упреки Рабочей партии Англии в том, что она „до сих пор не доработалась до теоретического обобщения своих классовых задач” и довольствуется борьбой „за частичное улучшение положения рабочего класса на почве капитализма”. „Борьба рабочего класса за политическую власть в целях устранения противоречий послевоенного капитализма путем обобществления орудий производства ста-

новится основным содержанием ближайшей исторической эпохи”, — т.е. эпоха эта, как ранее, вновь воспринимается как эпоха социальной революции, а РСДРП вменяется в обязанность содействовать „сплочению революционно-марксистских элементов внутри РСИ”.

По всем этим причинам делегация внутрипартийных правых голосовала против международной части платформы и собиралась также голосовать против части, касающейся внутренней и экономической политики. Но после длительных переговоров правые пошли на компромисс и, вместо голосования против, воздержались при голосовании всей платформы. Это воздержание, по-видимому, имело и организационное значение: только при этом условии большинство Заграничной делегации соглашалось пойти навстречу требованию правых о пополнении Заграничной делегации представителем внутрипартийной оппозиции. Постановлением Делегации от 22 ноября 1924 г. в ее состав был введен представитель правых М. С. Кефали.

Ясности ради подтверждаем, что с 1927 г., когда Г. Аронсон получил также решающий голос в Делегации, эти оба лица были официальными представителями там правых. Все старания увеличить это представительство не увенчались успехом, как не удалось добиться того, чтобы П. А. Гарви, много писавший в „Социалистическом вестнике” и выдвинувшийся за границу, как литературный представитель правого течения, был введен в состав редакции журнала. На заседаниях Делегации предложение правых о включении П. А. Гарви систематически отклонялось (14 июня 1924 г., 10 ноября 1929 г. и т. д.). Правые порой вносили предложение о включении П. А. Гарви в Заграничную делегацию с совещательным голосом (12 мая 1934 г.), но и это предложение решительно отвергалось.

Приходится констатировать, что в течение долгих периодов „Социалистический вестник”, единственный русский социал-демократический орган, был фактически закрыт для ряда представителей правого течения, среди которых было несколько видных социал-демократических авторов. П. А. Гарви и в берлинский, и в парижский период чувствовал себя не раз вынужденным прерывать всякие отношения с редакцией „Социалистического вестника”. Участие правых,

даже членов Заграничной делегации, в „Социалистическом вестнике” было почти ограничено моментами, приуроченными для дискуссий, а обычно, в силу фракционной междоусобицы, сводилось к минимуму. Даже в годы смягчения разногласий, идеологических и тактических, организационное ущемление прав внутрипартийных правых имело место, и „осадное положение в партии”, если пользоваться словечком Мартова из лексикона 1903-04 г., продолжалось, направляя свое острие не только против внепартийных правых, но и против „лояльных” и „законопослушных” представителей внутрипартийной оппозиции.

Когда в самом начале 1930-х годов левый монолит дал трещину, так называемое „мартовское крыло” распалось, и из него выделились „левое крыло” и „центр”, жестоко порой расходившиеся между собой. Тем не менее обе враждующие группы легко находили общий язык, когда речь шла об ущемлении правых. Характерно для внутрипартийной атмосферы, что в марте 1940 г., во время Второй мировой войны, П. А. Гарви начал свою статью в „Социалистическом вестнике” словами: „Возвращаясь после вынужденного перерыва к работе.” Таких вынужденных перерывов у него было немало за годы 1923-1940. Не менее тягостный осадок остался у правой оппозиции от длительно-безнадежной борьбы за включение Гарви, члена ЦК партии с 1907 г. и бессменного руководителя меньшевиков-практиков в России — в состав Делегации.

Весьма возможно, что отклонение кандидатуры Гарви диктовалось, главным образом, чисто организационными соображениями: боязнь левого большинства Заграничной делегации за „соотношение сил”. Эта боязнь, как показало дальнейшее развитие дел в Делегации, была небезосновательной. Левое большинство в сущности только искусственным путем могло отсрочить процесс постепенного, но неизбежного „поправения” и Делегации, и „Социалистического вестника”, которое фактически означало переход партийных инстанций на линию воззрений, защищавшихся внутрипартийной оппозицией. Это произошло однако уже в разгар Второй мировой войны, когда Заграничная делегация и „Социалистический вестник” уже нашли убежище в Америке.

К характеристике обстановки в нашей заграничной организации следует остановиться на нескольких эпизодах, проливающих свет и на расхождения, существовавшие между руководящими инстанциями и внутрипартийной оппозицией и на взаимоотношения между ними. Быть может, стоит остановиться на мелочи, связанной с литературным выступлением Г. Аронсона, когда он по приглашению А. Ф. Керенского стал берлинским корреспондентом парижских „Дней”. Появление первой его статьи в „Днях” вызвало волнение, и по предложению Ф. И. Дана Заграничная делегация 13 января 1926 г. постановила, что „сотрудничество членов Заграничной делегации в политических органах русской эмиграции признается недопустимым”.

Спустя несколько лет злополучная тень А. Ф. Керенского снова появилась на горизонте Заграничной делегации, вызвав ожесточенную бурю в стакане воды. 6 декабря 1932 г. на заседании Заграничной делегации обсуждался вопрос о том, что В. С. Войтинский, член правой фракции, совершил правонарушение: председательствовал на публичной лекции прибывшего из Парижа Керенского. На заседании было оглашено письмо Войтинского, сообщающего, что он председательствовал в порядке дружеских отношений с Керенским и никакого акта солидаризации с направлением политической деятельности Керенского в акте председательствования не было.

Тем не менее левое крыло Делегации решило по этому вопросу дать бой. Ф. И. Дан от имени своего течения предложил ей считать, что активное участие в докладе представителей других партий является недопустимым для члена партии, ибо оно „затемняет действительную политическую линию партии и воспринимается, как солидаризация с партиями, от которых РСДРП отмежевывается и с которыми ведет борьбу”. Это предложение Дана вызвало возражения со стороны ряда членов Заграничной делегации, и поэтому в связи со случаем Войтинского (а также в связи с тем, что среди лиц, приветствовавших с юбилеем журнал „Современные записки” оказался член Заграничной делегации Б. И. Николаевский) было оглашено заявление пяти членов Делегации (Дана, Югова, Гуревича, Юдина, Шварца), в котором остальные члены Делегации предупредились, что

„при первом новом оказательстве такого рода мы увидим себя вынужденными публично снять с себя ответственность... Мы сделаем все... для спасения русской социал-демократии от политической деморализации и сотрудничества с силами контрреволюции и реставрации и т. д.”

Должен отметить, что это было второе выступление левой фракции, фракции Дана, в Заграничной делегации; первое выступление левых состоялось еще 6 июля 1930 г., полтора года тому назад, по вопросу о публикации „тезисов”, представленных правыми к заседанию Исполкома Социалистического Интернационала, когда оформились три основных течения в Делегации: левая пятерка, „центр”, объединивший трех членов Делегации (Р. Абрамовича, Д. Далина и Б. Николаевского) и двух представителей правого течения. По ряду вопросов правые оказывали поддержку „центру”, почему Делегация, разделенная на две „пятерки”, порой оказывалась не в силах выносить какие-либо решения.

По вопросу о председательствовании Войтинского на докладе Керенского волнение перенеслось за пределы Делегации, в партийную периферию. Фракцию Дана поддержали своим выступлением крайняя левая (ее письмо подписали О. Доманевская, А. Гуревич, В. Шварц). Правая фракция со своей стороны заявила протест попытки левых сводить на этом деле фракционные счета. 21 декабря протест внесли члены Заграничной делегации Аронсон и Кефали, а 22 декабря правая фракция (за подписями Г. Аронсона, М. Кефали, П. Гарви, Ю. Гринфельд, Р. Гинцберга, С. Гарви, Ю. Волига) в свою очередь подала протест „против искусственного раздувания факта, не имевшего никакого политического значения и прошедшего совершенно незамеченным даже во враждебных нам общественных кругах”, а в резолюции, внесенной в Делегацию, увидела „попытку дезавуировать видного деятеля русского рабочего и социалистического движения (В. С. Войтинского), чтобы таким путем учинить фракционную расправу над тем течением в партии, к которому мы принадлежим”.

По этому же вопросу, может быть, уместно привести заявление в Заграничную делегацию, внесенное Г. Аронсоном 20 декабря, как представляющее некоторый политический интерес:

„Я голосую против резолюции потому, что считаю заявление т. Войтинского вполне исчерпывающим вопрос и вижу в факте вынесения резолюции стремление политически отмежеваться от т. Войтинского. Я голосую против резолюции также потому, что, по моему мнению, она преследует цель углубить брешь между нами и теми демократическими и социалистическими элементами, с которыми связан Керенский. Эту постановку вопроса я считаю искусственно усиливающей нашу изоляцию от других элементов русского социализма и демократии и политически пагубной для нашей партии и считаю своим долгом бороться против этой позиции.”

Большое место и в жизни, и в борьбе внутривнутрипартийной оппозиции занял вопрос о привлечении А. Н. Потресова к деятельности Заграничной делегации и к руководящему участию в „Социалистическом вестнике”, когда ему удалось больному и физически и морально измученному тюрьмой и голодухой вырваться из советской России за границу. Правая фракция вскоре после того как Потресов несколько оправился, ознакомился с положением дел и в международном социализме, и в партийной обстановке за границей, решила поставить ребром вопрос перед партийными инстанциями, и 11 марта 1927 г. Аронсон и Кефали предложили Заграничной делегации обратиться к Потресову за сотрудничеством в „Социалистическом вестнике” и в подготавливавшемся тогда издании Дискуссионного сборника. „Заграничная делегация не находит оснований ставить этот вопрос на ее разрешение”, — ответила делегация и отмахнулась от предложения правых.

Когда вскоре после того А. Н. Потресов, ознакомившись с выпусками „Социалистического вестника” за те годы, когда пребывание в советской России не давало ему возможности регулярно следить за журналом, издал свою книгу „В плену у иллюзий” (Париж, 1927), в которой подверг критике левосоциалистический курс Делегации, выдерживая ее в духе, родственном высказываниям правого течения, Г. Аронсон и М. Кефали вновь подняли вопрос о привлечении А. Н. Потресова. Проект резолюции, внесенный ими на заседании 12 октября 1927 г., гласил: „Заграничная делегация констатирует, что система взглядов, получившая выражение в брошюре А. Н. Потресова „В плену у иллюзий”, как и его письмо в редакцию „Социалистического вестника”, вполне

укладывается в рамки любой партии, входящей в Рабочий Социалистический Интернационал и тем самым в рамки РСДРП. Поэтому Делегация в интересах консолидации с [оциал]-д[емократических] сил и собирания их под знамя РСДРП постановляет: ...привлечь А. Н. Потресова к участию в „Социалистическом вестнике” и Дискуссионных сборниках”.

Однако и на этот раз предложение правых было отклонено. Вот постановление Заграничной делегации по этому вопросу:

„Заграничная делегация РСДРП констатирует, что литературные выступления А. Н. Потресова не дают Заграничной делегации никаких оснований подымать в настоящее время вопрос о возвращении его в партию или о приглашении его в „Социалистический вестник” или Дискуссионные сборники и что к тому же сам А. Н. Потресов такого вопроса не подымает. Заграничная делегация снимает с обсуждения вопрос о Потресове, возбужденный двумя ее членами.”

Так большинство Делегации отстранило одного из основателей меньшевизма от того, что оставалось от партии и лишило возможности одного из редакторов „Искры” возобновить работу на страницах партийного органа.

Вопрос о Потресове, осложненный в частности тем, что он был и морально, и политически связан со Ст. Ивановичем и его группировкой „Заря”, был предметом частных и закулисных переговоров, и в сущности не столько политическая позиция Потресова явилась препятствием для его вхождения в „Социалистический вестник”, сколько характер переговоров и переписки между Даном и Потресовым. Однако помимо „тайной дипломатии”, борьба за и против Потресова порой принимала довольно острые формы и не раз оказывалась в центре жизни Заграничной делегации. На одном из эпизодов этой борьбы, характеризующих нравы нашей эмиграции, мы задержимся, ибо он сыграл весьма значительную роль в жизни внутрипартийной оппозиции.

Журнал Ст. Ивановича „Заря” прекратился в 1925 г., и только в начале тридцатых годов, несколько оправившись от тяжелой болезни, А. Н. Потресов, считая безнадежным всякую попытку сговора или сближения с „Социалистическим вестником”, приступил в Париже, при помощи амери-

канских друзей и единомышленников (д-ра С. М. Ингермана, Я. М. Джемса и др.) и при участии того же Ст. Ивановича, к изданию журнала „Записки социал-демократа”. Внутривнутрипартийные правые в большинстве своем не были склонны участвовать в органе Потресова, хотя бы для того, чтобы избежать склок в официальных партийных инстанциях. Однако один из внутривнутрипартийных правых Г. Осипов (это был псевдоним одного из выдающихся членов партии, эрудита и писателя Г. О. Бинштока, перешедшего после октября от интернационалистов левого крыла к правому течению) опубликовал в „Записках социал-демократа” свою статью. Заграничная делегация сейчас же решила принять дисциплинарные меры и на заседании 26 февраля 1932 г. признала выступление Г. О. Бинштока в органе Потресова „абсолютно недопустимым и нетерпимым”. Но к следующему заседанию — 2 мая 1932 г. — выяснилось, что строптивый Г. О. Биншток напечатал новую статью в журнале Потресова, и тогда началась расправа. Большинство Делегации твердо решило наказать Бинштока за непослушание и неподчинение и исключить его из партии за то, что он позволяет себе сотрудничать в журнале Потресова. Как мы видим, между 1927 г. и 1932-м лежит дистанция огромного размера. Теперь речь идет не о привлечении Потресова в „Социалистический вестник”, а об исключении из партии за совместные литературные шаги с Потресовым.

Присутствовавший на заседании Биншток категорически заявил, что он не признает за Заграничной делегацией права исключать из партии за сотрудничество в журнале Потресова, подобно тому, как мы не признаем за Сталиным права лишать нас гражданства. Правые члены Заграничной делегации, М. Кефали и Г. Аронсон, заявили решительный протест против попытки исключения членов партии за сотрудничество в журнале Потресова и внесли одновременно письменный протест против запрещения членам партии участвовать в „Записках социал-демократа”. Вот текст их заявления:

„Констатируя, что «Записки социал-демократа» не преследуют никаких организационно-политических задач, а являются лишь органом определенного направления социал-демократической мысли, сторонники которого имеются также в рядах партии, мы решительно возражаем против всякой

попытки запретить членам партии сотрудничество в „Записках социал-демократа” и полагаем, что такое запрещение наносит явный ущерб интересам идейного развития социал-демократии и затрудняет консолидацию нашей партии. По этим основаниям мы голосовали против постановления, запрещающего в связи с напечатанием статьи Г. О. Бинштока в «Записках социал-демократа», сотрудничество членов нашей партии в журнале А. Н. Потресова, Степана Ивановича и их единомышленников.”

Вокруг этого дела в Делегации возник ряд острых столкновений. Кроме правых возражал против всяких репрессий по адресу Бинштока и Б. И. Николавский. Но остальные члены большинства оставались непреклонны и вынесли постановление, гласящее, что „товарищи, отказывающиеся от выполнения общеобязательных партийных постановлений, регулирующих участие членов партии во внепартийных предприятиях, ставят себя тем самым вне рядов партии”.

На этом, однако, судьба этого вопроса не закончилась. По-видимому, в самом левом большинстве не было достаточно единодушия. У многих кошки скребли на сердце. К тому же некоторые, верно, понимали, насколько компрометарно для Делегации будет исключение столь видного партийного деятеля, как Г. О. Биншток — и за что, собственно? — за участие в органе Потресова. И вот в левой фракции возникла мысль добиться и от правых в том или ином виде формального осуждения Бинштока и в этом случае отказаться от исключения из партии Бинштока. Не без труда, но „компромисс” был достигнут. Резолюция от 2 мая об исключении Бинштока была отменена. 9 мая ему было вынесено строгое осуждение, при голосовании которого правые воздержались, внося одновременно свое „заявление по мотивам голосования”, в котором наряду с формальным осуждением содержалась и принципиальная солидарность с позицией Потресова и даже положительное отношение к участию в его журнале. Эти оба документа из хроники Заграничной делегации были тогда же опубликованы в „Социалистическом вестнике”.

В дискуссионных статьях, от времени до времени появлявшихся в „Социалистическом вестнике” и в дискуссионном сборнике „Проблемы революции” (1926), где была опубликована обширная статья П. А. Гарви, позиция правого

течения излагалась исчерпывающим образом. Эту же цель преследовали внутрипартийные правые, внося свои „тезисы” или проекты платформы, когда на заседаниях, а порой на расширенных совещаниях при Заграничной делегации обсуждались общеполитические вопросы. Такого рода документы были внесены правыми в 1930, 1933 и 1934 годах.

Весной 1930 г., когда из СССР просочились первые известия об ужасах сталинской коллективизации деревни, и общественное мнение в международных социалистических кругах было сильно взволновано, возникла мысль о созыве специальной сессии Исполкома Рабочего Социалистического Интернационала для обсуждения русского вопроса. Совершенно естественно, что Заграничная Делегация постановила выработать свою декларацию по этому вопросу и представить ее заседанию Интернационала. Внутрипартийная оппозиция разработала и свои тезисы, подстегиваемая, в частности, и тем соображением, что Интернационал, находившийся под сильным влиянием левосоциалистических группировок (Бауэр, Адлер, Жиромский, отчасти Блюм), быть может, под впечатлением чудовищного нажима коммунистической диктатуры на деревню, сейчас займет более выдержанную политическую линию в русском вопросе, чем это бывало до сих пор.

Правые в своих „тезисах”, подвергнув тщательному анализу создавшееся положение в России и обозначившуюся после ликвидации НЭПа новую линию диктатуры по введению „интегрального социализма”, призывали Интернационал выступить с воззванием, в котором было бы указано на „опасности, грозящие русской революции и русскому пролетариату от продолжения режима террористической диктатуры” и был бы сделан призыв о поддержке борьбы „за демократическое преодоление диктатуры”. В обращении к крестьянам Интернационал должен заявить, что „насильственная коллективизация ничего общего с социализмом не имеет”, что Интернационал возмущен „террористическими методами большевистской аграрной политики”, что „социалистическое преобразование возможно только в рамках политической демократии” и т. д. В противоположность всему строю зараженной просоветизмом левосоциалистической мысли, правые считают нужным призвать рабочих России бороться за демократическую республику, парламент,

всеобщее избирательное право, восстановление свобод, в том числе и свободы стачек. Протестуя против „всеобъемлющей национализации хозяйства” и социального утопизма, правые полагают, что „утопические эксперименты... над хозяйством отсталой страны доказали невозможность для нее перескочить через фазу капиталистического развития” и что при перестройке экономической жизни должны быть всемерно ограждены права и интересы рабочего класса.

Заграничная делегация, однако, тотчас решила принять свои меры. 30 апреля 1930 г. она постановила не предъявлять тезисов правых в заседании Интернационала. 1 мая было решено не публиковать эти тезисы и в „Социалистическом вестнике”. На ряде заседаний Заграничной делегации в июне, когда выяснилось, что представители внутривнутрипартийной оппозиции в связи с отказом опубликовать эти тезисы все же направили свой документ в РСИ и заявили о своем выходе из числа сотрудников „Социалистического вестника”, вопрос этот продолжал обсуждаться. Внутри большинства Делегации наметились в свою очередь разногласия: между „левой пятеркой” и „центром”. Правые присоединили свои голоса к „центру”, и в результате голоса разделились поровну: 5 и 5. За равенством голосов ничего не было решено, и благодаря этому „тезисам” правых удалось проскочить в „Социалистический вестник”.

Что касается Рабочего Социалистического Интернационала, то секретарь последнего, Фридрих Адлер, вероятно, хорошо осведомленный своими левыми друзьями из Делегации, вернул Г. Аронсону, как первому из подписавших, тезисы правых, указав в любезном письме, что так как правое течение представляет собою меньшинство в партии и не порвало с ней, то было бы не в традициях Интернационала заслушивать мнение не только большинства, но и оппозиции. Вывод из этого письма можно было бы сделать и такой: нужно порвать с партией, чтобы быть выслушанным в Интернационале.

Осенью 1933 г. назрела острая потребность в пересмотре партийной платформы. Платформа, определявшая в последнее десятилетие официальную позицию партии, уже в течение нескольких лет в связи с ликвидацией НЭПа (независимо от того, что в сравнении с документами эпохи 1918-20 гг. она

представляла шаг вперед по пути реалистической ориентации партии), являлась в сознании всех направлений „преодоленным штандпунктом”, как выражаются немцы. Выработка новой партийной платформы диктовалась совокупностью новых условий всей международной жизни: приходом к власти нацизма в Германии, глубоким экономическим кризисом, захватившим и США, поражением демократического режима в ряде стран и возросшей угрозой новой мировой войны. Торжество сталинизма в России, ликвидация всех видов коммунистической оппозиции — утопической „левой” (зиновьевско-троцкистской), в которой ощущало родственную душу левое крыло в меньшевизме (руководимое Даном), и „правой” оппозиции, более реалистически настроенной, на которую ориентировался меньшевистский „центр” (Р. Абрамович, Б. Николаевский, Д. Далин), продвижение Сталина на путях жестокого террора к единодержавной, единоличной диктатуре, беспощадно проводившей железом и кровью и сверхиндустриализацию, и коллективизацию сельского хозяйства, — все это также делало необходимым новый пересмотр платформы и новую попытку формулирования меньшевистских воззрений на мир и на Россию.

Правые меньшевики не видели нужды в существенной ревизии своих позиций. Деспотический социализм или коммунистическая карриатура на социализм не вызывали у них иллюзий. Принципы демократии, даже если эта демократия переживает полосу кризиса, — являлись для правых единственной основой, на которой мыслима борьба рабочих за социализм, за мир. Никаких надежд правое течение никогда не связывало с внутренней борьбой в коммунизме и решительно отвергало, например, ориентацию на правую оппозицию (Бухарин, Рыков, Томский), крестьянофильские тенденции которой, разумеется, заслуживали бы поддержки, если бы эта оппозиция, как и левая, как и вся компартия не были прикреплены к диктатуре, как к пуповине и не были обречены действовать террористическим порядком в пароксизме борьбы за власть. Поэтому не только идея соглашения с коммунистической партией или с той или иной фракцией коммунизма, которой жил левый меньшевизм и с которой не мог разделаться меньшевистский „центр”, всегда отталкивала от себя правое крыло, но правым меньшевикам всегда

претили какие бы то ни было стратегические планы в отношении внутренней борьбы в коммунизме, то и дело возникавшие среди меньшевиков.

Тем не менее вопрос о пересмотре платформы назрел. Инициатива пришла слева. Дан от имени своих единомышленников внес проект платформы, в которой в сущности намечалось — в новых формах и новых терминах — возвращение ко временам „апрельских тезисов” 1920 г. Этот рецидив левизны сейчас сошел с несколько абстрактных высот ранней концепции Ю. О. Мартова, воспринимавшей наш мир уже вступившим в эпоху мировой социальной революции, что открывало для большевистского опыта построения социализма более благоприятную акустику, и искал для себя подкрепления в реальных достижениях диктатуры, в области в индустриализации и в коллективизации. Более того, новая платформа, по Дану, уже не довольствовалась, как в годы НЭПа, революционными иллюзиями — связями большевизма в рабочей среде, плебейским характером революции и тактической перспективой демократической самоликвидации диктатуры. В новой платформе получили вновь поддержку расчеты на русский социализм, ибо успехи госкапитализма — индустриализации и коллективизации, по мнению Дана, обеспечивают „ускоренное развитие России в социализм”, переростание советского строя в социализм, базу под который подвела сталинская генеральная линия.

Этот новый взлет социалистических иллюзий в меньшевистской среде встретил сопротивление и в „центре”, а правое течение сочло необходимым выступить с собственным проектом платформы, который в октябре 1933 г. был опубликован в „Социалистическом вестнике”. Охарактеризовав международное положение и внутреннее положение в СССР, проект платформы правых приходит к выводу, что, несмотря на происшедшие и тут и там значительные перемены и на длительный кризис, в который вступил демократический социализм в результате прихода к власти нацизма в Германии, „РСДРП не видит оснований пересматривать свои взгляды на пути ближайшего экономического развития России после снятия прессы большевистской диктатуры. Это развитие будет совершаться на капиталистических началах”. Переход от всеобщей национализации к свободным формам

частного хозяйствования неизбежен. Никакие феерические достижения сверхиндустриализации не имеют в себе ни грана социализма. Что касается коллективизации сельского хозяйства, то по мнению правых меньшевиков большевики, „извратив исторический смысл аграрной революции в России”, поставили себе утопическую и реакционную цель разорения и уничтожения крестьянства. Если в результате НЭПа можно было представлять себе дальнейшую эволюцию коммунистической диктатуры — в буржуазно-бонапартистскую, то в условиях генеральной линии, когда партия превращается в новое правящее сословие, а единоличная власть Сталина принимает характер „культы” с присущим ему „религиозно-ритуальным характером”, увеличивается угроза превращения большевистской диктатуры в фашистскую. Можно ли при такой перспективе ориентироваться на соглашение с партией диктатуры или с отдельными ее элементами? Можно ли питать надежды на способность этой диктатуры к демократической эволюции? Только путь демократии, завоеванной самим народом, „может обеспечить в России политическую и духовную свободу, как и развитие народного хозяйства с ограждением интересов трудящихся и потребителей... Трудности предстоящей борьбы за демократический исход русской революции не могут снять ее с очереди и не устраняют ее необходимости и возможности”.

Подводя итоги дискуссии по вопросу о пересмотре платформы, мы должны констатировать, что Заграничная делегация за равенством голосов (5 и 5) не могла принять никакого официального („обязательного”) партийного документа, и дело ограничилось только формулировкой позиций, да еще усилением в „Социалистическом вестнике” левосоциалистического тона, объясняемого тем, что фактически главным хозяином журнала оставался Ф. И. Дан. Этот левый тон получил сильное подкрепление, когда во Франции началась полоса так называемого Народного фронта, приведшего к власти Леона Блюма, свое правительство построившего на основе сговора социалистов с коммунистами и радикал-социалистами. Москва, которая к тому времени еще не могла рассчитывать на сговор с нацизмом и, наоборот, была заинтересована в союзниках для отпора наступающему нацизму, выбросила к этому времени соблазнительный лозунг рабочего

единства и открыла маневр „единого фронта”. В левом крыле меньшевиков эти идеи нашли благоприятную почву.

К тому же в это время в августе 1934 г. прибыла из России, из Казани, в адрес французского „Попюлера” телеграмма, подписанная тремя ссыльными — Бэром (Б. Н. Гуревичем), Ежовым (С. О. Цедербаумом) и К. И. Захаровой, видными деятелями меньшевистской партии, приветствовавшая идею единого и народного фронта. Казанская телеграмма, оглашенная на заседании Заграничной делегации в Париже 20 августа 1934 г., вызвала оживление в меньшевистской среде. Левая пятерка выработала свои предложения о едином фронте. Внесли свои предложения и Р. Абрамович, и правое течение. 23 августа состоялось совещание с приглашенными лицами, а 24 августа на заседании Заграничной делегации подвергнуты были голосованию все внесенные проекты резолюций.

Следует отметить, что в партийное совещание был внесен проект и „крайней левой” (за подписью О. Доманевской и Б. Скоморовского), но в Заграничной делегации этот проект не получил ни одного голоса. Затем был провален и проект правых, получивший за — 2 голоса и против 8 (всех остальных членов Заграничной делегации). Резолюция Дана получила 5 голосов, а Р. Абрамовича — 3. И после перебаллотировки этих двух резолюций, получили обе, как это повелось, 5 и 5 (правые голосовали в этом случае за проект Абрамовича), и за равенством голосов никакого решения не было вынесено. Все попытки соглашения не увенчались успехом. И все это происходило в обстановке, когда никто из членов Заграничной делегации абсолютно не отрицал необходимости единого фронта. Расхождение было в обосновании, в мотивировке, если хотите в оговорках, которые делали „центр” и правые, и в той далеко идущей „безоговорочной” поддержке идеи единого фронта, которая была характерна в этом вопросе для позиции Ф. И. Дана.

Проект резолюции правых о едином фронте, подписанном П. Гарви, М. Кефали, Г. Аронсоном, внутривластные правые с самого начала признают важность и проблемы единства рабочего движения, и проблемы единого фронта. Но правые изменили бы себе, если бы тут же не заявили, что „для сложения сил социалистов и коммунистов в целях сов-

местной борьбы против фашизма необходима наличность хотя бы минимальной общности в понимании и формулировке целей и методов единого фронта... Такой общности не существует, пока коммунисты на место фашистской диктатуры хотят поставить свою партийную диктатуру... в то время, как социалисты видят цель антифашистской борьбы в утверждении или революционном завоевании демократического режима, как необходимейшей предпосылки социализма". Далее в этом же проекте говорится, что единый фронт имеет под собой основу только при условии „отказа от террористической диктатуры в России, в частности, восстановления свободы слова, печати, собраний, союзов и стачек и прекращения антикрестьянской политики власти". Проект правых вскрывает „кричащее противоречие" между тактикой коммунистов на Западе и в России и „внутреннюю фальшь маневра", пронизывающую единый фронт, проводимый под диктовку Москвы.

Когда в ноябре того же года состоялось заседание Исполкома Интернационала, участвовавший в нем в качестве представителя РСДРП Дан, зная, что его позиция не имеет за собой большинства Заграничной делегации⁴⁸, тем не менее счел возможным из чисто фракционных возражений подписать декларацию 7 левых партий по вопросу о едином фронте с Коминтерном. Этот шаг Дана вызвал реакцию правого течения, представители которых подали в Заграничную делегацию декларацию, из которой мы приводим несколько основных пунктов:

„При нынешнем состоянии РСИ, переживающего острый идейно-политический кризис ввиду серьезных расхождений по основным программным и тактическим вопросам социалистического движения, в частности, по вопросу о допустимости, задачах и условиях единого фронта, делегат нашей партии, особенно учитывая ее собственное внутреннее положение, должен был уклониться от активного, а тем более инициативного, участия в выработке групповой декларации, как шага, могущего способствовать превращению идейного кризиса нашего Интернационала в организационный и стать исходным пунктом для фракционных группировок внутри РСИ, угрожающих его единству... Делегат нашей партии... не мог и не должен был подписать декларацию, вызывающую

сомнение насчет того, каково отношение ее авторов к коммунистической диктатуре, где она осуществляется и где она начисто уничтожила все демократические свободы.”

Декларация, которую подписал Дан, по мнению правых, вызывает также сомнение, „не считают ли авторы ее целью революционной борьбы за свержение диктаторского режима в странах фашизма замену диктатуры фашистской диктатурой большевистского образца”.

Надо отметить, что если ранее левое крыло меньшевизма явилось довольно активным фактором распространения просоветских иллюзий в международных социалистических кругах, обнаруживших особую восприимчивость к большевистской фазе русской революции, то в тридцатые годы левые социалисты, особенно австрийцы (О. Бауэр, Ф. Адлер), стали в свою очередь подталкивать в сторону большевизма Ф. Дана и других представителей левого меньшевизма. На страницах австрийского „Кампфа” Отто Бауэр проповедывал идею „синтеза” между коммунизмом и демократическим социализмом, а Фридрих Адлер стал защищать мысль о равноправности двух видов социализма — демократического для передовых стран (Англия, Франция) и „диктаторского” — для других, при этом рекомендовал организационные меры принять не только против несозвучных его концепции правых меньшевиков и эсеров, но и против Карла Каутского, до конца непримиримого по отношению к коммунизму. В дискуссии в „Социалистическом вестнике” этому наступлению слева был дан отпор правыми, но и Ф. И. Дан вынужден был сделать оговорки к выступлениям слишком далеко зашедших австрийских социалистов, выступлениям, отрицавшим за меньшевизмом право на существование.

В задачу данной работы не входит исчерпывающий рассказ о деятельности Заграничной делегации, а лишь характеристика позиций правого течения. Исходя из этого, следует констатировать, что последнее по времени выступление представителей правого течения относилось к проекту обращения к созванному в Москве на 29 ноября съезду Советов — к депутатам его, „через голову Сталина”, в связи с принятием так называемой сталинской конституции 1936 г. Правые решительно голосовали против такого обращения, которое было принято голосами левых и „центра”. Обсуждение этого

вопроса происходило в Заграничной делегации 8 октября 1936 г., по свежему следу процесса старых большевиков в Москве, закончившегося расстрелом Зиновьева, Каменева и других. Тем не менее, даже это новое проявление террористического режима, впервые открывшего главу расстрела ленинской гвардии, нисколько не повлияло на настроение большинства Заграничной делегации и даже странным образом не ослабило той левосоциалистической идеологии и фразеологии, какой пропитано было принятое Делегацией обращение. Достаточно привести этому несколько иллюстраций.

Самый день 29 ноября 1936 г., т. е. внесение сталинской конституции, Делегация рассматривает, как „знаменательную дату в развитии российской революции и как оправдание политической линии, которую... партия написала на своем знамени... Связанная с большевизмом не только общностью происхождения..., но и единством социалистической цели, российская социал-демократия разошлась с ним в методах революционной борьбы и в принципах организации пролетариата... Поэтому российская социал-демократия не приняла участия в октябрьском перевороте 1917 года... Не на крушение советского режима, а на положительное развитие заложенных в нем революционных и социалистических возможностей... ориентируется политика нашей партии. Поэтому квалифицированные силы нашей партии представили себя в распоряжение советской власти для хозяйственной и организационной работы. Поэтому наша партия... мобилизовала своих членов на службу в рядах Красной армии. Поэтому она... боролась против... интервенции... экономической блокады... и за демократическое признание советского правительства.”

Напоминая об этой просоветской своей позиции, Заграничная делегация посвящает далее свое обращение подробной характеристике террористической диктатуры, бюрократии и полиции, останавливается на жестоких репрессиях, направленных против меньшевиков, и обосновывает свое требование демократизации советского режима, прекращения монополии коммунистической партии в стране и обеспечения самостоятельности рабочего класса и легализации социал-демократии. Как явная дань „конституционным иллюзиям”, звучат за-

ключительные строки обращения Заграничной делегации к делегатам съезд Советов. В этих строках, в ущерб бесспорной действительности, утверждается, что „от вас зависит” дать ли свободу и демократию в то время, как самый текст обращения устанавливает безраздельное господство „вождя”, т. е. Сталина, который держит в своих руках всю власть и над Советами, и над партией.

После принятия большинством голосов обращения к съезду Советов, Г. Аронсон внес по мотивам голосования свое „особое мнение”, формулирующее отношение правых к этому шагу Заграничной делегации. Вот его текст:

„Единственный политический смысл выступления Заграничной делегации в связи с принятием советской конституции на предстоящем в ноябре 1936 г. съезде Советов заключался бы в том, чтобы со своей стороны содействовать срыву той политической игры, которую в последний период с особенной брутальностью проводит Сталин. Этот новый сталинский курс, особенно после расстрела 16-ти и подготовки новых расстрелов, характеризуется больше всего исключительным усилением единоличной террористической диктатуры, ликвидирующей на легальной арене последние проявления даже коммунистической мысли и организации, этот суррогат так называемой советской общественности, и закрывающей окончательно все клапаны, откуда кое-как от времени до времени просачивалось народное недовольство. Если Заграничная делегация уже решила сделать в настоящий момент политическое выступление, она должна была в центре его поставить и разоблачить стремление Сталина использовать прокламированную конституцию (и предстоящий съезд Советов) для увековечения своего самодержавия, своей неограниченной персональной диктатуры. Но с каждым днем становится яснее, что именно сталинская диктатура является главным носителем элементов фашизации режима, непосредственным рассадником деморализации всей общественной и культурной жизни и наибольшей помехой поднятия действительной обороноспособности России в случае войны. Эта центральная политическая задача, повелительно вытекающая из переживаемой нами сейчас полосы развития большевистской революции, не только не заострена в документе, принятом большинством Заграничной делегации, но созна-

тельно оттеснена на задний план, что вместе с нарочито притупленным тоном документа и наряду с частью суммарным, частью просто неверным изложением позиций и воззрений нашей партии в прошлом и в настоящем — лишает выступление Заграничной делегации актуального политического значения. Помимо того, самая форма обращения к съезду Советов в атмосфере разгула террора может быть воспринята социалистической и демократической общественностью не как апелляция к народным массам через голову съезда Советов, а как обращение к фактическому и единственному хозяину съезда, т. е. к Сталину, что искажает политическую линию партии и может нанести ущерб ее достоинству.

По всем этим основаниям я голосовал в Заграничной делегации против обращения к съезду Советов в связи с конституцией.”

Но к этому времени, по вопросу, имевшему гораздо большее значение, — о грядущей новой мировой войне и о тактике социалистов, — наметился разнобой внутри самой фракции правых. Для того, чтобы уточнить положение, необходимо хотя бы кратко остановиться на истории вопроса. В 1935 г., от имени группы левых социалистов (О. Бауэр, Дан, Жиромский, Дюбуа) были опубликованы в международной печати тезисы о войне. По мнению авторов тезисов, новая война мыслилась, как последняя решительная схватка между фашизмом и социализмом, причем в то время, как фашизм покрывал собою в этой схеме страны капитализма, советская Россия, если не покрывала полностью мировой социализм, то подавалась как главный, если не единственный силовой и идейный центр социализма. Просоветские иллюзии ярко окрашивали собой, почти без оговорок, всю эту схему. Весь демократический социализм призывался в случае войны объединиться вокруг Советского Союза.

Спустя некоторое время Ф. Дан внес в немного смягченном виде аналогичные тезисы о войне в Заграничную делегацию. Для обсуждения вопроса было созвано партийное совещание (7 и 30 ноября 1935 г.), к которому был представлен ряд других тезисов, в частности, от крайне левой представила тезисы О. Доманевская, а от правых два отдельных проекта — П. Гарви и Г. Аронсон. Когда 10 декабря состоялось заседание Заграничной делегации, тезисы Дана получили 5 голосов при

воздержании представителей „центра” и правого Кефали. На новом заседании Заграничной делегации 14 декабря, созванном после неудачи всяких переговоров, большинством 5-ти были приняты тезисы Дана. Против голосовали 3 и 1 воздержался (к этому времени соотношение сил изменилось ввиду отъезда Д. Ю. Далина и выхода его из Делегации). В „Социалистическом вестнике” был опубликован ряд дискуссионных статей, затем дополненных заявлениями. Из заявления в Делегации от 28 декабря Р. Абрамовича, голосовавшего против тезисов, существенно привести указание, что „пятерка” (т. е. левая фракция) собирается расширительно толковать принятый документ не только как резолюцию о тактике во время войны, но как своего рода параллель к „апрельским тезисам” 1920 г., т. е. как „декларацию принципов”. Что касается правых, то в то время, как на формуле Б. Николаевского (подчинения тактики социалистических партий интересам ведения войны против фашизма) объединились Г. Аронсон и М. Кефали, — П. Гарви, заняв „пацифистскую” позицию и отталкиваясь от идеи „бургфридена”, т. е. забвения классовых интересов пролетариата, занял особую позицию. Этот разнобой, как видим, захватил и „центр”, и правую оппозицию, фактически передал „власть”, особенно в „Социалистическом вестнике”, в руки Дана и его левого течения.

Но все, что накануне Второй мировой войны происходило в СССР, властно толкало направо даже неумеренно левых, просоветски настроенных людей. С 1937 г. шел разгул ежовщины. В годы 1936–38 прошла полоса московских процессов. Террористическая вакханалия, направленная против явной и скрытой, потенциальной оппозиции в стране, заточение в тюрьмы и концентрационные лагеря миллионов людей, — вся эта чудовищная картина угнетения, увенчавшаяся возвышением Сталина, убила последние иллюзии. „Социалистический вестник” вернул себе роль активного, непримиримого борца против диктатуры. А пакт Сталина с Гитлером, развязавший мировую войну, открывшийся новым разделом Польши и походом на Финляндию, в сущности снял с очереди ряд принципиальных и практических разногласий, раздиравших социал-демократические ряды и создал условия более благоприятные для внутренней консолидации.

В декабре 1939 г., в начале Второй мировой войны, Г. Аронсоном было разослано членам Заграничной делегации обращение с призывом к объединению всех группировок русского социализма. Вот оно в извлечении:

„Новая мировая война... создает совершенно новую обстановку и для меньшевизма. Старые течения, прежние фракции распались или должны распасться... Пора принять ряд давно уже назревших мер по консолидации русских социалистических рядов, проведение которых задержалось главным образом вследствие фракционной близорукости. Если иметь в виду, что с каждым днем становится все более вероятным втягивание СССР в большую войну, что почти неизбежно будет содействовать расшатке аппарата диктатуры, нарастанию общественно-политической активности в стране и развертыванию борьбы народа с ненавистной властью, то в этих условиях задача объединения всего, что еще осталось за границей в русском социализме, является первостепенной, первоочередной и, можно сказать, единственной задачей Заграничной делегации. Нам нужно проявить мужество не только в ревизии идей. Нужно вступить на путь широкой и смелой перестройки нашей организации.”

И дальше в этом обращении рекомендовалось вовлечь в наши партийные органы и к участию в „Социалистическом вестнике” всех внепартийных социал-демократов из группы Потресова и „поставить вопрос о политическом и организационном сближении с социалистами-революционерами как с течением русской социалистической мысли, с которыми теоретические наши расхождения давно уже, а практические сейчас почти полностью изжиты”.

Мысль об объединении русского социализма на широком фронте тогда уже пробила себе дорогу, и по инициативе Заграничной делегации в Париже в мае 1940 г. состоялось совещание с разными фракциями социалистов-революционеров (А. Ф. Керенского, В. М. Чернова и др.). Но к этому времени уже фактически прекратилось существование правой внутрипартийной оппозиции. Если попытаться найти этому объективное объяснение, то его следует искать не в некотором разном в руководящем ядре представителей правого течения — иллюстрация чему была приведена выше — но другому обстоятельству, а именно процессу поправления,

который происходил в рядах меньшевиков за границей и который уже во время Второй мировой войны привел к тому, что большинство Заграничной делегации и журнал „Социалистический вестник” стал на позиции внутривластных правых и правого течения вообще.

Сближение в основных идеологических и политических вопросах представителей „центра” (Р. Абрамовича, Д. Далина, Б. Николаевского) с правыми определилось уже в Париже, что, в сущности, и вызвало литературный откол группы Ф. Дана (когда он в Париже приступил к изданию журнала „Новый путь”) и что затем завершилось, уже в Америке, организационным отколом этой группировки от Заграничной делегации (когда Ф. Дан вместе с А. Юговым, потеряв двух бывших членов левой пятерки: Б. Гуревича и С. Шварца — создал свою собственную фракционную организацию „Новый путь”, поставив под этим же названием свой левосоциалистический журнал). В разгар Второй мировой войны, когда в мире получили широкое распространение, в связи с особой ролью в войне России, просоветские и прокоммунистические иллюзии, группировка Ф. Дана оказалась последней вспышкой левосоциалистических настроений в меньшевизме. Заграничная же делегация и „Социалистический вестник” в это время прочно усваивали те политические идеи, которые отстаивало правое течение непосредственно после октябрьского переворота, а именно: никакого примирения, никакого соглашения с режимом коммунистической диктатуры, последовательная борьба за развернутые демократические принципы, как единственную предпосылку социализма. Принципиальным выражением этой идейной эволюции и сближения между частью партийных инстанций, прежде связанной с левым крылом меньшевизма, с одной стороны, и правым течением, с другой, явились включение в годы войны П. Гарви в состав Заграничной делегации, постановлением от 19 апреля 1943 г., вхождение партийной группы Плеханова в Нью-Йорке в состав группы РСДРП и привлечение Ст. Ивановича, редактора журнала внепартийных правых „Заря” в состав сотрудников „Социалистического вестника”.

Решение Заграничной делегации о включении членов нью-йоркской социал-демократической группы имени Плеханова в состав нью-йоркской группы членов РСДРП и сочув-

ствующим было принято единогласно 10 марта 1941 г. при участии в заседании Ф. Дана и А. Югова. Текст постановления гласит:

„Не считать препятствием к переходу в группу членов РСДРП и сочувствующих факт пребывания в составе группы им. Плеханова в предшествующие годы; члены плехановской группы могут переходить в состав групп и клубов РСДРП на основании местных уставов, при условии либо персонального их выхода из плехановской группы, либо ликвидации последней.”

30 ноября 1941 г. Заграничная делегация постановила включить в число сотрудников „Социалистического вестника” Ст. Ивановича и др. Решение о включении Ст. Ивановича принято было при двух против (Ф. Дан и А. Югов) и одном воздержавшемся (С. Шварц). В связи с выступлением журнала Дана „Новый путь” против приглашения Ст. Ивановича в „Социалистический вестник”, Заграничная делегация вновь обсудила этот вопрос и приняла следующее мотивированное постановление 20 января 1942 г.:

„Не входя в разбор по существу политической позиции т. Португейса (Ст. Ивановича) в годы гражданской войны, Заграничная делегация считает необходимым констатировать, что т. Португейс... никогда и никем не был исключен из рядов РСДРП. Что же касается его деятельности как члена определенного политического течения, то Заграничная делегация считает нужным напомнить, что неоспоримым политическим вождем этого течения всегда был А. Н. Потресов, который больше других нес ответственность за всю ту политическую линию, которую тт. Дан и Югов теперь ставят в вину т. Португейсу.”

Между тем, сам т. Дан в 1925 г. считал возможным и желательным возвращение в ряды партийной организации т. Потресова и вел с ним об этом переговоры, не скрывая от себя и других, что возвращение т. Потресова неминуемо повлечет за собой включение его в состав сотрудников и редакции „Социалистического вестника”.

Тем самым отпадают и те политические аргументы против принятия т. Португейса в состав сотрудников „Социалистического вестника”, которые теперь выдвигаются тт. Даном и Юговым.”

Если в дальнейшем ходе событий происходили политические конфликты и имели место глубокие расхождения в Заграничной делегации, которые привели к ее ликвидации (в 1951 г.), то это произошло не по линии правые и левые, или правые и „центр”, а в силу других моментов, лежащих за пределами настоящей работы.

6. Послесловие

Мы пишем историю — и восстанавливаем картину деятельности и судьбы социалистических и демократических движений в России на трагическом фоне коммунистической революции, прошедшей через фазы военного коммунизма, НЭПа, индустриализации и коллективизации деревни и выросшей в военную угрозу всему миру после Второй мировой войны. За протекшие сорок с лишним страшных лет поколения меньшевиков, интеллигентов и рабочих, были в России истреблены машиной террора, погибли в революционной мясорубке, и на наших глазах сходит с исторической сцены последний отряд меньшевистской старой гвардии, нашедшей себе убежище в эмиграции.

Нельзя не сознаться, что в своих исторических прогнозах меньшевизм, наряду с другими течениями русской общественной мысли, имевшими такую же драматическую судьбу, потерпел жестокое поражение. Кто мог представить себе, что большевики, эти захватчики власти путем заговора и насилия в октябре 1917 г., удержат власть в России в течение долгих десятилетий; и не только удержат власть, но на костях миллионов, нарушая элементарные основы права и нравственности, создадут огромное индустриальное государство с могучим военным потенциалом? Кто мог предвидеть потерю самостоятельности ряда государств — Польши, Чехословакии, Венгрии и других — и создание советской империи, опирающейся на союз дружеских ей движений в Азии и Африке? Нет сомнений, что отцы большевистской революции, Ленин и Троцкий, в самой буйной своей фантазии не смогли представить себе ни размаха, ни последствий этой революции.

Что уж говорить о противниках большевизма, в частности, о меньшевиках, сопротивление которых в аспекте практической политики потерпело поражение и не могло не потерпеть его в борьбе с могущественным аппаратом насилия диктатуры. И хотя последние, окончательные итоги русской исторической драмы еще не подведены, можно уже сейчас констатировать, что идеологические концепции меньшевизма до сих пор также терпели поражения.

Меньшевизм рассчитывал на то, что европейские начала в русской действительности сильнее азиатских, что государственная власть не содержит столь решительной победы над общественностью, что средствами насилия нельзя в России уничтожить крестьянство с его собственническими инстинктами, что рабочее движение России, выдвинувшееся на авансцену как решающая сила демократической революции, не будет до такой степени разложено и разбито и что ростки общественного мнения в стране окажутся так слабо укорененными в народной толще. Оптимистическая историческая концепция меньшевизма, роднящая его в этой области со всеми другими радикальными и либеральными движениями в России, бита.

Перед лицом этих проблем, приобретших мировое значение, весьма относительная роль принадлежит нашей попытке на основе доступных нам исторических материалов осветить внутреннюю борьбу течений в меньшевизме, борьбу, начавшуюся в первые годы большевистской революции в России и продолжавшуюся, то обостряясь, то затухая, в эмиграции. Еще скромнее задача, поставленная мной, сделать небольшую экскурсию в историю правой фракции в меньшевизме. Тем более, что теперь уже ясно, что ни одна из стратегических линий не удалась: ни линия левых, рассчитанная на „синтез” коммунизма с демократическим социализмом, ни линия правых, веривших в восстание народных масс против диктатуры, ставивших на преодоление большевизма силами самой демократической революции.

И все-таки нельзя отрицать, что для нас, уцелевших участников бурной эпохи, эти темы сохраняют непосредственный, порой жгучий интерес. Этим объясняется отчасти та страстность, та темпераментность, которая окрашивает излагаемые мною эпизоды из истории правой фракции. Я был

только спицей в колеснице крупных исторических событий, но во мне живо сознание принадлежности к поколению, которое строило социал-демократию в России, участвовало в рабочем движении и связывало с демократической революцией все свои мечты и все свои надежды, разбитые беспощадно большевистской диктатурой. Наша деятельность давно уже закончилась. Мы все, с точки зрения влияния на ход дел в России, ведем призрачное существование теней. И не случайно занятие историей, погружение в историю, является для нас самым интересным, самым соблазнительным занятием.

Составление истории правого течения потребовало прежде всего собирания материалов. Не без труда, но можно было все же осветить период формирования правого течения от октябрьского переворота до разгона Учредительного собрания, как и деятельность правых меньшевиков в течение 1918 г. до начала гражданской войны. Это было время, когда диктатура большевиков совершала свои первые шаги, процесс стабилизации власти развивался медленно и, самое главное, социал-демократия сохраняла еще довольно обширные и еще живые связи с рабочей средой; и возможности контакта и влияния, в частности, у правых меньшевиков еще существовали. Правые меньшевики через рабочие организации, еще не захваченные большевиками, через рабочие собрания, разгонять которые большевики не всегда решались, через печать, которая еще не была окончательно задушена, — заявляли о себе и вели весьма активную деятельность, о которой имеются свидетельства.

Довольно подробно, а для иных, может быть, слишком подробно, я мог осветить положение правых и их борьбу в нашей заграничной организации в двадцатые и тридцатые годы. Это было время, когда в России меньшевики сидели в глубоком подполье или отбывали бессрочную тюрьму и ссылку, когда никакой политической деятельности в России фактически уже почти не было, и мы в эмиграции говорили за тех, кто был обречен на молчание, и от их имени. Может быть, искусственно, но в эмиграции шла ожесточенная перманентная дискуссия, которая морально поддерживала наше существование и порой получала отражение в международных социалистических кругах и в кругах русских, даже за пределами меньшевизма. На основании имеющихся материа-

лов я не только мог очертить борьбу правых за свои политические позиции, но, что мне казалось важнее, восстановить ту духовную атмосферу, в которой происходила эта борьба, атмосферу, характерную для эмигрантского кружка с его преданностью идее, но вместе с тем сектантски и фанатически настроенного. Заранее допускаю, что в характеристику этой меньшевистской атмосферы за границей я внес субъективизм как человек, бывший сам участником этой борьбы.

Более трудной оказалась задача разработать и осветить деятельность правых меньшевиков в России в годы гражданской войны. Это были годы, когда Восток, Север и Юг были оторваны от Москвы. Огромные территории стали очагами гражданской войны. На Волге и в Сибири короткий срок действовала Народная армия Учредительного собрания. В 1918 г., с февраля по ноябрь, после Брест-Литовского мира, Украину и Белоруссию оккупировали немцы. А затем в течение около двух лет на этих территориях господствовали Белые армии или просто различные банды. В это смутное время социал-демократические меньшевистские организации существовали почти повсюду. Связанные с местным рабочим движением и его организациями, меньшевики проявляли во многих случаях активную деятельность.

Несомненно, что правые меньшевики в разных местностях под Белыми накладывали свою печать на деятельность меньшевистских организаций. Не исключено, что в отдельных случаях они принимали на себя большую долю ответственности за политику Белого движения. В своей работе я отметил, что ряд правых меньшевиков, сторонников военной борьбы с большевизмом и, может быть, сторонников иностранной интервенции, входили в Союз возрождения, более того, что некоторые из них убедились в ошибочности этой политики, ибо на горьком опыте увидели, что демократические элементы в антибольшевистском лагере оказались в явном меньшинстве и что верх взяли в Белом движении реакционные, даже реставрационные группы.

Материалов о том, какова была деятельность правых меньшевиков в гражданскую войну, у нас нет, как нет и многочисленных органов социал-демократической печати, выходивших на территориях гражданской войны, — а судить об этой деятельности и об этой печати по злостным и, воз-

можно, фальсифицированным сообщениям большевиков — немыслимо. Конечно, конструировать схему той работы, которую проводили меньшевики, борясь за каждую пядь легальности при оккупационных режимах или при Белых, — возможно.

Я провел около полугода под немецкой оккупацией в Минске в 1918 г. и помню, что когда была восстановлена демократическая городская Дума, незадолго до того разогнанная большевиками, мне лично пришлось в ней занимать пост члена управы по заведыванию отделом труда, который я совмещал с выборной должностью председателя Минского совета профессиональных союзов. Наша задача под немецкой оккупацией была — защищать интересы рабочих, с одной стороны, и позиции демократических учреждений — с другой.

В литературе имеется отчет о процессе киевских меньшевиков — Кучина, Романова, Балабанова и др., поставленном большевиками 21-22 марта 1920 г. Из этого отчета мы знаем, что, находясь на территории Белого движения, меньшевики вели неустанную борьбу против всякого ущемления завоеваний февральской революции. Мы знаем также, что в августе 1920 г. состоялось совещание представителей профсоюзов юга России — Украины, Дона и Крыма. Если кто положится на большевистскую информацию и будет полагать, что никакой достойной легальной деятельности и борьбы меньшевики на территориях гражданской войны вести не могли, — тот сделает большую ошибку. Но это, конечно, не значит, что не было меньшевиков, которые не заходили бы слишком далеко в своем стремлении принять активное участие в событиях. Но и об этих случаях было бы неправильно судить только по злостной информации большевиков.

В заключение я хочу обратиться с разъяснением, которое, может быть, окажется полезным. Ознакомившись с моей интерпретацией внутренней борьбы в меньшевизме между левым и правым крылом, иной читатель, пожалуй, поставит в упор такой вопрос: если верна характеристика левого течения в меньшевизме, какую вы даете, то почему вы все же оставались в нем, не порвали с руководящей в официальных инстанциях фракцией, терпели и толерировали то участие на стороне большевиков в гражданскую войну, то поиски тактического компромисса с большевиками, то ряд

идеологических заявлений, в которых звучит отказ от демократии на переходный период от капитализма к социализму, который строится в России? Вот ответ. В первый период острой политической борьбы, когда еще казалась реальной перспектива свержения большевиков внутренними силами, многие правые меньшевики не оставались и уходили, а другие тоже колебались и время от времени ставили перед собой проблему ухода.

Я имел возможность в своей первой дискуссионной статье в „Социалистическом вестнике” в 1922 г. коснуться этого вопроса. Подводя итоги нашим спорам в период гражданской войны, я пришел к заключению, что меньшевизм сохранился и сыграл известную роль в борьбе с большевизмом только „вопреки официальной идеологии партии, наперекор ее лозунгам и паролям”. Действительно, рабочие, интеллигенция в России мало знали о новой тактике, новых настроениях, которые представлял собою меньшевизм, его Центральный комитет и его печать. Я писал:

„В годы жестокого террора... РСДРП оказалась единственной легальной социалистической оппозицией, и это ее положение уже обеспечивало популярность, успех, влияние социал-демократии... Вопреки своей идеологии, вопреки той аргументации, которой обосновывались тактические лозунги, народные массы всегда чувствовали в ней верного стража идей свободы, демократии и социализма... Логика террористического режима превращала оппозицию партии в революционную борьбу”.

И большевистская власть это знала и никогда, и ни на миг не переставала беспощадно преследовать меньшевиков, не разбирая ни левых, ни правых, и отдавала себе отчет в том, что меньшевизм во всех своих течениях и оттенках объективно является непримиримым врагом. И правые меньшевики знали, что даже в самые острые припадки левизны меньшевизм остается противником диктатуры, и верили, и надеялись, что момент освобождения от пробольшевистских иллюзий в меньшевизме близок.

Еще один — и последний — вопрос сводится к следующему. Да есть ли основание у правых меньшевиков для торжества? Быть может, правильнее было бы для них не только констатировать наличие тактических ошибок в тот или дру-

гой момент, но произвести ревизию своей деятельности и своей идеологии? Быть может, если что нуждается в пересмотре, то именно концепция правых меньшевиков в отношении большевистской революции? Если бы я так думал, то я приступил бы к пересмотру и произвел бы его по мере своих скромных сил. Во всяком случае, я не вижу никаких оснований для торжества, и никому из нас, потерпевших столь страшное поражение, не до торжества.

Но в тесных и ограниченных рамках вопроса, кто из нас оказался прав: левые или правые меньшевики, я склонен думать, что по основному вопросу о характере русской революции оправдалась позиция правых меньшевиков. Если в тридцатые годы Ф. Адлер допускал, что в России, хотя бы и чудовищным насилием, может быть осуществлен социалистический строй, то сейчас вряд ли среди демократических социалистов имеются люди, готовые принять социализм в коммунистическом обличье или считать государство-монстр, созданное Лениным, Сталиным и Хрущевым — социалистическим. А из этого основного вопроса — о русском социализме — вытекали все наши временные тактические и политические разногласия, по вопросу о возможности соглашения с властью, в первую очередь, о диктатуре и демократии и пр. и пр. И я склонен думать, что в нашем долголетнем споре жизнь показала, что правые занимали более правильные позиции.

Я думаю, что тут нет никакой апологетики правого течения в меньшевизме, хотя прекрасно понимаю, что представители других течений, и особенно несущих ответственность за левый курс меньшевизма, никогда не признают, что они ошибались и что другие оказались правы. Всегда неприятно, когда кто-нибудь другой прав. Я думаю, что с исторической точки зрения вопрос о том, кто в первые годы борьбы занимал позиции, отвечающие характеру меньшевистской идеологии, и кто меньшевистскую традицию — в угоду, разумеется, самым благородным побуждениям, оборвал, имеет немалое значение и заслуживает обсуждения в рамках истории меньшевизма.

Август 1960 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по кн. С. П. Мельгунов. Как большевики захватили власть. Париж, 1953, с. 39 и след.
2. См. сб. Октябрьский переворот. Факты и документы. Составил А. Л. Попов, под ред. Н. Рожкова. Петроград 1918, сс. 173-177).
3. Рабочая газета, 27 октября 1917 г.
4. К. Рябинский. Революция 1917 г. (Хроника событий). Том 5. Октябрь. ГИЗ, Москва-Ленинград, 1926, с. 282.
5. Там же, с. 284.
6. Приведено в сб. Октябрьский переворот.
7. Там же, с. 336.
8. Рабочая газета, 1 ноября 1917 г.
9. Geschichte der russischen Socialdemokratie. Mit einem Nachtrag von Th. Dan. Die Socialdemokratie Russlands nach dem Jahre 1908. Berlin, 1926, S. 305-306.
10. Там же, с. 304.
11. Мельгунов, указ. соч., с. 373.
12. Дан, указ. соч., с. 312.
13. Об этом собраны материалы в кн. С. П. Мельгунов, указ. соч.
14. Октябрьский переворот, с. 345.
15. Рабочая газета, 5 ноября 1917 г.
16. См. И. Н. Любимов. Революция 1917 г. Хроника событий. Том 6. Октябрь-декабрь. Москва, 1930.
17. Октябрьский переворот, с. 343.
18. Новый луч, 3 декабря 1917 г.
19. Цит. по сб. А. Н. Потресов. Париж, 1937, сс. 79-80.
20. См. Новый луч, № 1; Новая жизнь, №№ 191, 193, 194.
21. Грядущий день, 10 декабря 1917 г.
22. Новая жизнь, № 184-185. Цит. по кн. Любимов, указ. соч., с. 162.
23. Вечер, 24 мая 1918 г.
24. Вечер, 30 июня 1918 г.; Г. Аронсон. Рабочее движение в борьбе с большевистской диктатурой. — в сб. Против течения. Нью-Йорк, 1952, сс. 66-78.
25. Новый день, 4 февраля 1918 г.
26. Социалистический вестник, № 9-10, 1944.

27. Письмо приведено в статье Ст. Ивановича в сб. А. Н. Потресов, сс. 183-184.

28. Резолюция была напечатана в органе Петроградского комитета партии „Рабочий Интернационал”.

29. См. сб. А. Н. Потресов, сс. 160-161.

30. Б. Двинов книге „От легальности к подполью”, касаясь периода 1921-22 гг., между прочим, пишет: „Колокольников, Верховский и Грановский не были членами партии, стоя вправо от партийной позиции. Колокольников даже при аресте заявил: «Я не член партии».”. Это неверно. В частности, Колокольников никогда не выходил из партии. Он только не регистрировался и не входил в организацию. Это большая разница.

31. См. резолюции партийных совещаний от 31 марта по 10 апреля 1920 г. — в сб. Социал-демократия и революция, Одесса, 1920.

32. См. сб. Мартов и его близкие, сс. 103-104.

33. Р. Абрамович. В двух революциях, т. 2, сс. 365-367.

34. П. Н. Милюков. Россия на переломе. Большевистский период русской революции, т. 2. Париж, 1927, сс. 258-259.

35. Г. Аронсон. На заре красного террора. Берлин, 1929, сс. 75, 81-82.

36. См. Н. В. Крыленко. Обвинительные речи, Москва, 1937, сс. 84-104.

37. См. Г. В. Плеханов. Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917-1918 г., т. 2. Изд. Я. Поволоцкого и Ко, Париж, 1921, сс. 35-36.

38. Там же, сс. 245-246.

39. Наше единство, 11 и 13 января 1918 г., — Г. В. Плеханов, указ. соч., с. 257 и след.

40. Следует отметить, что в это время было в Нью-Йорке предпринято совместное издание социал-демократами и эсерами „Народной газеты” (март 1918 — август 1919), выходившей под редакцией правых меньшевиков С. Ингермана, Я. Джемса, Д. Шуба и Сахарова; из эсеров участвовали в ней А. Аргунов, Е. Брешковская, В. Зензинов, К. Оберучев и др.

41. Речь идет о выпущенной в России осенью 1918 г. брошюре Ю. О. Мартова „Долой смертную казнь”.

42. П. Б. Аксельрод. Кто изменил социализму? (Большевизм и социал-демократия в России). Нью-Йорке, 1919, с. 23.

43. Там же, сс. 28-29.

44. Там же, с. 30.

45. См. сб. Революция и социал-демократия, Одесса, 1920.

46. Социалистический вестник, ноябрь, 1922.

47. Там же, № 13, 1929.

48. Вопрос о представительстве в Интернационале меньшевиков имел свою длительную, насыщенную конфликтами историю, которой касаться здесь не приходится.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя	3
Б. Николаевский РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918	4
Б. Николаевский Меньшевизм в период военного коммунизма (1918-1921 гг.)	49
С. Волин Меньшевизм в первые годы НЭПа	103
Г. Аронсон К истории правого течения среди меньшевиков	175